

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1/2023

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиушенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domašenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +38 062 302-92-33. **E-mail:** v.terkulov@donnu.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@donnu.ru. **URL:** <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 2 от 31.03.2023 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2023

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 1/2023

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

<i>Усова Н.В., Сергиенко Е.А.</i> Вариативность переводческих стратегий передачи поэтонимии англоязычного произведения (поэма Э.А. По «Ворон»)	3
<i>Филатова Е.В.</i> Устная речь как основа верификации исследований речи	11
<i>Евсеева М.Г.</i> Коннотативная специфика поэтических дескрипций, принадлежащих к семантическому пространству эсхатологической мифологии Петербурга	21
<i>Касьяненко Н.Е.</i> Лексика слухового восприятия в творчестве А. Ахматовой: когнитивный аспект	29
<i>Курмакаева Н.П.</i> Донецкий речевой дискурс в фокусе креативности: вчера и сегодня	41
<i>Мозговой В.И.</i> Законы правовой ономастики и роль графики в идентификации объектов номинации	50
<i>Сорокин А.А.</i> Особенности становления и развития «маленькой поэмы» в русской поэзии рубежа XIX–XX веков	58
<i>Плахтий Т.П.</i> Поэтика барокко: архетип фуги в славянской религиозной драме XVI–XVIII веков	67

Психология

<i>Некрасова И.Н.</i> Методологические особенности использования конструкта «образ жизни» в клинико-психологических исследованиях	77
<i>Новикова Е.В.</i> Психологическая помощь личности при сложностях с зачатием	87
<i>Руденко С.В.</i> Динамика временной перспективы в условиях нестабильной военно-политической ситуации	99
<i>Фархутдинова Ю.Н.</i> Исследование психологических особенностей вины и стыда	107
<i>Набатова С.В.</i> Роль представлений о себе и идеальном человеке в формировании образа друга современных подростков	114
<i>Чуканов Е.В.</i> История развития взглядов на проблему идентичности	122
Правила для авторов	132

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 1/2023

CONTENTS

Philology

<i>Usova N.V., Sergienko E.A.</i> Variability of translation strategies in rendering poetonymy of the English work (poem "The Raven" by E.A. Poe)	3
<i>Filatova E.V.</i> Oral speech as the basis for speech study verification	11
<i>Evseeva M.G.</i> Connotative specificity in poetic descriptions of eschatological mythology of St. Petersburg	21
<i>Kasyanenko N.E.</i> Auditory perception vocabulary in works by A. Akhmatova: cognitive aspect	29
<i>Kurmakaeva N.P.</i> Donetsk speech discourse viewed in creativity focus: yesterday and today	41
<i>Mozgovoy V.I.</i> Laws of legal onomastics and role of graphics in identifying objects of nomination	50
<i>Sorokin A.A.</i> Formation and development of "little poem" in Russian poetry at the turn of the 19 th and 20 th centuries	58
<i>Plakhtiy T.P.</i> Baroque poetics: archetype of fugue in Slavic religious drama of the XVI th –XVIII th centuries	67

Psychology

<i>Nekrasova I.N.</i> Methodological features of "life style" construct in clinical and psychological studies	77
<i>Novikova E.V.</i> Psychological assistance to person with impregnation difficulties	87
<i>Rudenko S.V.</i> Dynamics of time perspective in unstable military and political situation	99
<i>Farkhutdinova Y.N.</i> Study of guilt and shame psychological characteristics	107
<i>Nabatova S.V.</i> Concepts of oneself and of ideal person in forming image of modern teenagers' friend	114
<i>Chukanov E.V.</i> Development of views on identity problem	122
Guidelines for authors	132

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'373.2: 811.11+811.161.1

ВАРИАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕДАЧИ ПОЭТОНИМИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (ПОЭМА Э.А. ПО "ВОРОН")

© 2023 Н.В. Усова, Е.А. Сергиенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлен сопоставительный анализ поэтонимии оригинала произведения Э.А. По «Ворон» и его переводов на русский язык. Материал исследования – английские поэтонимы указанной поэмы и соответствующие лексические единицы русского языка из текстов переводов К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и Д.С. Мережковского. Проводится качественный и количественный анализ поэтонимов и их функций. Внимание фокусируется на стратегиях, избираемых переводчиками для передачи поэтонимии оригинала средствами русского языка. Описываются особенности стиля каждого из переводчиков и степень близости к оригиналу. Устанавливается, что каждый переводчик применяет свою стратегию, включающую такие способы перевода как транспозиция, калькирование, транслитерация, транскрипция, однако характер применения способов перевода русскими поэтами существенно различается. Отмечаются сложности перевода поэтонимов как конструктивных компонентов поэмы.

Ключевые слова: поэтоним, Э.А. По, поэма, смысл, звучание, структура, способ передачи.

Введение. Вопросы передачи онимной составляющей при переводе литературных произведений остаются актуальными длительное время и ещё более актуализируются в последнее время, когда межкультурные контакты становятся всё более интенсивными. Проблема передачи собственных имён при переводе текстов разных стилей и жанров активно разрабатывается в научных работах последних лет [2; 6; 7; 10; 11]. Творчество Эдгара Алана По как поэта пользуется непреходящим интересом читателей и лингвистов. Едва ли не первым исследователем поэтики этого произведения был Р. Якобсон [9].

Однако тема имён собственных как компонентов стихотворных текстов Э.А. По представляется недостаточно изученной. С точки зрения ономастики поэма Э.А. По «The Raven» («Ворон») [5] рассматривалась в монографии В.М. Калинин [3]. Комплексный анализ поэтонимии произведения проводился в работе [8], где внимание фокусировалось на роли звучания поэтонимов в становлении структурных и смысловых связей произведения, а также на реализуемых при этом механизмах интеграции фонетической формы поэтонимов в просодический и фоносемантический уровень поэтических структур. В переводческом аспекте поэтонимы этого произведения не изучены в достаточной мере, и сопоставительный анализ переводов поэмы на русский язык с точки зрения ономастики ранее не проводился.

Цель данной работы – выявление и сопоставительный анализ особенностей передачи поэтонимов исходного стихотворного текста (далее ИТ), перенесённых в переведённый на русский язык текст поэмы. В ходе лингвистического анализа решаются задачи сопоставления онимной составляющей трёх вариантов перевода поэмы на русский язык и установления основных способов перевода в их вариативности. В ходе рассмотрения анализируемого материала были учтены

разработанные Д.И. Ермоловичем принципы и рекомендации по передаче имен собственных при переводе [2, с. 32–35].

Материалом исследования служат оригинал англоязычного произведения Э. По [5] и, в частности, английские поэтонимы указанной поэмы, а также тексты трёх переводов поэмы на русский язык и соответствующие лексические единицы (онимы и апеллятивы), функционирующие в текстах перевода. Для сопоставительного анализа выбраны лучшие, признанные классическими переводы этого произведения: К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и Д.С. Мережковского [4].

Основная часть.

1. Анализ поэтонимии поэмы и её переводов. Базовым термином и основной единицей в исследовании является поэтоним (термин был разработан и обоснован В.М. Калининским [3, с. 120–122]). Под поэтонимом вслед за В.М. Калининским понимается любое собственное имя, употребленное в литературном произведении.

В ходе работы в оригинале поэмы Э.А. По были выявлены все поэтонимы и проведён анализ особенностей их употребления в тексте. Общее количество употреблённых поэтонимов Э.А. По – 10, а совокупное количество их употреблений – 39. Ниже приводится таблица (таблица 1), в которой представлены количественные данные относительно поэтонимов ИТ, их количества и распределения в тексте поэмы.

Таблица 1. Количественная характеристика поэтонимов в поэме Э. А. По

Поэтоним	Порядковый номер строки, в которой употребляется поэтоним	Количество употреблений поэтонима
Raven	Заглавие; строки: 38, 46, 48, 55, 84, 90, 96, 102, 103	10
Lenore	10, 11, 28, 29, 82, 83, 94, 95.	8
Pallas	41, 104	2
Nevermore	48, 54, 60, 66, 72, 78, 84, 90, 96, 102, 108.	11
Seraphim	80	1
God	81, 92	2
Gilead	89	1
Heaven	92	1
Aiden	93	1
(Night's)Plutonian	47, 98	2
Всего	10	39

По данным таблицы можно видеть последовательность и частоту использования поэтонимов автором. Максимальное количество употреблений выявляет поэтоним *Nevermore* (11), второй по частотности – *Raven* (10), далее – *Lenore* (8). Количество употреблений поэтонимов *Pallas*, *God*, *(Night's)Plutonian* – по два, и остальные онимные единицы *Seraphim*, *Gilead*, *Heaven* и *Aiden* встречаются в тексте по одному разу. Очевидно, что чаще всего в тексте оригинала употребляется поэтоним *Nevermore*.

Следует заметить, что (как обосновывалось в статье «Звук имени и “подводное течение смысла”») (8) слово-рефрен *never*, хоть и не является именем собственным, представляет собой регрессивный эквивалент поэтонима *Raven*. С учётом этого факта количество употреблений поэтонима *Raven* возрастает до 25-ти раз. Таким образом, поэтоним *Raven* становится первым по количеству употреблений. Поэтонимы *Raven*, *Lenore* и *Nevermore* встречаются чаще остальных, что позволяет рассматривать их как ключевые поэтонимы, которые задают тему и тон всему

произведению. Остальные же поэтонимы выполняют функцию дополнения и усиления основных образов.

2. Сопоставительное рассмотрение использования поэтонимов в оригинале и переводе. В таблицах 2, 3, 4 приведены данные использования проприальных единиц в ИТ поэмы и переведённых на русский язык текстах (далее ПТ) каждого из трёх переводчиков. На основе этих данных можно сделать вывод о степени соответствия передачи поэтонимов с исходного языка на русский.

Таблица 2. Сопоставление использования поэтонимов в тексте оригинала и в переводе К.Д. Бальмонта

поэтоним ИТ	поэтоним ПТ	Количество употреблений		Комментарий
		в оригинале	в переводе	
Raven	Ворон	10	14	Фигурирует чаще в тексте перевода, чем в тексте оригинала. Переведен при помощи калькирования.
Lenore	Ленора	8	5	В тексте перевода только один раз был использован повтор поэтонима в шестистишье (14-я строфа). В остальных случаях повтора в оригинале в переводе поэтоним использован лишь один раз. Переведен при помощи транслитерации.
Pallas	Паллада	2	2	Функционирование поэтонима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
Nevermore	Никогда	11	12	В переводе в 12-й строфе, в отличии от оригинала, использован повтор поэтонима. Переведен при помощи калькирования.
Seraphim	Серафим	1	1	Функционирование поэтонима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
God	Бог	2	2	Функционирование онима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
Gilead	-	1	0	Оним в переводе отсутствует.
Heaven	Небо	1	1	Проприальная единица заменена нарицательной, но автор, стараясь приблизиться к оригиналу, написал слово с большой буквы, что характерно для имени собственного. Поэтоним передаётся калькированием.
Aiden	Рай	1	1	Функционирование поэтонима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
(Night's) Plutonian	Ночь	2	2	Составляющая поэтонима опускается. Лексическая единица, заменяющая поэтоним оригинала, используется столько же раз. Переведен при помощи полукальки.

Исходя из данных таблицы 2, мы видим определённые особенности перевода Бальмонта. Так, ключевой поэтоним *Raven* Бальмонт использует чаще, чем это происходит в оригинале, в то время как антропоэтоним, составляющий лейтмотив стихотворения Эдгара По – *Lenore* – используется им реже. Переводчику не удается воспроизвести двойное повторение данного онима, он пытается воссоздать повторяемость, но иными средствами. Оним *Nevermore* используется в переводе чаще, чем в оригинале, на 1 раз. Употребления поэтонимов *Pallas*, *Seraphim*, *God*, *Aiden*, а также *Heaven* переданы достаточно близко к оригиналу, количество их употреблений в оригинале и переводе совпадает. Отличительный нюанс – это то, что ближайший эквивалент онима в русском языке – нарицательный. Однако Бальмонт исправил положение, написав *Небо* с большой буквы и превратив его так в оним. Поэтоним *Gilead* был проигнорирован, а эквивалент поэтонима *(Night's) Plutonian* был передан лишь частично: компонент *Plutonian* был опущен.

Следует отметить, что Бальмонт уделил внимание ритму и рифме стихотворения и приблизил ритмическое звучание перевода к оригиналу, используя параллелизм, но не включая в него центральную фигуру параллелизма оригинального текста – поэтоним *Lenore*. В результате комплекса приёмов стихотворение приобретает благозвучное музыкальное звучание.

Таблица 3. Сопоставление использования онимов в тексте оригинала и в переводе В.Я Брюсова

поэтоним ИТ	поэтоним ПТ	количество употреблений		Комментарий
		в оригинале	в переводе	
Raven	Ворон	10	9	В языке перевода поэтоним используется реже, чем в оригинале. Переведен при помощи калькирования.
Lenore	Линор	8	4	Используется в тех же строфах, что и в оригинале, но не используется в качестве повтора. Переведен при помощи транскрипции.
Pallas	Паллада	2	1	Используется в переводе всего один раз, в то время как в оригинале поэтоним встречается дважды. Переведен при помощи транспозиции.
Nevermore	Больше никогда	11	11	Поэтоним переведен на русский язык словосочетанием, которое является самым близким по смыслу эквивалентом по отношению к поэтониму <i>Nevermore</i> . Переведен при помощи калькирования.
Seraphim	серафим	1	1	Записан в переводе с маленькой буквы, что переводит поэтоним в разряд имен нарицательных. Количество же употребления совпадает с оригиналом. Переведен при помощи транспозиции.
God	Бог	2	1	Используется в переводе всего один раз в то время как в оригинале поэтоним встречается дважды. Переведен при помощи транспозиции.
Gilead	Галаад	1	1	Функционирование поэтонима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
Heaven	небо	1	1	Записан в переводе с маленькой буквы, что переводит поэтоним в разряд имен нарицательных. Количество употребления совпадает с оригиналом. Переведен при помощи калькирования.
Aiden	рай	1	1	Записан в переводе с маленькой буквы, что переводит поэтоним в разряд имен нарицательных. Количество употребления совпадает с оригиналом. Переведен при помощи транспозиции.
(Night's) Plutonian	Плутон	2	1	Составляющая поэтонима опускается. Заменяющая поэтоним оригинала лексема используется на 1 раз меньше. Поэтоним переведен при помощи полукальки.

По данным таблицы 3 можно видеть особенности перевода Брюсова. Переводчик не оставил без внимания ни один поэтоним оригинала, однако внес количественные изменения, сократив употребления многих поэтонимов чуть ли не в два раза (*Lenore*, *Pallas*, *God*, *(Night's) Plutonian*). Количественные изменения слабо затронули поэтоним *Raven* и не затронули совсем поэтонимы *Nevermore*, *Seraphim*, *Gilead*, *Heaven*, *Aiden*. Однако в результате перевода поэтонимы *Seraphim*, *Heaven*, *Aiden* стали нарицательными.

В то же время Брюсов уделил особое внимание смыслу стихотворения и попытался при переводе как можно точнее и, насколько позволяют возможности русского языка, дословно передать его.

Таблица 4. Сопоставление использования онимов в тексте оригинала и в переводе Д.С. Мережковского

поэтоним ИТ	поэтоним ПТ	Количество употре блений поэтонима		Комментарий
		в оригинале	в переводе	
Raven	Ворон	10	15	Поэтоним фигурирует чаще в тексте перевода, чем в тексте оригинала. Переведен при помощи калькирования.
Lenore	Ленора	8	6	Повторы поэтонима как в оригинале. Переведен при помощи транслитерации.
Pallas	Паллада	2	4	Функционирование поэтонима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
Nevermore	Никогда	11	12	В переводе в 11-й строфе, в отличие от оригинала, применяется повтор поэтонима. Переведен при помощи калькирования.
Seraphim	Серафимы	1	1	При переводе поэтоним приобрел множественное число. Переведен при помощи транспозиции.
God	Бог	2	2	Функционирование онима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
Gilead	-	1	0	Оним в переводе отсутствует.
Heaven	-	1	0	Оним в переводе отсутствует.
Aiden	Эдем	1	1	Функционирование онима в переводе близко к оригиналу. Переведен при помощи транспозиции.
(Night's) Plutonian	Ночь	2	2	Составляющая поэтонима опускается. Персонифицированная лексема, заменяющая поэтоним оригинала, употреблена равное количество раз. Поэтоним переведен при помощи полукальки.

Как видно из данных таблицы 4, перевод Мережковского имеет свои особенности. Автор перевода не только обратил внимание на поэтоним *Lenore* как важный по смыслу, но и попытался воссоздать структуру употребления этого поэтонима. В силу определённых существенных отличий в структуре русского и английского языков ему не удалось сделать поэтоним *Lenore* основой ритмической и звуковой организации поэмы, передать сквозную рифму и «пропитанность» стихотворения, т.е. в точности воссоздать английскую структуру стихотворения и передать ее фонетические особенности. Однако Мережковскому удалось частично воссоздать параллелизм, сформированный на основе поэтонима *Lenore* в тексте оригинала.

Количество употреблений многих поэтонимов близко к оригиналу (*Nevermore*, *Seraphim*, *God*, *Aiden*, *(Night's) Plutonian*). Обращает на себя внимание тот факт, что Мережковский, так же, как и Бальмонт, использует поэтоним *Raven* чаще, чем он появляется в оригинале. Также автор посчитал нужным увеличить употребление перевода поэтонима *Pallas*. В то же время заметно недостаточное по сравнению с оригиналом количество употребления поэтонима-эквивалента *Lenore*. К числу минусов можно отнести пренебрежение поэтонимами *Gilead* и *Heaven*, которые были опущены при переводе.

В таблице 5 представлены результаты сопоставления поэтонимов переводов, выполненных тремя авторами, и поэтонимов оригинала поэмы Э. По, в том числе их количественные характеристики.

Таблица 5. Сводная таблица поэтонимов оригинала и переводов

поэтоним	Э. По	В. Брюсов	К. Бальмонт	Д. Мережковский
Raven	10	9 (Ворон)	14 (Ворон)	15 (Ворон)
Lenore	8	4 (Линор)	5 (Ленора)	6 (Ленора)
Pallas	2	1 (Паллада)	2 (Паллада)	4 (Паллада)
Nevermore	11	11 (Больше никогда)	12 (Никогда)	12 (Никогда)
Seraphim	1	1 (серафим)	1 (Серафим)	1 (Серафимы)
God	2	1 (Бог)	2 (Бог)	2 (Бог)
Gilead	1	1 (Галаад)	0	0
Heaven	1	1 (небо)	1 (Небо)	0
Aiden	1	1 (рай)	1 (Рай)	1 (Эдем)
Night's Plutonian	2	1 (Плутон)	2 (Ночь)	2 (Ночь)

Количественный анализ выявляет существенное увеличение по сравнению с оригиналом случаев употребления поэтонима *Raven/Ворон* в переводах Бальмонта (до 14) и Мережковского (до 15). В то же время поэтоним *Линор/Ленора* у всех переводчиков употреблён значительно меньше, чем поэтоним *Lenore* в оригинале; у Брюсова число употреблений этого поэтонима снижено вдвое. На основании количественного анализа, учитывая значимость обоих поэтонимов (*Raven* и *Lenore*) как ключевых слов для композиции, звучания и организации смысла поэмы Э. По, можно говорить о недооценённости поэтонима *Lenore* переводчиками. Достаточно вспомнить, что И.Р. Гальперин рассматривал этот поэтоним как единственное собственное имя во всей поэме [1].

3. Способы передачи поэтонимов в русскоязычных переводах.

При передаче поэтонима *Raven* все переводчики использовали способ калькирования.

При передаче поэтонима *Lenore* Бальмонт и Мережковский использовали транслитерацию, в то время как Брюсов перевел данный поэтоним методом транскрипции.

При передаче поэтонима *Pallas* все переводчики использовали транспозицию.

При передаче поэтонима *Nevermore* Бальмонт и Мережковский использовали калькирование. Брюсов также использовал калькирование, но для того, чтобы достичь большей точности и желаемого звучания перевода, добавил уточнение *больше (никогда)*, заменив однословную лексему двухсловным сочетанием.

Оним *Seraphim* все переводчики перевели способом транспозиции, однако Брюсов при переводе превратил этот оним в апеллатив.

Оним *God* все переводчики перевели одинаково, при помощи транспозиции.

Поэтоним *Gilead* Бальмонт и Мережковский не приняли во внимание. Брюсов перевел этот поэтоним методом транспозиции.

Поэтоним *Heaven* Брюсов и Бальмонт перевели калькированием, при этом у Бальмонта поэтоним остался именем собственным, а в переводе Брюсова стал нарицательным. Мережковский не принял оним *Heaven* во внимание.

Поэтоним *Aiden* всеми переводчиками передан с помощью транспозиции. Однако переводчики выбрали разные эквиваленты данного поэтонима в русском языке: Брюсов и Бальмонт перевели оним *Aiden* как *Рай*, тогда как в переводе Брюсова оним преобразовался в апеллатив (по графическим признакам). Мережковский переводит оним *Aiden* как *Эдем*, что является более сходным с оригиналом по звучанию и написанию.

Оним *Night's Plutonian* был переведен всеми переводчиками частично. Бальмонт и Мережковский перевели его как *Ночь*, отобразив одну его составляющую, а Брюсов перевел его как *Плутон*, отобразив другую составляющую.

Выводы. В результате проведенного исследования в тексте оригинала были определены основные поэтонимы, из которых *Raven*, *Lenore* и *Nevermore* встречаются чаще остальных, что подтверждает их функционирование как ключевыми поэтонимами, которые задают тематику, ритм, звучание и настрой всего произведения; остальные поэтонимы выполняют функцию дополнения основных образов, поддержания ритмического и звукового строя и усиления общего впечатления.

Результаты сопоставления переводов Бальмонта, Брюсова и Мережковского с текстом оригинала показывают, что каждый переводчик применяет свою стратегию, включающую такие способы перевода как транспозиция, калькирование (а также полукалька), транслитерация, транскрипция, однако характер применения способов перевода русскими поэтами существенно различается.

Сложность перевода поэтонимов как конструктивных компонентов поэмы состоит в том, что при акцентировании внимания на одной из онимных лексем упускаются из виду другие. Так, при попытке Мережковского воссоздать параллелизм стихотворения с участием поэтонима *Lenore*, поэтонимы *Gilead* и *Heaven* были утеряны. Брюсов уделил больше внимание точности передачи смысла и учел каждый поэтоним, но на языке перевода часть поэтонимов стали апеллятивами. В переводе Бальмонта прослушивается выверенность рифмы и ритма, музыкальность и эвфония стихотворения, но он не уделил должного внимания поэтонимам. В его переводе имеют место несущественные искажения содержания стихотворения.

В заключении следует констатировать, что в рассмотренных текстах русских поэтов К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова и Д.С. Мережковского реализованы разные успешные варианты перевода поэмы Э.А. По. Однако ни один из рассмотренных переводов, несмотря на талант авторов, не содержит всей полноты средств поэтонимии оригинала, и, следовательно, не отображает в полной мере все стилистические, смысловые и фонетические нюансы стихотворения.

Перспективой исследования может быть детальное изучение переводов рассмотренной поэмы каждого из переводчиков с учётом степени адекватности передачи не только ономастических, но и других средств поэтики, что представляет интерес и практическую ценность для переводоведения, а также для межкультурной коммуникации в области германских и славянских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.
3. Калинин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Лирика Эдгара По в переводах русских поэтов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/mob/b/231796?format=read> (дата обращения: 08.06.2020).
5. По Э.А. Полное собрание поэм и стихотворений. – [Электронный ресурс]. – Э.А. По. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/po_e_a/text_1924_polnoe_sobranie_poem_i_stihotvoreny.shtml (дата обращения: 08.06.2020).
6. Приёмы передачи имён собственных: традиция и современные тенденции. Контрастивные топонимы и антропонимы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://linguisticus.com/ru/TranslationTheory/OpenFolder/PEREDACHI_IMJON_SOBSTVENNYH (дата обращения: 12.05.2020).

7. Соломыкина А.С. Способы перевода имен собственных на материале американской публицистики / А.С. Соломыкина, Н.А. Каширина // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7-1. – С. 80–81.

8. Усова Н.В. Звук имени и "подводное течение смысла" / Н.В. Усова // Филологические исследования. – Вып. 7. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – С. 276–289.

9. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: „за“ и „против“. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

10. Kremer D. Namen und Übersetzung oder besser: Wiedergabe von Namen in der Übersetzung / Dietlind Kremer // Namenkundliche Informationen 107/108. Leipziger Universitätsverlag, 2016. – S. 10–26.

11. Lazaro C.C. Proper Names in Audiovisual Translation. Dubbing vs Subtitling / Carmen Cuellar Lazaro // Namenkundliche Informationen 107/108. Leipziger Universitätsverlag, 2016. – S. 117–134.

Поступила в редакцию 19.02.2023 г.

VARIABILITY OF TRANSLATION STRATEGIES IN RENDERING POETONYMY OF THE ENGLISH WORK (POEM "THE RAVEN" BY E.A. POE)

N.V. Usova, E.A. Sergienko

The article deals with a comparative analysis of poetonymy in the original work "The Raven" by E.A. Poe and its translations into Russian. The empirical corpus includes the English poetonyms used in this poem and the corresponding lexical units from the poem translations into Russian made by K.D. Balmont, V.Ya. Bryusov and D.S. Merezhkovsky. The qualitative and quantitative analysis of the poetonyms and their functions is carried out. A special focus is made on the strategies chosen by the translators to render the original poetonymy by means of the Russian language. The style features of the translators and the degree of identity with the original are described. The conclusion is made that every translator uses his own strategy, incorporating such translation techniques as transposition, literal translation, transliteration, transcription. It should be pointed out that the way different techniques are employed by the Russian poets varies significantly. The difficulties in translating poetonyms as the poem constructive components are highlighted.

Key words: poetonym, E.A. Poe, poem, meaning, sound, structure, translation strategy.

Усова Нина Васильевна.

Доктор филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры германской филологии.

E-mail: n.usova@donnu.ru

Сергиенко Елена Александровна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Студентка 5 курса факультета иностранных языков.

E-mail: lenasergienko@mail.ua

Usova Nina Vasiljevna.

Doctor of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor at Germanic Philology Department.

E-mail: n.usova@donnu.ru

Sergienko Elena Aleksandrovna.

Donetsk National University.

5st year student of Foreign Languages Faculty.

E-mail: lenasergienko@mail.ua

УДК 811.1/.2

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ОСНОВА ВЕРИФИКАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЧИ

© 2023 *Е.В. Филатова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В центре внимания данной работы находится сфера речи. В последние годы усилился интерес учёных к речи, как природной форме общения: к её реальной структуре и конкретным единицам её порождения, что весьма важно, так как речь и речевая деятельность выступают в качестве главного фона при осуществлении верификации результатов лингвистических исследований. Появились основания по-иному взглянуть на многие концепции. Методическая база речевых исследований представлена разнообразными методами и приёмами: метод наблюдения за речью в разных речевых сферах; метод системного анализа речи, позволяющий осознать её как систему типичных минимальных исходных авторских речевых единиц, на основе которых представлены и воспринимаются мысли и содержание речи в целом; метод верификации полученных результатов и выводов как способ проверки их научной основательности; приём синтагматической записи речи; метод компонентного (синтагматического) анализа и др.

Ключевые слова: устная речь, письменная речь, синтагма, фраза, сообщение, текст, интонация, верификация.

В современной лингвистике нет чёткого разделения речевых единиц по признаку их отношения к устной и письменной формам речи. Хотя вполне естественно, что разным формам речи должны быть присущи и разные речевые единицы, что обусловлено не только их разным материальным выражением (звуковое и графическое), но и разным их порождением, оформлением и назначением. По мнению исследователей, «существует ещё не познанная речевая реальность, для осмысления которой рамки ... синтаксиса узки, но и вне синтаксиса она не может быть объяснена» [1, с. 19].

При устном общении происходит непосредственное автоматическое спонтанное порождение синтагм, содержание которых воспринимается в процессе их порождения. При письменном общении осуществляется трансформация этих структур в соответствующие единицы письменной речи, после чего происходит их восприятие с опорой на предложения, как на относительно завершённые структурно-смысловые единицы текста.

Теоретическая и прагматическая важность изучения синтагмы. Необходимость тщательного и всестороннего изучения синтагмы и синтагматической структуры речи обусловлена многими причинами.

Главная из них в том, что синтагматическая концепция в полном объёме соответствует речевой деятельности – как продуцирующей, так и рецептивной. Сведения о синтагме способствуют осознанию:

1) истинной природы порождения и восприятия речи, т. е. того, что именно синтагмы являются исходными минимальными её единицами;

2) необходимости чёткого разграничения сфер языка и речи, единиц языка как обобщённых или абстрактных его общенародных средств и единиц речи как индивидуально-креативных структурно-содержательных её компонентов с ситуативным значением; а также того, чем языковые единицы отличаются от речевых и почему их нельзя смешивать;

3) важности разграничения единиц устной и письменной речи;

4) реальной структуры предложения, что способствует точной и аргументированной квалификации его компонентов;

5) факта, что вовсе не из звуков, слов или словосочетаний составляется предложение и формируется его содержание;

6) неубедительности утверждения о том, что предложение строится путём распространения структурной схемы отдельными словами;

7) противоречия в традиционном и новом учении о членах предложения, которые устанавливаются и квалифицируются без учёта характера связи – внутрисинтагмной и межсинтагмной, – отчего происходит разрушение синтагм как реальных компонентов структуры и содержания предложения;

8) способа отражения предикативности: односоставности /двусоставности в предложенческих структурах с инфинитивом в роли главного компонента.

Рассматриваемые вопросы весьма важны для развития теории и практики речевой деятельности, устной и особенно письменной форм речи. Поэтому необходимо системное и основательное их изучение в школе и вузе.

Но особенно важна синтагматическая концепция речи в прагматическом плане: она способствует выработке и совершенствованию речевых умений и навыков. Каждому человеку нужно научиться говорить и писать, слушать и читать, т. е. освоить все четыре вида речевой деятельности. Например, для читателя весьма важно чётко и последовательно разграничивать авторские синтагмы, определять их реальные границы и осознавать их интонацию. Только в этом случае возможно точное понимание авторского содержания текста. Знания о синтагме как исходной речевой единице способствуют быстрому установлению реальной авторской синтагматической структуры текста, следовательно, помогают адекватному пониманию его содержания при чтении или переводе его на другие языки.

Не менее важны они при изучении языков, способствуя выяснению того, какие слова в предложении сочетаются в единые грамматические или структурно-смысловые группы с конкретным ситуативным значением, составляющие реальную его структуру и определяющие его содержание.

Речевые структуры обычно объединяются исследователями в единую группу лингвистических единиц или вообще смешиваются, тогда как различать и последовательно разграничивать единицы устной и письменной речи методологически важно.

В связи с этим обратим внимание на реальную дифференциацию речевых единиц не только в зависимости от их отношения к порождению речи (единицы порождения речи) и к её оформлению (единицы оформления речи), но также по их отношению к конкретной форме речи – устной или письменной. Чтобы выяснить, какие именно речевые средства выступают в процессе устного общения в качестве компонентов речи, необходимо опираться не на литературные тексты, как это делает цитируемый автор, и не на записи разговорной или диалектной речи. Опирайтесь нужно непосредственно на звучащую речь и её синтагматическую запись, на то, какие структурно-смысловые компоненты интонационно и содержательно выделяются в ней субъектом речи. Ведь именно из них он порождает её, из их значений составляет содержание. Осмысление значений этих единиц слушателем и наращение их значений помогает ему адекватно понимать речь на уровне передаваемых мыслей и сообщения в целом.

Применительно к устному общению разговор может идти о трёх речевых единицах: минимальной исходной структуре, т. е. синтагме, фразе, соответствующей отдельной мысли, и полном сообщении. Говорящий, разграничивая свою речь паузами

(т. е. на основе интонационного принципа), выделяет в ней в качестве исходных самостоятельных речевых компонентов не отдельные слова или словоформы, а структурно-смысловые группы слов с единым ситуативным значением.

Отражая единичные элементарные фрагменты содержания, эти группы (синтагмы) объективно являются минимальными исходными компонентами. Путём их наращивания по мере формирования мыслей (т. е. на основе смыслового принципа) выделяются фразы, а передаваемая информация соответствует сообщению в целом.

Кроме общих для обеих форм речи синтагм, существуют и другие речевые единицы. Они делятся на структуры, которые характерны только для устной формы, и структуры, которые присущи только письменной речи. Основное их назначение состоит в традиционном оформлении конкретной формы речи.

В устной форме, как уже отмечалось, это фразы, отражающие самостоятельные мысли, и полное сообщение. При записи устной речи фразы трансформируются в предложения, высказывания, отражающие микротему, и текст как завершённую речевую единицу.

Письменная речь появляется в результате трансформации звуковой формы в графическую. Исходная речевая структура у них общая, хотя имеет разное материальное выражение: звуковое, сопровождающееся однозначной интонацией, и графическое, с шифруемой интонацией.

Единицами оформления письменной речи являются предложения (простые и сложные), высказывания, представленные в виде абзацев (в иной терминологии: сложное синтаксическое целое, межфразовое единство, предикативно-релятивный комплекс и др.), и текст. При трансформации устной речи в письменную форму (или при записи звучащей речи под диктовку) невозможно добиться однозначного выделения предложений всеми пишущими. Поэтому приходится предупреждать о начале каждого очередного предложения.

Последовательное разграничение языка и речи, языковых единиц и речевых, а также дифференциация речевых единиц по их отношению к порождению речи и к её оформлению, к устной речи и письменной позволяет определить синтагмы как исходные единицы речи, являющиеся общими как для устной, так и для письменной формы. На их основе осуществляется и восприятие речи. По мере наращивания синтагм и появления самостоятельных мыслей в устной речи фиксируются фразы, на основе которых при трансформации устной речи в текст в нём выделяются предложения.

В занимательной английской лингвистике есть интересный пример, отражающий особенности интонационной делимитации речи. Правда, он отнесён совсем к другой теме. Некий профессор английского языка написал на доске предложение: *A woman without her man is nothing.*

Затем попросил студентов расставить в нём знаки препинания. Все юноши сделали это следующим образом:

A woman, without her man, is nothing.
(Женщина, без своего мужчины, ничто)

У девушек результат оказался совсем иной:

A woman: without her, man is nothing.
(Женщина: без неё, мужчина – ничто)

При этом данная ситуация поясняется как «великая сила пунктуации». Но дело здесь не в пунктуации, тем более что перед нами вторичная форма общения: письмо. Пунктуация – средство, используемое для отражения речевого явления при трансформации устной формы речи в письменную. Само же явление первично представляет собой информацию устной формы. Но задана она в виде предложения, в котором необходимо установить его синтагматическую структуру и конкретную интонацию как средство точной интерпретации передаваемого содержания. Шутка указывает на два возможных варианта оформления предложения, ибо здесь возможны два варианта синтагматической структуры и две интонации. Это обусловило гендерное восприятие и разную пунктуацию. В первом случае синтагматическая структура такова:

A woman, / without her man, / is nothing.

При чтении предложения вслух у него плавная интонация, не имеющая никаких перепадов и характеризующаяся двумя одинаковыми паузами, между которыми находится синтагма со значением уточнения, определяющего признака субъекта, названного в первой синтагме.

Во втором случае синтагматическая структура и интонация совсем иные:

A woman: // without her, / man is nothing.

Здесь тоже три синтагмы, но только начальная по материальному выражению такая же, как и в первом случае, хотя у неё теперь иная интонация, а следовательно, и другое ситуативное значение. Две другие синтагмы этого варианта вообще отличаются от синтагм первого варианта.

Если для автора интонация – это способ представления структуры и интерпретации содержания, то для читателя она средство идентификации авторской структуры и содержания.

Тема и содержание данной шутки, по мнению её автора, обусловлены пунктуацией. Если объяснять фрагментарно, то это действительно так. Но если объяснять основательно, то нужно сказать, что они здесь обусловлены: 1) конкретной информацией, 2) особенностями авторской синтагматической структуры предложения, отражающей конкретный смысл, 3) письменным оформлением предложения, способствующим точному отражению его синтагматической структуры, и 4) гендерным характером его восприятия. Комментатором игнорируются первые три фактора, хотя они являются основными. Он рассматривает эту шутку как пример курьёзного характера пунктуации, но пунктуация при написании речи обусловлена интонацией и передаваемым содержанием. В реальности, изначально для автора пунктуация – следствие, а не причина. Интонация обусловила и смысл, и определённую пунктуацию. Читатель же на основании данного следствия должен установить реальную авторскую интонацию и соответствующее ей содержание.

Данная шутка возможна только при неполном графическом (без пунктуации) отражении информации. В устном общении интонация однозначна, в связи с чем синтагматическая структура фразы очевидна, так как очевидна коммуникативная цель, и поэтому никаких пунктуационных вариантов, не соответствующих цели, при трансформации устного варианта фразы в предложение нет и не может быть. Иное дело, когда данный речевой фрагмент представлен в виде предложения, и читатель должен определить самостоятельно его синтагматическую структуру и интонацию. В

этом случае пунктуация выступает важным ориентиром поиска реальной авторской интонации.

Главная задача интонации и всех просодических средств – осуществление авторской делимитации речи, т. е. разграничение с помощью пауз всех исходных речевых единиц, что сделает предельно доступным значение каждой из них.

Основной инструмент делимитации речи – интонация. В устной речи она очевидна, поэтому идентификация передаваемого содержания не представляет для слушателя никаких проблем. В связи с этим членение текста как завершённой единицы письменной речи с целью выявления его реальных речепорождающих компонентов должно опираться на его устный (авторский) вариант, как первичную и естественную форму, на авторское интонационное членение, как основной способ максимально точно понять передаваемое содержание.

Все другие подходы к членению читаемого текста и его предложений, например, на состав подлежащего и состав сказуемого, носят общетеоретический характер и часто не соотносятся с реальным содержанием предложений. Только восстановленная авторская интонация может считаться надёжной основой для выявления реальных исходных речевых единиц конкретного текста.

Для наглядности на уровне предложения, которое условно можно считать минимальным текстом, сравним варианты его делимитации и обратим внимание на то, как при этом варьируется передаваемое содержание.

Друг видел эту книгу в библиотеке

My friend saw this book in the library

(никаких пауз в этом фрагменте нет, передаётся один нерасчлененный факт, например, при утверждении, что книга есть в библиотеке)

Друг / видел эту книгу в библиотеке

My friend / saw this book in the library

(передаётся два факта, например, при аргументации, что есть человек, который видел книгу в библиотеке)

Друг видел / эту книгу в библиотеке

My friend saw / this book in the library

(т. е. друг видел, что эта книга есть в библиотеке, он не просто знает, а видел её)

Друг видел эту книгу / в библиотеке

My friend saw this book / in the library

(так что не будем искать её по магазинам, а обратимся в библиотеку).

В зависимости от передаваемого содержания и его нюансов возможны и другие варианты интонации и членения этой речевой структуры. Так что вполне очевидно, что членение данного речевого фрагмента в каждом случае разное, у него разная интонация, разные смысловые акценты. И это свидетельствует о том, что реальное членение речи осуществляется её субъектом вовсе не по структурно-грамматическому принципу, когда выделяются структурно главные члены предложения, состав подлежащего, состав сказуемого, второстепенные его члены, – а на основании конкретной интонационно-смысловой обусловленности, вполне определённой коммуникативной цели, конкретной интерпретации содержания. Такой вывод соответствует и характеру порождения речи.

Таким образом, интонация – важнейший многофункциональный атрибут речи. Она выполняет такие функции:

- представительную (начиная с первой синтагмы субъектом речи интонационно представляется каждая очередная наращиваемая единица);
- делимитативную (все синтагмы разграничиваются паузами);
- выделительную (разграничиваясь, они тем самым выделяются как отдельные минимальные речевые структуры с единым ситуативным значением, благодаря чему речь адекватно осмысливается);
- интерпретационную (отражает авторское значение каждой синтагмы с выделением её основного смыслового компонента);
- объединительную (возможно, это выглядит парадоксально, но, разграничивая синтагмы, интонация отражает отношения между их значениями, последовательно объединяет эти значения и тем самым представляет общее содержание речи в его развитии);
- различительную (вписанная в текст интонация структурно и по смыслу различает графически одинаковые речевые единицы);
- коннотативную (отражает эмоционально-экспрессивный характер речи и оценку субъектом передаваемого содержания).

Иными словами, интонация осуществляет интерпретацию содержания с его конкретными нюансами, обеспечивая адекватное его понимание. Тем не менее, несмотря на исключительную теоретическую и практическую значимость, многие вопросы интонации, порождения и восприятия речи остаются проблемными. Нередко высказываются мысли, вызывающие сомнения и даже возражения.

Во-первых, не всегда чётко различаются фонетический и синтаксический аспекты интонации, языковое и речевое её проявление.

Во-вторых, часто отсутствует чёткость при описании её компонентов, характера их проявления и степени важности. Так, Н.В. Черемисина выделяет в качестве важнейших компонентов интонации «ударение и мелодику» (именно в такой последовательности), что, на наш взгляд, придаёт мыслям автора элемент случайности [18, с. 15].

Устная речь как первичная форма общения интонационно начинается вовсе не с ударения, а с мелодики, представления, делимитации и выделения исходных синтагм, в которых главный в смысловом отношении элемент несёт на себе ударение. Он может находиться в синтагме на любом месте. Ударение – отнюдь не начальный компонент интонации.

В-третьих, трудно согласиться с утверждением, часто повторяемым лингвистами (в том числе и упоминаемым автором), что речь интонационно членится на слова и предложения. Оно в такой же степени соответствует действительности, как и утверждение о том, что *Солнце всходит и заходит*. Безусловно, в речи (уточним: в письменной речи, так как разговор идёт о предложении) графически выделяются слова и предложения. Но это не значит, что звучащая речь интонационно членится на эти единицы, на что в своё время указывал ещё Л.В. Щерба.

В устном общении (и при чтении вслух) ни слова, ни предложения интонационно не разграничиваются. Но если какие-то отдельные слова выделяются в речи, то они выполняют функцию синтагм или их выделение обусловлено какой-то особой причиной (учебной, логопедической и т. п.).

Что касается слова, оно не речевая единица, о чём писал ещё двести лет назад В. фон Гумбольдт: «... речь строится не из предшествующих ей слов, а, наоборот, слова возникают из речи» [6, с. 100]. Это мнение разделяли А.А. Потебня [14], И.А. Бодуэн де Куртенэ [3], Л.В. Щерба [20], Г.В. Колшанский [9]. Показательно, что Бодуэн де

Куртенэ разграничивал слово как обобщённый, самодостаточный номинативный знак языка и слово как конкретную минимальную речевую единицу и ввёл для них разные термины: лексема и синтагма.

Речь – самостоятельная лингвистическая сфера со своими единицами. Её естественное членение осуществляется интонационно субъектом не на языковые, а на речевые единицы – на непосредственные компоненты её порождения, т. е. на синтагмы, а также на единицы её традиционного оформления: фразы – в устной форме, предложения и высказывания (сложное синтаксическое целое) – в письменной.

В процессе общения при лингвистическом оформлении мыслей, в сознании выделяются не слова, а получающие актуальность предметы, понятия как объекты мысли. Они конкретизируются с помощью их свойств, качеств, признаков, обычно ситуативных, в результате чего в сознании субъекта возникают не отдельные слова, а лексические единства с ситуативным значением, являющиеся исходными компонентами при порождении речи и при её восприятии.

Предложения не могут выделяться в устной речи, так как являются принадлежностью письменной её формы – текста. В устной речи предложений нет, в ней – фразы. Безусловно, текст можно озвучить, прочитав все его предложения. Можно прочитать в нём какое-то отдельное предложение, создавая *иллюзию* его чёткой структуры. Но это вовсе не значит, что в устной речи появились предложения и что они имеют строгие, чёткие границы. В этом случае предложения преобразуются в те фразы, на основе которых ранее они были выделены в тексте при его составлении, о чём почти полтора века назад говорил Г. Пауль [11].

Для автора интонация – обязательный атрибут оформления своей речи и представления содержания. Она у него определяется содержанием, а для адресата речи интонация субъекта определяет содержание, идентифицирует его. Она основа для осознания и осмысления каждой отдельной синтагмы и синтагматической структуры речи в целом.

Если интонация – средство интерпретации речи, а речь имеет устную и письменную формы, то интонация, естественно, должна соотноситься с обеими формами. В устной речи она представлена говорящим однозначно. В тексте она тоже предполагает авторскую однозначность и для идентификации содержания текста должна как-то в нём отражаться, чтобы читатель смог её восстановить и понять автора.

Но восстановить в тексте можно лишь то, что в нём заложено, подразумевается и при опоре на конкретные средства может быть воспринято. Читателю приходится разбираться в синтагматической структуре текста и каждого его предложения и, восстанавливая авторскую интонацию, добиваться точного понимания содержания.

По мнению Н.И. Жинкина, автор старается «вписать» интонацию в текст, способствуя осознанию её читателем. Нередко он вслух проговаривает записываемую речь, контролируя для себя интонационную делимитацию исходных единиц и тем самым удерживая и развивая передаваемые мысли [7].

Интонация шифруется в тексте с помощью существующих средств и способов, с учётом культурно-речевой традиции его оформления. В древности слова и предложения в тексте не разграничивались пробелами (например, в «Слове о полку Игореве»), отражая тот факт, что носители языка интонационно не разграничивали их в устной речи, поэтому не разграничивали их и на письме. Первой книгой, в которой появились пробелы между словами, стал «Апостол», изданный Иваном Фёдоровым и Петром Мстиславцем в 1564 г. Однако последующее разграничение в текстах слов

вовсе не означало, что их начали интонационно разграничивать в речи. Их графическое разграничение в текстах стало техническим приёмом их письменного представления.

Выделение предложений с их знаками препинания содействовало последовательному отражению передаваемых мыслей, помогало восприятию содержания речи в целом, способствовало восстановлению авторской интонации, более быстрому и глубокому осмыслению всех реальных речевых единиц, что значительно ускорило восприятие текста.

Теоретическая основа связи между структурами текста и интонацией представлена в работах В.А. Артемова [2], Г.И. Бубновой [4], М.В. Влавацкой [5], И.И. Ковтуновой [8], А.М. Мухина [10], А.М. Пешковского [12], Л.А. Пиотровской [13], И.П. Распопова [15], Н.Д. Светозаровой [16], Н.В. Черемисиной [18], В.Е. Шевяковой [19] и многих других исследователей.

Интонация входит в структуру предложения и текста в качестве обязательного компонента и находит выражение благодаря «системе интонационных фиксаторов» [18, с. 190].

В качестве последних называют различные структуры предложений, само выделение предложений в тексте, знаки препинания, строчное и ступенчатое членение стиха, различные ритмические фигуры и другие графические, лексические, грамматические и стилистические средства, которые указывают на границы синтагм, на синтагматическое ударение в многокомпонентных синтагмах и на характер мелодики.

Отметим, что некоторые лингвистические науки строятся на восстановлении интонации письменных памятников. Так, успехи в исторической и диалектной фонетике появились благодаря осмыслению интонации, заложенной в исследуемых текстах и в записях диалектной речи.

Чтение – основной способ получения знаний. Их качество зависит от качества чтения. Осознание интонации, закодированной в тексте, – главное условие адекватного его восприятия. Отклонение от неё ведёт к нарушению авторской синтагматической структуры текста, меняет нюансы содержания или вообще деформирует мысли.

Речевая деятельность отражает две фазы лингвистического опосредования в процессе познания действительности. В мире существует бесконечное множество реалий: предметов, признаков, качеств, действий, состояний, обстоятельств и многих других. И каждая имеет своё звучащее обозначение (наименование). Устная речь – это естественная, исторически первичная форма речевого поведения человека, обусловленная природой и окружающим миром. Звучащие наименования – это первый уровень лингвистического опосредования при восприятии и изучении мира.

С изобретением письма появились графические эквиваленты обозначения реалий. Читая слова в тексте, их необходимо слышать в их авторских исходных объединениях. Они появились в тексте не как единицы непосредственного обозначения, а как графические варианты звучащих ситуативных наименований. В тексте написанное слово соотносится с реалией не непосредственно, а через его первичное (звуковое) наименование, через звучание. Это второй уровень опосредования в речевой деятельности.

При исследовании речи и верификации представляемых концепций в качестве опоры должна выступать устная форма речи, так как она является первичным и естественным способом общения, который дан человеку от природы. Устной речью каждый человек овладевает самостоятельно уже в раннем детстве. Для этого достаточно, чтобы ребёнок находился в сфере звучащей речи, слышал её интонацию и ритм.

Письменная речь, несмотря на её исключительную цивилизационную роль, является вторичной, искусственной формой, созданной людьми, она основана на строго определённой системе условностей, правил и требований. Она представляет трансформацию звуковой речи в графическую. Чтобы овладеть ею, необходимо долго и целенаправленно обучаться, хорошо освоить приёмы такой трансформации, а также сформировать и развить навыки дешифрации её при чтении, необходимо умение чувствовать авторскую интонацию и ритм. В устной речи (или при чтении вслух) человек интонационно выделяет и разграничивает все исходные минимальные речевые единицы, благодаря чему речь воспринимается слушателями.

Если она воспринимается на основе этих индивидуально-авторских единиц, следовательно, из них непосредственно она и составлена, ведь именно они определили её структуру и содержание.

При устной форме общения говорение и восприятие сливаются в единый процесс. Восприятие осуществляется с появлением каждой очередной синтагмы. Так что объективный и убедительный ответ на вопрос об исходной единице построения речи возможен только при обращении к устной, т. е. природной, её форме, к её авторскому интонационному разграничению в момент её порождения. Устная форма общения однозначно указывает на реальную авторскую структуру речи и её подлинные исходные единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева С.В. Основные и вспомогательные единицы устной коммуникации / С.В. Андреева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – Т. 7. – № 2. – С. 18–28.
2. Артемов В.А. Метод структурно-функционального изучения речевой интонации: [уч. пособие] / В.А. Артёмов. – М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1974. – 160 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. О задачах языкознания / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию, в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. – С. 203–221.
4. Бубнова Г.И. Перцептивно-слуховая сегментация устно порождаемой речи / Г.И. Бубнова // Вестник Московского университета. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. №3. – С. 51–64.
5. Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика. История. Терминология. Функции: учебное пособие / М.В. Влавацкая. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. – 254 с.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // В.А. Звегинцев / История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М.: Просвещение, 1964. – С. 73–104.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
8. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И.И. Ковтунова. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.
9. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 2007. – 153 с.
10. Мухин А.М. Синтаксический анализ и проблема уровней языка / А.М. Мухин. – Л.: Наука, 1980. – 303 с.
11. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
12. Пешковский А.М. Интонация и грамматика / А.М. Пешковский // Избранные труды. – М.: Госучпедгиз, 1959. – С. 177–192.
13. Пиотровская Л.А. Эмоциогенность текста: психологический и лингвистический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т.22, №1. – С. 28–38.
14. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
15. Распопов И.П. Логическое ударение как особое средство структурной организации предложения / И.П. Распопов // Русский язык в школе. – 1966. – № 4. – С. 18–29.

16. Светозарова Н.Д. Синтагма / Н.Д. Светозарова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 447–449.
17. Филатова Е.В. Русская речь и ее реальные исходные единицы / Е.В. Филатова // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 3. – С. 315–325.
18. Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н.В. Черемисина. – М., 1982. – 207 с.
19. Шевякова В.Е. Интонация научной речи / В.Е. Шевякова, Ж.Б. Пинаева // Чтение. Перевод. Устная речь: Методика и лингвистика. – Л.: Наука, 1977. – С. 163–171.
20. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

Поступила в редакцию 22.02.2023 г.

ORAL SPEECH AS THE BASIS FOR SPEECH STUDY VERIFICATION

E.V. Filatova

Attention is paid to the sphere of speech. Recently the interest of scientists in speech as a natural form of communication has increased. Namely, to its real structure and certain units of its creation. That is very important as speech and speech activity are the main background for verification of the results of linguistic research. There are reasons to discuss many concepts in a different way.

The methodological basis of speech research is represented by various methods and techniques: the method of observing speech in different speech spheres; the method of system analysis of speech, which makes it possible to realize it as a system of typical minimal original authorial speech units by means of which thoughts and the content of speech as a whole are presented and perceived; the method of verifying the results and conclusions obtained as a way of their scientific thoroughness study; the method of syntagmatic speech recording; the method of component (syntagmatic) analysis, etc.

Key words: oral speech, written speech, syntagma, phrase, message, text, intonation, verification.

Филатова Елена Владимировна.

Доктор филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Заведующий кафедрой английского языка для естественных и гуманитарных специальностей.
E-mail: e.filatova@donnu.ru

Filatova Elena Vladimirovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Head of Department of English for Natural Sciences and Humanities.
E-mail: e.filatova@donnu.ru

УДК 81'373

**КОННОТАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭТИЧЕСКИХ ДЕСКРИПЦИЙ,
ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К СЕМАНТИЧЕСКОМУ ПРОСТРАНСТВУ
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ ПЕТЕРБУРГА**© 2023 *М.Г. Евсева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная работа раскрывает специфику коннотативных значений образных номинаций эсхатологической модальности в текстах, принадлежащих к кругу поэтических интерпретаций идеи гибели города, а именно, в текстах, содержащих поэтические интерпретации эсхатологических мифов. Как известно, одним из ключевых факторов мифологического мышления является следующая логически очевидная закономерность: объективно детерминированная необходимость жизни (пребывания) в ситуации перманентно возможной и периодически реализующейся опасности порождает в человеческом сознании (психике) потребность образной анимизации этой опасности. Это в свою очередь создает иллюзию возможности влиять на события посредством выполнения определенных ритуальных действий. По результатам исследования сделаны выводы о том, что для континуума художественных воплощений эсхатологической мифологии города представляется адекватной следующая классификация: а) мифологизированные номинации inferнальной эсхатологии; б) мифы о проклятии города; в) эсхатологические мифы знаковых артефактов; г) мифы эсхатологических пророчеств.

Ключевые слова: коннотация, дескрипция, мифологическое мышление, семантика, семасиология, семантическая парадигматика, языковой образ.

Введение. Одним из ключевых факторов мифологического мышления является следующая логически очевидная закономерность: объективно детерминированная необходимость жизни (пребывания) в ситуации перманентно возможной и периодически реализующейся опасности порождает в человеческом сознании (психике) потребность образной анимизации этой опасности. Это в свою очередь создает иллюзию возможности влиять на события посредством выполнения определенных ритуальных действий.

Для аргументации связи нашей работы с важнейшими научными и практическими задачами работы отметим, что в последние годы интерес лингвистов к проблемам прагматики художественного текста был и остается высоким. На сегодня известны попытки рассмотрения поэтического текста как реализации inferнального эмоционального потенциала автора (Л.Ю. Буянова). Аналогичным образом рассматривается вопрос эстетической информативности художественного текста (О.И. Журавлёва). Подобные работы раскрывают очерченную проблематику с позиций лингвистического анализа текста и являются вкладом в теоретическую базу соответствующей дисциплины. Семиотический аспект поэтического языка также не остается без внимания исследователей (С.В. Чебанов и Г.Я. Мартыненко, С.В. Ольховникова, О.В. Ковалёва). Исследователями анализируются представленность семиотических конструкторов в текстах-описаниях и проблема функциональной близости поэтического текста и мифа. Изучается также динамика формирования прагматического потенциала художественного текста с помощью образных средств. При этом текст поэтического произведения рассматривается как смысловая целостность, «обслуживаемая» образными средствами языка. Мы же подходим к образцам поэтических высказываний лишь как к материалу, в котором наиболее ярко и полно реализованы образность и коннотация номинативных лексем. Кроме того, в данной работе раскрывается проблема актуализации диахронических, несознаваемых,

первично номинативных смысловых реляций как средства создания коннотированного образного высказывания.

Обращаясь к обзору нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, следует отметить, что здесь впервые выявлена и прослежена на конкретном текстовом материале связь между коннотированностью, образностью, семантической парадигматичностью, этимологией и семиотической нагрузкой языковой единицы.

Основная часть. Представление о мотивах названной потребности отчасти дает латинское выражение «*Ex fuga vacui*» (*Из-за боязни пустоты*) [17, с. 248], актуализирующее семантическое соответствие ‘пустота’ – ‘неизвестность’. Логика же указанной закономерности, а также эмоциональная и оценочная сторона описанной ситуации достаточно четко отражены в известной английской идиоме «*Better the devil you know than the devil you don't know*» (*Лучше черт известный, чем неизвестный*) [15, с. 32].

С течением времени опыт общения с различного рода опасностями обогатил человеческое сознание представлением о возможной субъективности восприятия их количественных и качественных характеристик, что также нашло отражение в идиоматике основных европейских языков. Так, используемая носителями русского языка идиома «*У страха глаза велики*» имеет практически идентичные соответствия в английском, немецком, испанском и французском языках: англ.: «*Fear has magnifying eyes*» (*У страха увеличивающие глаза*); нем.: «*Bei Angst tausend Auge*» (*У страха тысячи глаз*); исп.: «*Tiene el miedo muchos ojos*» (*Страх имеет много глаз*); фр.: «*La peur grossit les objets*» (*Страх увеличивает предметы*) [4, с. 186–187]. Семантические связи ключевого для приведенных идиом концепта ‘страх’ (‘глаз’, ‘небо’, ‘темнота’, ‘вода’) указывают на архетипическую древность и сакральный генезис рассматриваемых представлений.

Ту же субъективность представления об опасности вскрывает другая известная идиома: рус.: «*Не так страшен черт, как его малюют*»; англ.: «*The devil is not so bleak as he is painted*» (*Не так черен черт, как его рисуют*); фр.: «*Le diable n'est pas si noir qu'on le fait*» (*Не так черен черт, как его делают*); исп.: «*No es tan feo el diablo como lo pintan*» (*Не так некрасив черт, как его рисуют*); нем.: «*Nichts essen von solchem heiss, wie kochen*» (*Ничего не едят таким горячим, как варят*) [4, с. 126–127]. М.М. Маковский указывает на понимание мифологическим мышлением ‘рисунка’ как «магической сущности» [8, с. 94]. Это позволяет сделать вывод о возможной принадлежности рассматриваемых идиом к более позднему собственно логическому типу мышления (для которого и ‘рисунок’, и ‘нечистая сила’ в принципе демифологизированы). О том же свидетельствует и денотативно отличный немецкий вариант, где архетипический коррелят ‘страха’ ‘огонь’ стилистически низведен до утилитарной реалии (горячей еды).

Ввиду хронологической принадлежности рассматриваемых текстов ко времени отнюдь не примитивного мышления и наличия у обитателей любого большого города определенного опыта преодоления существующих в нем объективных опасностей, было бы закономерным предположить, что эсхатологическая мифология города вообще и Петербурга в частности соответствует своими особенностями второй логической схеме. Однако практически во всех случаях наблюдается обратное. Данное обстоятельство так или иначе подчеркнуто большинством исследователей. В частности, В.Н. Топоров, комментируя его, замечает: «Любопытно, что петербургская мифология и эсхатология исходят из аналогичных начал. История Петербурга мыслится замкнутой; она не что иное, как некий

временный прорыв в хаосе. (...) Миф конца определяет, пожалуй, не только главную тему петербургской мифологии, но и тайный нерв ее. Этот конец не где-то там далеко (...) и не когда-то в далеком будущем, и даже не просто близко и вскоре: он здесь и теперь, потому что идея конца стала сутью города, вошла в его сознание. И это катастрофическое сознание, возможно, страшнее самой катастрофы» [19, с. 295]. Ввиду глубокой витально-эсхатологической (каменно-водной) симбиотичности образа данного города, представляется закономерной и симбиотичность его мифологии – креативной, витальной и эсхатологической.

С учетом данной особенности основные виды эсхатологических мифов, связанных с Петербургом, мы рассматриваем в аспекте языковых закономерностей формирования их составляющих. Ввиду отсутствия каких-либо делений в среде эсхатологической мифологии Петербурга, мы попытались предложить собственную классификацию. Она выглядит следующим образом: а) мифологизированные описания inferнальной эсхатологии; б) мифы о проклятии города; в) эсхатологические мифы знаковых артефактов; г) мифы эсхатологических пророчеств.

Образные репрезентации inferнальной эсхатологии, представленные в анализируемых текстах, окрашены в очевидных готических традициях. Ср.:

*Как больной, я раскрываю очи.
Ночь, как море темное, кругом,
И один, на дне осенней ночи,
Я лежу, как червь на дне морском.
Где-нибудь, быть может, в эту полночь
Праздничные звуки льются с хор.
Слезы льются — сладострастье стонет
Крадется с ножом голодный вор...
Но для тех, кто пляшет или плачет,
И для тех, кто крадется с ножом,
В эту ночь неслышный и незримый
Разве я не червь на дне морском?!
Если нет хоть злых духов у ночи,
Кто свидетель тайных дум моих?
Эта ночь не прячет ли их раньше,
Чем моя могила спрячет их!
С этой жаждой, что воды не просит,
И которой не залить вином,
Для себя — я дух, стремлений полный,
Для других — я червь на дне морском.
Духа титанические стоны
Слышит ли во мраке кто-нибудь?
Знает ли хоть кто-нибудь на свете,
Отчего так трудно дышит грудь!
Между мной и целою вселенной
Ночь, как море темное, кругом.
И уж если бог меня не слышит —
В эту ночь я — червь на дне морском!*

[Полонский, 13, с. 183];

*Убийственный туман сгустился над столицей
И ноют, смерть в себе тая, сердца, дома.
Сцепились всюду колесница с колесницей.
И цвет земли погиб, а далека зима.
Удел наш — нищета, уродство и бессилье.
Высасывает кровь из нас сырая мразь.
И Скука распластать губительные крылья
С Тоской седой вослед идут, не торопясь.
Зачем ты здесь, мой дух...
Ты – в **мире демонов**, зловонных и холодных,
И в их руках теперь – теснящая судьба.
Но суций – ты один, **создатель чар природных**
И тех же демонов, чтоб с ними шла борьба*

[Коневский, 11, с. 223].

Очевидно, что основным содержательным фактором формирования коннотаций «фона», «среды обитания» ‘злых духов’, ‘демонов’ является богатая отрицательной эмоциональностью семантика ‘воды (темного неба)’ [9, 125, с. 208]. Иными словами, перед нами типичные образные коннотации. Примечательна и семантическая / этимологическая соотнесенность самих номинаций «злых сил» с подобной средой: *morkъ – с.-хорв. *mrák* ‘невидимый злой дух, страшилище, которым пугают детей’ [12, с. 42].

Особо следует рассмотреть семантику и коннотативные характеристики поэтических дескрипций исторического прецедента ‘проклятия города’. Е.Г. Романова относит проклятие к «индивидуальным актам ритуальной коммуникации» [16, с. 34], ключевая суггестивная функция которых основана на актуализации перформативов как гетерогенного, бытийно-языкового явления (формула «сказано – сделано»). В том же плане примечательно наблюдение Л.А. Шестак об архаичной тотемичности имени, в контексте которой «...как инвокируют умерших, оживляя, так проклинаят и бранят живых, подвергая умиранию» [21, с. 79]. Подобные прецеденты, как известно, весьма многочисленны как в истории, так и в поэзии, но интересующие нас образные и смысловые параметры соответствующих высказываний практически идентичны. Поэтому здесь рассмотрим лишь два примера коннотативно выразительной поэтизации одного весьма известного проклятия города:

*И, царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман*

[Городецкий, 3, с. 76];

*О, город страшный и любимый!
Мне душу пьют твой мрак и тишь.
Проклятьем женщины томимый,
Ты умер?.. Нет, не умер – спишь*

[Соловьева, 14, с. 364].

Здесь, как видим, значима конкретная адгерентная информация исторического характера. В качестве языковой основы коннотаций обоих поэтических высказываний представляется целесообразным принять реляцию ‘женщина’ – ‘душа’, ‘проклинаять’

[8, с. 81]; ср. наблюдение Х. Шустера-Шевца относительно и.-е. **vbr* ‘торжественно говорить’: в.-луж. *wjery, wjerbaba* ‘ведьма’, ‘колдовать, заговаривать, заклинать’ [22, с. 65]. Закономерно предположить, что в традициях (и «практике») примитивного мышления женщина считалась лучшим исполнителем вербального ритуала, по всей видимости, в силу своей природной эмоциональности, что, собственно, и нашло отражение в языке в виде реляции ‘женщина’ – ‘душа’. Соответствие ‘женщина’ – ‘вода’ делает возможным варьирование оценочного плана образных описаний: успешно (эмоционально) совершенный женщиной вербальный ритуал может быть как «белым», так и «черным» (как в приведенных примерах).

Коннотативные характеристики составляющих эсхатологических мифов о знаковых артефактах, созданных либо художественно обработанных авторами поэтических текстов, базируются, главным образом, на семантике и адгерентных признаках соответствующих артефактов. Последнее укрепляет актуальную для концептуально-смысловой характеристики города реляцию ‘город’ – ‘текст’. Рассмотрим наиболее характерные примеры.

*Дворец! Тюрьма! Зачем сквозь тьму
Глядите вы здесь друг на друга?
Ужель навек она ему
Рабыня, злобная подруга?*

[Огарев, 11, с. 134];

*И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи*

[Блок, 1, с. 114].

В первом примере в качестве имплицитного фактора формирования коннотации заслуживает внимания лишь актуализация ‘неба’ как ‘высшей власти, силы’, осуществляемая через его корреляты ‘тьма’, ‘глядеть’, задающие представление о сверхъестественном (буквально: «видеть сквозь темноту»). Функция же знакового расположения артефактов, носителей невербальной семантики ‘верховой власти’ и ‘насилия (несвободы)’, представлена адгерентно и традиционно – в контексте, который позже будет определен М.А. Волошиным как способность не только успешно взаимодействовать, но и периодически *«меняться жильцами»* [Волошин, 2, с. 237]. В данном отношении существенно замечание Л.А. Шестак о том, что смысловая реляция *«раб – ‘смерть, вещь’ древнее социального института рабства»* [21, с. 78], подтверждающее закономерность использования слова «раб» в качестве означающего элемента вещной коннотации. Для анализа второго примера являются значимыми семантические реляции ‘змея’ – ‘тотем’ [9, с. 146], ‘змея’ – ‘небо’ [9, с. 286]. Практически то же соответствие отмечает М.М. Маковский: ‘змея’ – ‘божество’ [8, с. 87]. В плане поэтического смыслопорождения существенно, что ‘божество’ невозможно ни раздавить, ни сдерживать, а за уничтожение ‘тотемного животного’ в большинстве древних культов следует неминуемое возмездие свыше.

Предикатная промежуточность (между текстами, содержащими интерпретации идеи проклятия города и собственно текстами образных эсхатологических пророчеств) характерна и для следующего примера, где коннотация высказывания базируется на

целом комплексе семантических реляций. Существенно, что мотивация эсхатологичности в данном случае, как мы увидим, изображена «диахронически». Поэтому приводимый фрагмент в равной степени может быть отнесен к текстам креативной прагматической модальности и к текстам о знаковых натурфактах (белая ночь, вода) или артефактах (Медный всадник). Последующий анализ покажет, что обсуждение данного фрагмента в контексте данной работы также вполне уместно. Ср.:

*Я нес в себе багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город,
Построенный на трупах, на костях
«Всея Руси» – во мраке финских топей,
Со шпильями церквей и кораблей,
С застенками подводных казематов,
С водой стоячей, вправленной в гранит,
С дворцами цвета пламени и мяса,
С белесоватым мороком ночей,
С алтарным камнем финских чернобогов,
Растоптанным копытами коня,
И с озаренным лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра*

[Волошин, 2, с. 335].

Как видим, актуализация креативного начала «город, построенный на костях» в данном случае имеет эсхатологическое уточнение: не «оберегаемый духами предков», а именно «стоящий на трупах». В изображении участвует и адгерентная антонимия «Петербург» – «остальная Россия», маркированная семантикой «витального вампиризма». Семантика «темной воды» актуализирована многократно и вариативно: «гной» – «больная (темная) вода»; «мрак», «топи», «подводные казематы». Выражение «белесоватый морок» – это обозначение «белой ночи», связанное с отсылкой к исходной процедуре называния «света» по «темноте». В том же плане примечательна номинация *стоячая вода*, на уровне языковой образности коррелирующая с «мертвой душой» (подробнее об этом см. [6, с. 262]). Примечательна еще одна имплицитная антонимия, представляющая читателю рядоположенность несовместимого. Речь идет о том, что «церковь» функционально мыслится как артефактная репрезентация идеи «покорного единения человеческой воли с силами мироздания (миропорядка)»; «корабль», напротив, достаточно известен как символ «обособления, противостояния человеческой воли в отношении сил мироздания». В мифологическом мышлении существовала также реляция «человек» □ «корабль», остаточная семантика которой и поныне прослеживается в морской терминологии (см. [5, с. 46]). Косвенно указанная антонимия подтверждается уже отмеченной (в частности, В.Н. Топоровым) связью романских обозначений «корабля» (ит., исп: *la nave*, порт.: *navio*) и мифонима *навь* – «неприкаянная (руководствующаяся собственной волей) душа умершего» [18, с. 42]. Хроматическая контекстуальная синонимия «цвета пламени и мяса» создает импликацию «кровавого языческого жертвоприношения», подкрепляемую упоминанием «алтарного камня». Последнее создано автором намеренно (известно, что реальный «гром-камень» был привезен с Волги и, соответственно, не имеет никакого отношения к местным языческим культам). На реляцию «плоть», «мясо» – «огонь», «жертвоприношение» указывает и М.М. Маковский [8, с. 86]. Единственное (и поэтому в некотором роде ключевое) упоминание в тексте

эмоционального сигнификатора – слова «гнев» – также соотносит описание с ‘гноем, темной водой’ и с ‘огнем’. Названное соотношение раскрывает языковой механизм порождения акцентированно яркой в своем эмоциональном компоненте коннотации образного определения «озаренный гневом». И наконец, сама характеристика ‘гибельности (болезни)’, которую можно обобщенно определить как ‘жар, воспаленность’, весьма точно «продублирована» внутренней формой соответствующего колоратива: рус. *багровый* – тюрк. *bağur* ‘красная медь’ [7, с. 64]. Последнее соответствие представляет собой имплицитную отсылку к семантической сфере мифа МВ – «языческого божества», представленного автором ‘воспаленным’, ‘больным’.

Совокупность возможных образных впечатлений от реализации ‘возмездия стихии’ (и, соответственно, образных коннотаций, по Г. Рёсслеру) представляет собой следующий вид анализируемых в данной работе поэтических высказываний – мифов эсхатологических пророчеств. Рассмотрим наиболее выразительный пример.

*Он (город. – М.Е.) сонным грезам предавался,
но под гранитную пятой /
до срока тайного скрывался
мир целый – мстительно-живой*

[Набоков, 10, с. 310].

Как видим, ‘живой’ в данном случае представлен как ‘неистребимый (бессмертный)’, что и является основным содержанием семантики ‘мести’. П.Я. Черных этимологически истолковывает ‘месть’ следующим образом: ст.-сл. *mĕstь* ‘месть’, ‘казнь’; ст.-сл. *мить* ‘попеременно’; латыш. *mīetus* ‘мена, обмен’; др.-ирл. *miscais, miscuis* ‘ненависть’ [20, с. 256]. Таким образом, ‘месть’ есть ‘обмен ненавистью’, продолжающийся, как известно, до тех пор, пока у каждой из враждующих сторон остается хоть кто-то живой, а ‘божества’, в том числе и темные, живы вечно.

Выводы. Для континуума художественных воплощений эсхатологической мифологии города представляется адекватной следующая классификация: а) мифологизированные номинации инфернальной эсхатологии; б) мифы о проклятии города; в) эсхатологические мифы знаковых артефактов; г) мифы эсхатологических пророчеств. Смысловой опорой для перечисленных категорий номинаций выступают следующие семантические ряды: а) ‘вода (темное, крошечное небо)’ – «среда обитания» ‘злых духов’, ‘демонов’; б) ‘слово’ – ‘реальность’, отчасти – ‘женщина’ – ‘душа’, ‘вода’; в) ‘бессмертие (темного) божества – воплощения стихии’ – ‘вечная месть’ как ‘обмен ненавистью’ и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А.А. Стихотворения и поэмы / А.А. Блок. – М.: Художественная литература, 1978. – 384 с.
2. Волошин М.А. Избранное / М.А. Волошин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 445 с.
3. Городецкий С.М. Стихотворения и поэмы / С.М. Городецкий. – Л.: Советский писатель, 1974. – 638 с.
4. Дубровин М.И. Иллюстрированный сборник пословиц и поговорок на 5-и языках / М.И. Дубровин. – М.: Росмэн, 1998. – 226 с.
5. Евсеева М.Г. Коннотативные особенности мотивации тематически маркированной лексики / М.Г. Евсеева // Филологические исследования. – Вып. V. – Донецк: Юго-Восток, 2002. – С. 43–49.
6. Луценко Н.А. Семантические парадигмы как источник поэтической образности / Н.А. Луценко // Филологические исследования. – Вып. I. – Донецк: Юго-Восток, 2000. – С. 256–264.
7. Львов А.С. Из лексикологических наблюдений / А.С. Львов // Этимология, 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 60–65.

8. Маковский М.М. Язык – миф – культура / М.М. Маковский // Вопросы языкознания. – 1997. № 1. – С. 73–95.
9. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. II. / Н.Я. Марр. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 527 с.
10. Набоков В.Н. Стихотворения и поэмы / В.Н. Набоков. – М.: Книга, 1991. – 310 с.
11. Петербург в русской поэзии. XVIII – начало XX века. Поэтическая антология. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 383 с.
12. Петлева И.П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка / И.П. Петлева // Этимология, 1971. – М.: Наука, 1973. – С. 20–57.
13. Полонский Я.П. Избранное / Я.П. Полонский. – М.: Детская литература, 1977. – 190 с.
14. Поэты 1880–1890-х годов. – Л.: Советский писатель, 1972. – 724 с.
15. Райдаут Р. Толковый словарь английских пословиц / Р. Райдаут, К. Уиттинг. – СПб.: Лань, 1997. – 250 с.
16. Романова Е.Г. Перформативы в ритуальных аспектах суггестивной коммуникации / Е.Г. Романова. – Тверь: Лилия, 2001. – 144 с.
17. Словарь латинских крылатых слов под ред. Я.М. Боровского. – М.: Русский язык, 1982. – 781 с.
18. Топоров В.Н. К происхождению САНДУЙ / В.Н. Топоров // Этимология, 1985. – М.: Наука, 1988. – с. 86–110.
19. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. – М., 1995. – С. 259–367.
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1999. – 624 с.
21. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса / Л.А. Шестак. – Волгоград: Перемена, 2003. – 311 с.
22. Шустер-Шевц Х. В.-луж. WJERA, WJERBABA 'BUSCH – WEIB, ВЕДЬМА' – неисследованный славянский лексический архаизм / Х. Шустер-Шевц // Этимология, 1975. – М.: Наука, 1977. – С. 64–67.
23. Rössler G. Verrachen der Bedeutungsbeschreibung mit Hilfe Semantischer Merkmale: Drastellung u. Kritik: (Überlegungen zur Fundierung der Textsemantik als Explekativsemantik) / G. Rössler // Grammatik, Semanyik, Textlinguistik: Akten des 19. Ling. Kolloquiums, Vechta 1984. – S. 273–286.

Поступила в редакцию 01.02.2023 г.

CONNOTATIVE SPECIFICITY OF POETIC DESCRIPTIONS BELONGING TO THE SEMANTIC SPACE OF THE ESCHATOLOGICAL MYTHOLOGY

M.G. Evseeva

This work reveals the specifics of the connotative meanings of figurative nominations of eschatological modality in texts belonging to the circle of poetic interpretations of the idea of the death of the city, namely, in texts containing poetic interpretations of eschatological myths. As is known, one of the key factors of mythological thinking is the following logically obvious pattern: the objectively determined necessity of living (staying) in a situation of a permanently possible and periodically realized danger generates in the human consciousness (psyche) the need for figurative animization of this danger. This, in turn, creates the illusion of being able to influence events by performing certain ritual actions. According to the results of the study, it is concluded that the following classification seems adequate for the continuum of artistic embodiments of the eschatological mythology of the city: a) mythologized nominations of infernal eschatology; b) myths about the curse of the city; c) eschatological myths of iconic artifacts; d) myths of eschatological prophecies.

Key words: connotation, description, mythological thinking, semantics, semasiology, semantic paradigmatics, language image.

Евсеева Марина Геннадиевна.
Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: m.evseeva@donnu.ru

Evseeva Marina Gennadijevna.
Candidate of Philological Sciences.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Russian Language
Department.
E-mail: m.evseeva@donnu.ru

УДК 81373:811.161. Ахматова

ЛЕКСИКА СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. АХМАТОВОЙ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

© 2023 *Н.Е. Касьяненко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Актуальность статьи определяется повышенным вниманием исследователей к проблемам когнитивной лингвистики, что предопределяет цель исследования – выявить своеобразие использования А.А. Ахматовой лексики слухового восприятия со стороны ее когнитивных особенностей. Определяется закреплённость основных параметров звука в реализациях соответствующего универсального концепта, приводится схема когнитивной ситуации с использованием лексики «звучания», позволяющая осуществлять интерпретирующую функцию языка с поправкой на индивидуально-авторское конструирование. При этом, прежде всего, рассматриваются такие значимые элементы названной схемы, как источник (вместилище) звука, его характер, восприятие. Лексика слухового восприятия квалифицируется как важная составляющая идиостиля поэтессы и как основа тропеических элементов, выполняющих эстетическую функцию. Изучение рассматриваемой группы сенсорных слов позволяет продемонстрировать особенности индивидуально-авторской картины мира поэтессы, отражающей чувственные и духовные пути ее мировосприятия. Сделанные выводы создают основу для более глубокого изучения данной категории лексики.

Ключевые слова: А. Ахматова, идиостиль, когнитивная лингвистика, лексика слухового восприятия.

Введение. Для лингвистики XXI века уже стали привычными исследования, проводимые в русле антропоцентрической научной парадигмы, которую многие ученые (Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина) не случайно называют когнитивной [17, с. 12]. Человеческий язык упорядочивает знания носителя языка об окружающей действительности, позволяет их категоризировать и систематизировать с тем, чтобы построить картину мира как целого народа, так и отдельного человека. Кроме того, подобные исследования, затрагивающие процессы взаимодействия языка и мышления, демонстрируют, *как* они осуществляются, *как* реализуется когнитивная способность языка, *как* человек с помощью языка конструирует мир. По мнению Н.Н. Болдырева, интерпретирующая функция языка реализуется за счет особого, индивидуального использования коллективных схем структурирования информации [6, с. 12]. В процессе представления окружающей действительности могут быть использованы не только универсальные коллективные схемы, но и частные (по терминологии Н.Н. Болдырева), передающие особенности индивидуальных концептуальных систем.

Наши представления о мире закрепляются в виде концептов, часть которых носит универсальный характер. В их числе находятся концепты, включающие знания о чувственном освоении окружающей действительности, реализации которых входят в группу сенсорной лексики. Они неоднократно привлекали внимание исследователей (см.: [2], [12], [20], [21] и др.). Зрительные, звуковые, тактильные, слуховые восприятия человека воплощаются в языке, а языковые единицы, их номинирующие, актуализируют глубинные когнитивные категории, управляющие мышлением человека. Значимую группу таких образований составляют концепты слухового восприятия, поскольку слух – одно из пяти чувств человека, участвующих в восприятии мира и его структуризации. Слуховое восприятие предполагает восприятие звуков окружающей действительности, независимо от источника. В этом смысле

показательно, например, что герой романа Е. Водолазкина «Авиатор», уснувший (будучи замороженным) на долгие годы, а затем проснувшийся в новой реальности, отмечает, как изменилась жизнь в начале двадцать первого века в сравнении с той, которую он помнит до 30-годов XX в. При этом он обращает внимание, прежде всего, на перемену звукового восприятия окружающей действительности:

«– Понимаете, тогда даже звуки были другие – обычные уличные звуки. Цоканье копыт совсем ушло из жизни, а если взять моторы, то и они по-другому звучали. Тогда – одиночные выстрелы выхлопных газов, сейчас – общее урчание. Клаксоны опять же другие. Да, важную вещь забыл: никто нынче не кричит. А раньше старьевщики кричали, лудильщики, молочницы. Звуки очень изменились...» [8, с. 161].

Соответственно лексика слухового восприятия, реализующая содержание названных концептов, занимает значимое место не только в общенародном, но и в индивидуальном языке, в том числе художественном. Являясь частью художественной языковой картины мира конкретного автора, подобные наименования выполняют не только когнитивную задачу, не только передают знание о мире, но и создают художественный образ, функционируют как элементы идиостилия писателей. В этом смысле подобные единицы привлекают внимание и в творчестве А.А. Ахматовой, интереснейшей поэтессы Серебряного века. Значимость сенсорной лексики вообще и слухового восприятия в частности в художественном мире поэтов Серебряного века и в том числе А. Ахматовой уже отмечалась исследователями. Так, тема взаимодействия звуковых и зрительных образов в поэзии О. Мандельштама нашла отражение в работе А.А. Аксёновой [1]. Единицы лексико-семантического поля «Звук» (как узуальные, так и окказиональные) в творчестве С. Есенина и В. Маяковского стали предметом характеристики со стороны способов их изображения и функций в диссертационном исследовании И.В. Пархоменко [19]. Эстетика акмеизма, в русле которой рассматриваются средства и приемы художественного воплощения перцептивных впечатлений вещного и природного мира в лирике В. Нарбута, составила содержание статьи К.Н. Гущиной [10].

Что же касается лексики подобного рода у А. Ахматовой, то она рассматривалась исследователями только фрагментарно (см., например, [4], [5], [7] и др.). А между тем творчество поэтессы наглядно представляет значимую роль сенсорной лексики вообще и лексики слухового представления в частности в процессе отражения окружающей действительности, поскольку, по словам В.С. Баевского, «мир Ахматовой чувственно реален – видим, слышим, осязаем, обоняем, воспринимаем на вкус» [4, с. 247]. «Звуковая» деталь у поэтессы, обусловленная, прежде всего, эстетикой акмеизма, становится важнейшей частью целостного индивидуального восприятия всего сущего.

Все вышесказанное обуславливает *актуальность* данного исследования и поставленную цель, *предполагающую выявить своеобразие использования А.А. Ахматовой лексики слухового восприятия с учетом когнитивных факторов.*

Практическая значимость исследования определяется возможностью фрагментарного применения предложенного подхода к анализу аналогичной лексики в творчестве других поэтов (писателей).

Прежде всего, необходимо определить, что же следует понимать под лексикой слухового восприятия. Как представляется, она смыкается со словами, передающими звуковые проявления природных явлений, человека или окружающего его предметного мира и составляет соответствующее лексико-семантическое поле. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что в художественной речи, помимо восприятия звуков реального мира, читатель сталкивается со звуковыми проявлениями мира

художественного, воображаемого, который, как считает А.А. Аксёнова, обладает «своей уникальной, звучащей и визуальной структурой» [1, с. 170]. Иными словами, необходимо разграничивать реальный и воображаемый звук. Однако применительно к нашему исследованию можно условно объединить то, что имеет реальные звуковые проявления, и то, что в определенном смысле обусловлено слуховым воображением, восполняется нашей слуховой памятью, дает выход нашим ассоциациям.

Лексика слухового восприятия часто сопряжена с отчетливыми языковыми средствами реализации, включающими совокупность форм глаголов *слышать* / *слушать*, а также глаголов, содержащих в своей семантике сему ‘звучать, производить звук’. Предполагает она также наличие в синтагматической цепи существительного *ухо*. Это можно проиллюстрировать рядом примеров: «*И я снова слышу звуки песенки степной*» [3, с. 88]; «*И слышу плеск широких крыл над гладью голубой*» [3, с. 131]; «*И уже отзывный гул прилива / слышался, когда ты нам читал*» [3, с. 188]; «*В ушах не умолкает бой часов...*» [3, с. 190].

Основная часть. Анализ материала показывает, что диапазон слов, передающих у поэтессы звуковые проявления, воспринимаемые слухом, многообразен как с точки зрения частеречной принадлежности, так и в аспекте семантики. Подавляющая часть лексики слухового восприятия в произведениях А. Ахматовой – это существительные и глаголы. Зафиксированы, в частности, имена *гам, голос, гул, звон, звук, крик, клик, пение, рыдание, свист, скрип, смех, стон, стук, шепот, шорох, шум* и др.; глаголы – *бормотать, выть, греметь, гроыхать, грохотать, грянуть, жужжать, звенеть, звучать, кликать, кричать, курлыкать, мяукать, мурлыкать, ныть, петь, рыдать, скрестись, скрежетать, скрипеть, топотать, трещать, ухать, царапаться, шелестеть, шептать, шуметь, шуришать* и др. Эпизодически представлены соответствующие признаковые слова – прилагательные и причастия: *звонкий, звенящий, громкий, тихий* и пр.

При этом родовым обозначением для совокупности разновидностей звуковых проявлений, воспринимаемых слухом, у поэтессы чаще всего выступает лексема *звук*, объективирующая содержание соответствующего концепта. В качестве такого же родового наименования функционирует и обозначение *голос*. Не случайно в словаре В.И. Даля понятие *голос* дефинируется через его синонимы: «звук, звон, тягучий шум разного рода; звук или зык из гортани человека или животного» [9, I, с. 370]. Литовское *garsas*, этимологически родственное русскому *голос* (см. [22, I, с. 431]), также переводится как «звук». В произведениях А. Ахматовой названные синонимичные лексемы часто обладают именно таким значением: «*Как в стихах твои крепчали звуки, / Новые роились голоса*» [3, с. 187]; «*Истлевают звуки в эфире*» [3, с. 219]; «*Безветренный, сухой, морозный воздух / там каждый звук лелеял и хранил*» [3, с. 154]; «*И снова голосом серебряным олень / В зверинце говорит о северном сиянье*» [3, с. 61].

Известно, что звук в физическом смысле этого слова носителями русского языка определяется со стороны нескольких параметров: степени выраженности, или силы, высоты, тембра (окраски), тона. Помимо родовых обозначений звуковых проявлений (*звук, голос*), занимающих ядерное положение в составе соответствующего семантического поля, следует назвать большую группу лексем, акцентирующих различные особенности звука: неясность (*гул*), силу проявления (*крик, грохот, лепет, шелест*), характерные особенности (*свист, посвист, плеск, скрип*) и пр. Например, сила звука в лирике А. Ахматовой отражена в таких реализациях концепта, как *грай* или *вопль*. На это ориентируют, прежде всего, словарные дефиниции: *Грай* с пометой нар.-поэт. – это ‘**громкий** беспорядочный крик, карканье’, а лексема *вопль* определяется как

‘очень громкий крик’ – ср.: «Злая память никак не истратит: <...> **Грай** вороной и **вопл** паровоза» [3, с. 239]. Высота звука воплощена, в частности, в лексеме *свист*, значение которой дефинируется как ‘резкий **высокий** звук’: «А к колосу прижатый тесно колос / С змеиным **свистом** срезывает серп» [3, с. 129]; «И помнит Рогачевское шоссе / Разбойный **посвист** молодого Блока» [3, с. 241]. В последнем примере *посвист* определяется как ‘характерный свист’ – не случайно данная лексема используется с эпитетом *разбойный*. Она эксплицирует семы ‘удаль, открытость’. В. Виленкин, сравнивая черновую рукопись стихотворения с его окончательным вариантом, отмечает, что замена строки «И свист и поступь молодого Блока» на строку «Разбойный посвист молодого Блока» привела к тому, что «образ сразу приобрел цельность и неожиданность поэтического открытия» [7, с. 153].

Понятие тембра в процессе характеристики звука указывает на его окрашенность обертонами и сопряжено с понятием высоты. В этом смысле на фоне «слуховой» лексики А. Ахматовой в целом выделяются лексемы с корнем *звон-/звен-* (*звон, звенеть звенящий*). В соответствии со словарными определениями понятие *звенеть* характеризуется как ‘звук высокого тембра при ударе, сотрясении (о металлических, стеклянных и пр. предметах)’, а *звон* – это соответственно ‘звук, издаваемый такими предметами’. Большей частью именно такое значение лексем реализуется в поэзии А. Ахматовой: «**Звонит** вдали смертельный бубенец» [3, с. 178]; «Как парадно **звенят** полозья» [3, с. 284]; «И весь день не замолкали **звоны** [о колокольне. – Н.К.]» [3, с. 108]. Однако в ряде случаев подобные концептуальные реализации выступают как родовые обозначения звука вообще: «И **звонит, звонит** мой голос ломкий» [3, с. 36]; «Не разрывай мне сердце, **не звени**» [о песне. – Н.К.] [3, с. 131]; «**Звенела** музыка в саду / Таким невыразимым горем» [3, с. 51]. Это не случайно, поскольку лексемы *звук* и *звон*, связанные древнейшим чередованием, являются родственными (ср. др.-инд. *svanás* «звук», *svánati* «звучать» – [22, Т. II, 88]). Другое дело, что данные номинации *звон, звенеть* и пр. активно реализуют аксиологическую составляющую: их использование у поэтессы связано с сильнейшими проявлениями горя, тоски, душевных потрясений. Именно поэтому синтагматика подобных лексем определяется связью с такими объектами, как *песня, плач, музыка, поэт, стихи*, – называемыми все то, что эмоционально воздействует на человека («За то, что мир наполнил новым **звоном** / В пространстве новом отраженных строф» [О Б. Пастернаке. – Н.К.] [3, с. 178]. Думается, это именно тот случай, когда языковые единицы, номинирующие звучание, воплощают у А. Ахматовой голосовые характеристики, являющиеся, «коррелятами чувства», и «образуют в сознании людей стереотипные представления о формах проявления эмоций» [13, с. 142].

Значимой составляющей звука является и тон, предполагающий наличие голоса в противоположность шуму. В этом смысле в поэзии А. Ахматовой привлекают внимание концептуальные вербализации *шум, шелест, шорох шепот, лепет*, поскольку семантический примитив ‘шум’ присутствует в каждой дефиниции к названным лексемам. Синтагматика названных реализаций у А. Ахматовой большей частью традиционная: поэтесса упоминает шум ковыля и деревьев, шорох сосен и дома, шепот ливня и шуршанье юбок. Тропеические средства в данном случае также достаточно привычны: персонификация времен года включает *шепот осенний* и *шелест лета*, звуко-цветовая метонимия *шорохи зеленые* становятся емкой деталью Царскосельского пейзажа, а *шум крыльев золотых* раненого журавля психологически тонко и пронзительно живописует состояние поэта.

Вместе с тем у автора можно увидеть и индивидуальные находки, как, например, в стихотворении «От тебя я сердце скрыла», в котором лексика слухового восприятия носит сквозной характер: «Только...ночью слышу скрипы. / Что там – в сумраках чужих? / Шереметьевские липы... / Переключка домових... / Осторожно подступает, / Как журчание воды, / К уху жарко приникает / Черный шепоток беды» [3, с. 177]. На фоне разнотипных звуков старого дома (речь идет о доме мужа А. Ахматовой – Н. Пунина, где поэтесса поселилась в середине 1920 годов) отчетливо воспринимается шепоток (беды). Использование формы слова шепоток с уменьшительным суффиксом –ок становится той значимой деталью, которая позволяет передать тревожное состояние лирической героини, ее тяжелые предчувствия, связанные с судьбой мужа, арестованного в 1935 году. На роль детали (в данном случае «звуковой») в эстетике акмеистических взглядов А.А. Ахматовой указывает Н.В. Барковская: «Чувство редко выражается прямо, обычно оно передается косвенно, через деталь мира внешнего» [5, с. 112]. Подобная «детализация» внутреннего через внешнее подчеркивает реальность, конкретность жизни и акцентирует ее самоценность.

Лексику слухового восприятия следует рассматривать как такую, за которой стоит определенная структура, определенная когнитивная ситуация. В обычной (непоэтической) речи такая ситуация может носить универсальный характер и иметь следующие составляющие: субъект, воспринимающий звук, – источник звука (и / или местоположение звука) – характер звука – путь распространения – назначение или причина. Зачастую названные компоненты когнитивной ситуации могут в полной мере присутствовать и в художественной речи. Вот один из многих случаев использования рассматриваемой лексики, например, у А.М. Горького: «По силе звука чувствовалось, что кричит человек здоровый, энергичный, довольный собой, человек с большой и ясно сознаваемой им жизнеспособностью. Кричалось не потому, что окрик был вызван сплавщиками, а потому, что душа была полна чем-то радостным и сильным, – это радостное, сильное – просилось на волю, и вот – вырвалось в гремящем, энергичном звуке» («На плотях»).

В приведенном фрагменте рассказа присутствует и субъект восприятия (рассказчик), и характер звука (окрик, звук), и источник (кричащий сплавщик), и его [звука. – Н.Е.] характер (гремящий, энергичный), и причина (потому, что душа была полна чем-то радостным и сильным).

Однако в поэзии А. Ахматовой данный когнитивный механизм выступает в редуцированном виде, и выделить все составляющие когнитивной ситуации практически невозможно. Это, думается, объясняется, в первую очередь, особенностью лирики. Стихотворное построение речи в лирическом произведении характеризуется большим удельным весом слова и повышенной семантической емкостью, на чем акцентировал внимание Б.А. Ларин: «Можно считать важным и постоянным свойством лирики в мировой литературе семантическую осложненность» [14, с. 100]. Кроме того, в сравнении с прозой поэзия менее «развернута», менее подвержена детализации, более динамична и энергична. Как правило, основными компонентами когнитивной ситуации, за которой стоит использование лексики слухового восприятия, у А. Ахматовой являются субъект звука, его источник, и характер звучания. При этом субъектом восприятия у А. Ахматовой, как правило, выступает лирическая героиня (ср.: «Мне чудятся и жалобы и стоны» [3, с. 190]), а часто она же предстает перед читателем как источник звука: «Громко кличу я беду» [3, с. 37]; «Ни праздного, ни ласкового слова уже промолвить не могу» [3, с. 119].

Закономерным является тот факт, что звук, голос являются функцией определенного организма или атрибутом реальности, способной обладать такой функцией. Это обязательная часть когнитивной ситуации, предполагающей слуховое восприятие. Иначе говоря, для носителей языка привычным является то, что звук как физическое явление имеет свой источник, что на уровне языка реализуется в синтагматике родовых обозначений звука. Так, обычной в языке является генитивная конструкция, отвечающая модели *голос, звук (чего?)*. Характерны они и для поэтической речи А. Ахматовой: «*И я всюду слышу звуки песенки степной*» [3, с. 88]; «*Пусть голоса органа снова грянут*» [3, с. 129]; «*И не был мил мне голос человека, / А голос ветра был понятен мне*» [3, с. 183]; «*Как был отраден мне звук воды / В тени древесной*» [3, с. 224] и др. При этом в окружающей действительности тот факт, что звуковые проявления свойственны объектам, которые в принципе способны издавать звуки, – факт само собой разумеющийся. В художественной же речи наличие такого объекта – вещь совершенно необязательная. Для индивидуально-авторской картины мира А. Ахматовой, например, привычным является то, что звуковые проявления свойственны не только реалиям, которые способны издавать звук, но и объектам, лишенным таковой способности: «*То, что бессловесное грохочет <...>*» [3, с. 194]; «*Из зеркала смотрит пустого [стихотворение. – Н. К.], / И что-то бормочет сурово*» [3, с. 193]; «*И гибель выла у дверей*» [3, с. 224]; «*Тот час был нестерпимо ярок / И, кажется, звенел до слез*» [3, с. 224] и т.п. Совершенно понятно, что в этом случае лексемы, номинирующие звуковые проявления, реализуют образную составляющую концепта звук, которая проявляется в персонификации источника звука.

Применительно к лирике А. Ахматовой можно выделить несколько тематических групп лексики слухового восприятия в зависимости от источника звука. В произведениях поэтессы представлены слова, называющие звуки:

- 1) человека (*плакальщицы, художника, поэта* и т. п.): «*И промолвил [хромой человек. – Н.К.] мне благостно-звонко: / Будет сын твой и жив, и здоров!*» [3, с. 122];
- 2) объектов животного мира (*мышей, собак, соловья, ворон, воронов, филина, орлицы* и пр.): «*И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада*» [3, с. 242];
- 3) объектов растительного мира (*тополей, ивы, деревьев, ковыля, крапивы* и т. д.): «*И крапивы дремучей поют леса*» [3, с. 165];
- 4) природных проявлений и стихий (*ветра, обвала, пожара*): «*Где был пожар – благоухает сад*» [3, с. 217];
- 5) водных объектов, в том числе рукотворных (*арыка, прилива, реки, ручейка*): «*Арык на местном языке, / Сегодня пущенный, лепечет*» [3, с. 206];
- 6) абстрактных понятий (*славы, победы, поэзии, беды, тоски, клятвы*, и пр.): «*Там шепчутся белые ночи мои / О чьей-то высокой и тайной любви*» [3, с. 235];
- 7) музыкальных инструментов (*барабанов, скрипки, бубенчиков, окарин, трубы, шарманки, флейты*): «*Иль голосом серебряным волынка / Вдали поет о вечере разлук*» [3, с. 153];
- 8) мифологических мистических существ (*духа, ангела, домовых, сирен*): «*А ветры пели, как сирены*» [3, с. 95];
- 9) культовых предметов (*колокола, алтаря, склепа*): «*Он [сон. – Н.К.] был во всем... / И в деревенском колокольном звоне*» [3, с. 223];
- 10) иных реалий (*фонарей, юбок, пера* и пр.): «*Слегка хрустел апрельский тонкий лед*» [3, с. 133].

Для поэтессы один и тот же объект может быть источником различного звучания, характер которого продиктован определенной ситуацией. Это нашло отражение в

стихотворении «Причитание», в котором колокольный звон вызывает у лирической героини разные ассоциации: «*И крылом задетый ангельским, / Колокол заговорил / Не набатным, грозным голосом, / А прощаясь навсегда*» [3, с. 149]. Прием персонификации колокола позволяет автору варьировать номинации его звуковых проявлений, поскольку диапазон слухового восприятия человека дает возможность различать качественно различные оттенки звучания: тревожность набатного призыва и щемящее ощущение расставания.

Примечательно, что у поэтессы типичными являются ситуации, когда источник звука или его характер для лирической героини остаются неясными, неопределенными: «*За стеною слышен стук злоеций – / Что там, крысы, призрак или вор?*» [3, с. 157]; «*То слышится какой-то легкий звук, / причем одни его считают плачем, / Другие разбирают в нем слова*» [3, с. 195]. Эта неопределенность создает напряженность лирического произведения, заставляет читателя воссоздавать ситуацию в своем воображении и переживать ее, обращаясь к собственному опыту. В стихотворении «Первый дальнобойный в Ленинграде» автор, например, обращается к ситуации, когда в сентябре 1941 года фашисты начали обстреливать блокадный город из дальнобойных орудий. При этом «звуковая» составляющая стихотворения становится основным показателем новизны, непохожести ни на что происходящее, является предвестником грядущей трагедии: «*Но это был не городской, / да и не сельский звук*». Лирическая героиня, пытаясь определить его «природу», проводит аналогии с раскатом грома и вместе с тем отмечает отсутствие позитивного в нем начала, используя сравнение: «*А этот был, как пекло, сух <...>*» [3, с. 198].

Подобное ощущение неясности звука появляется и в «Поэме без героя». В частности, при описании Петербурга 1913 года, который автор рассматривает как начало точки отсчета наступившего хаоса, лирическая героиня поэмы отмечает: «*И всегда в духоте морозной, / Предвоенной, блудной и грозной, / Жил какой-то будущий гул...*» [3, с. 287]. Этот *будущий гул* вместе с другими звуками (в *Летнем тонко пела флюгарка; как перед казнью, бил барабан*) становятся «преддверьем апокалипсической эпохи», истоком «эпохальной катастрофы», каковой является современная поэтессе действительность и о чем убедительно повествует в диссертационном исследовании Л.А. Яковлева [24, с. 16].

«Звуковые» слова, безусловно, выступают для А. Ахматовой как чувственный элемент бытия. Способность тонко улавливать, воспринимать окружающие звуки и индивидуально осмысливать их – это часть полноты жизни, свидетельство сенсорной «обостренности» поэтессы. Конкретные звуковые проявления в сознании лирической героини поэзии А. Ахматовой зачастую сплетаются с ситуацией, которая когда-то была ею пережита, и выступают как своеобразный ее маркер. В качестве примера уместно привести строки из стихотворения «Творчество», в котором поэтесса рассматривает звуки как предвестник творчества, как то, что предшествует рождению поэзии:

*Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали **раскат** стихающего грома.
Неузнанных и пленных **голосов**
Мне чудятся и **жалобы и стоны**,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне **шепотов и звонов**
Встает один, все победивший звук.*

Так вокруг него непоправимо *тихо*,
 Что слышно, как в лесу растет трава,
 Как по земле идет с котомкой лихо...
 Но вот уже послышались слова
 И легких рифм сигнальные *звоночки*, –
 Тогда я начинаю понимать,
 И просто продиктованные строчки
 Ложатся в белоснежную тетрадь [3, с. 190].

Обилие лексики звучания создает здесь своеобразный каркас стихотворения. Оно отражает психологические и физиологические особенности восприятия того, *что* творческая личность ощущает, испытывая потребность в самовыражении: повышенную пульсацию (*бой часов*), нарастающее волнение (*раскат грома вдаль, незнанные и плененные голоса, жалобы, стоны*) и, наконец, эмоциональную доминанту – творческое озарение, рассматриваемое лирической героиней как *все победивший звук*, завершающий звуковой ряд. И даже воплощение поэтического ремесла передается звуками – *сигнальными звоночками* рифм, что не только создает переключку с пушкинскими строками («*И рифмы легкие навстречу им бегут*»), но и утверждает своеобразное разрешение напряженной ситуации, предваряющей творческий процесс.

Наступившая в итоге *тишина* тоже определяется поэтессой как «нулевая» реализация лексики звучания. В связи с этим уместно обратить внимание на один из любимых приемов использования А. Ахматовой «слуховых» слов – оксюморон. Часто наполнением подобного рода образного средства у поэтессы выступает именно лексема *тишина* как противоположность тому, что номинирует наличие звуков. Так во второй части «Поэмы без героя» «Решка» автор именно так представляет тишину: «*В дверь мою никто не стучится <...> / Тишина тишину сторожит*» [3, с. 292]. Или в стихотворении 1017 года: «*Тот голос, с тишиной великой споря, / Победу одержал над тишиной*» [3, с. 101].

Именно поэтому номинацию *тишина* и ее поэтические синонимы, составляющие художественную парадигму (*бессловесное, молчание*), тоже можно отнести к лексике слухового восприятия, поскольку у А. Ахматовой тишину можно *слышать*, тишина – это то, что само рождает звуки. Оксюморонные конструкции такого рода используются поэтессой тонко и изысканно: «*Там, словно Офелия, пела / Всю ночь сама тишина*» [3, с. 231]; «*И вокруг тебя запела тишина*» [3, с. 232]; «*Грохочет тишина, моих не слыша слов, –*» [3, с. 207]; «*Многое еще, наверно, хочет / Быть воспетым голосом моим: / То, что бессловесное, грохочет <...>*» [3, с. 194]; «*Так исповедь льется немая*» [3, с. 192]. Иногда оксюморон поэтессы носит скрытый характер: «*Где безмолствуют водопады*» [3, с. 287] или «*Только ты, соловей безголосый, / Эту муку сумеешь понять*» [3, с. 70] – источником молчания («беззвучия») в данных контекстах выступает объект, природно выступающий как «звучащий».

Заметное место в процессе реализации лексики слухового восприятия у А.А. Ахматовой занимает сравнение, которое вообще является традиционным образным элементом поэзии. Кроме того, сравнительные конструкции отражают интеллектуальную деятельность человека и фиксируют форму познания действительности. Поэтические сравнения обнаруживают своеобразие видения конкретного предмета, явления, действия и т.д. При этом интересно, что образом сравнения в лирике А.А. Ахматовой зачастую выступают реалии, способные сами издавать звук, чаще всего птицы или музыкальные инструменты: «*Где он [художник. –*

Н.К.], *как чиж, свистал перед мольбертом*» [3, с. 154]; «*Был голос как крик ястребный*» [3, с. 39]; «*И трепещет, как дивная птица, / Голос твой у меня над плечом*» [3, с. 180]; «*Лишь голос мой, как флейта, прозвучал*» [3, с. 244]; «*Для тебя я словно голос лютни...*» [3, с. 228]. Образная параллель лексема слухового восприятия – *птица или музыкальный инструмент*, выступающие опорным элементом тропа, повторяется достаточно часто.

Приведенные сравнения, безусловно, содержат оценку, выражают отношение к предмету мысли, отражают внутреннюю сущность сравниваемых объектов, подчеркивая их звуковое сходство. В связи с этим В.М. Жирмунский, один из известных исследователей творчества А. Ахматовой, замечал: «Ахматова пользуется не метафорами, а сравнениями, т.е. не отождествлением поэтических образов, а их сопоставлением» [11, с. 87].

Что же касается образов птиц, которые последовательно присутствуют в контекстах с лексикой слухового восприятия, то, думается, следует согласиться с утверждением Б.М. Эйхенбаума о том, что «здесь, помимо всего остального, сказывается как давняя литературная традиция, только подновленная, так и влияние фольклора <...>» [23, с. 52].

Большая часть указанных сравнений структурно носит привычный характер, включая традиционные сравнительные союзы: *словно, будто, как* и пр.: «*Весна как трель серебряного смеха*» [3, с. 43]; «*И опять тот голос знакомый, / Будто эхо горного грома*» [3, с. 236]; «*И пела [музыка. – Н.К.] словно первая гроза иль будто все цветы заговорили*» [3, с. 235]. В последнем примере сравнение присоединяется к метафоре *цветы заговорили*, компонентом которой также выступает лексическая единица слухового восприятия.

Характерной для поэтессы формулой является использование творительного сравнения. Вообще лексика слухового восприятия, по мнению исследователей, является достаточно активной в конструкциях такого рода, на что, например, обращает внимание Н.А. Луценко: «Среди глаголов, при которых ТП [творительный падеж. – Н.К.] является ТП сравнения, чаще всего представлены глаголы движения, глаголы, обозначающие световые эффекты, а также глаголы звучания» [16, с. 13]. В составе построений с творительным сравнения глагол слухового восприятия употребляется ситуативно и экспрессивно, приобретая метафоричность. Здесь сравнение является не столько изобразительным элементом, сколько средством особого и более широкого видения окружающего мира: «*И, придя в свою светлицу, / Застонала хищной птицей*» [3, с. 151]; «*И крошки хлеба для того, кто ночью / Собакою царапался в окно*» [3, с. 255]; «*И в полночь майскую над молодой черницей / Кричит истошно раненой орлицей*» [3, с. 171]; «<...>*чужими голосами / Другие ивы что-то говорят*» [3, с. 183].

Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что поэтесса не всегда использует лексику слухового восприятия с целью передачи определенного звучания. Иногда автор, придерживаясь установки на художественную номинацию, прибегает к стилистическому приему перефразирования. В одном из стихотворений 1916 года, А. Ахматова, образно описывая грозовую погоду, связывает проявления стихии с древней славянской легендой о том, что гром происходит оттого, что ветхозаветный святой Илья ездит по небу на огненной колеснице. Эти мифологические представления реализуются у поэтессы в индивидуально-авторской перифразе, заменившей лексему *гремит*, – *катится колесница поднебесная*, воспринимаемую как иносказание, генетически сближенное с метафорой:

*Чуть гроза на запад спрячется
И настанет тишь чудесная,
А с востока снова катится
Колесница поднебесная* [3, с. 183].

При этом данная перифраза является органичной частью единого, нераздельного поэтического представления грозы, соотносясь с другими тропами: эпитетами (*облака стоят крылатые; тишь чудесная*) и метафорами (*гроза на запад спрячется, притихшие березы*). Механизм появления перифразы в данном контексте сопряжен с контекстуальным противопоставлением метафорических элементов *гроза спрячется и настанет тишь чудесная* и перифразы *катится колесница поднебесная* (= гремит), что, безусловно, расширяет образную палитру поэтессы и обогащает язык.

Непрямое использование лексики слухового восприятия можно наблюдать и в следующем примере: «*Свидетелей знаю твоих: / То Павловского вокзала / Раскаленный музыкой купол*» [3, с. 184]. Здесь метафорический элемент *раскаленный музыкой купол* в необычной образной форме передает предельную силу звуков музыки, звучащей в помещении летнего концертного зала в Павловске (павловского «вокзала»), сравнимую по ощущениям с прикосновением к раскаленному предмету. А. Ахматова в данном случае использует неординарную синестетическую метафору, сочетающую в своей образности звуковые и тактильные ощущения (*раскаленный*), раскрывая особенности восприятия мощного по силе звучания.

Заключение. Подытоживая сказанное, сделаем некоторые обобщения.

1) Звук – конкретное свойство той или иной реалии, которая в нашем сознании отражается через слуховые ощущения. Процесс их реализации в языке осуществляется через лексику слухового восприятия, в рамках которой у А. Ахматовой наиболее активны существительные и глаголы.

2) В идиостиле поэтессы представлен широкий диапазон слуховых ощущений человека, номинированных соответствующими лексическими единицами, составляющими лексико-семантическое поле концептов *звук, голос*. Они отражают основные параметры звука. За семантической категорией лексики слухового восприятия стоит определенная когнитивная ситуация, представленная в лирике А. Ахматовой в редуцированном виде.

3) В зависимости от источника звука лексика слухового восприятия в рассматриваемых поэтических произведениях относится к нескольким тематическим группам, называющим звуки человека, объектов животного и растительного мира, мифологических существ, абстрактных понятий, культовых предметов. На фоне многообразия тематических классов данной семантической группы заметно выделяется совокупность лексики, номинирующей звуки людей, птиц и музыкальных инструментов. Преобладающие по численности источники звучания поддерживают важнейшие темы творчества поэтессы – любовь, смерть, встречу, разлуку, разочарованность.

4) Использование «звуковой» детали у А. Ахматовой, способность воспринимать мир через звуки обусловлены эстетикой акмеизма, предполагающей вещьность, смысловую вескость слова, употребление конкретно-чувственных деталей, выражение явления внешнего мира как факта психологического. Лексика слухового восприятия выступает у поэтессы как чувственный элемент бытия и является своеобразным маркером пережитой ситуации.

5) Реальный мир в поэзии А. Ахматовой отражается в тропеических средствах и, прежде всего, в сравнениях, где лексика звукового восприятия отличается разнообразием и изысканностью. Предпочтительным является у автора прием оксюморона и использование творительного сравнения. Тропы поэтессы в ряде случаев выходят за рамки традиционного употребления, демонстрируя индивидуально-авторское осмысление действительности.

В заключение следует отметить, что лексика слухового восприятия является важной составляющей идиостиля А. Ахматовой и в ряде лирических произведений носит сквозной характер. Она позволяет зафиксировать чувственное индивидуальное осмысление окружающего мира, становится средством познания душевного состояния лирической героини, выражает оценку, передает остроту мгновения, обогащает язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксёнова А.А. Проблема репрезентации звука в художественном мире произведений О. Мандельштама / А.А. Аксёнова // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. – 2020. – № 7. – С. 169–173.
2. Атаманова Н.В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева / Н.В. Атаманова. – Брянск: Брян. ООО «Ладомир», 2012. – 215 с. – Библиогр.: 181–202.
3. Ахматова А.А. Сочинения. В 2-х т. Т.1. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. М. Дудина / А.А. Ахматова. – М.: Худож. лит., 1987. – 511 с.
4. Баевский В.С. История русской поэзии: 1730–1980 гг. Компендиум. Изд. 2-е испр. и доп / В.С. Баевский. – Смоленск: Русич, 1994. – 303 с.
5. Барковская Н.В. Поэзия “серебряного века”. Учеб. пособие. Изд. 3-е, доп. / Н.В. Барковская. – Екатеринбург, 2010. – 194 с.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
7. Виленкин В.Я. В сто первом зеркале: [об Анне Ахматовой] / В.Я. Виленкин. – Изд. 2-ое доп. – М.: Сов. писатель, 1990. – 333 с.
8. Водолазкин Е.Г. Авиатор: роман / Евгений Водолазкин. – Москва: Изд-во АСТ: редакция Елены Шубиной, 2017. – 410 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Факс.изд. – М.: Рус.яз., 1978–1980. – Т. I: А–З. – 1978. – LXXXVIII, 699 с., 1 л. портр.
10. Гущина К.Н. Поэтика творчества В. Нарбута в контексте эстетических исканий акмеизма: авторефер. дис. на соиск. учен. степени канд. фил. наук: 10.01.01 / Ксения Николаевна Гущина. – Волгоград, 2019. – 22 с.
11. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой / Отв. ред. Е.Г. Эткинд. – Л.: Наука, 1973. – 183 с.
12. Зыховская Н.Л. Изучение теории одорической вербализации в отечественной филологии / Н.Л. Зыховская // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 25. – Сер. «Лингвистика». – Вып. 15. – С. 10–13.
13. Крейдлин Г.Е. Голос, голосовые признаки и оценка речи / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Оценка речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 141–153.
14. Ларин Б.А. О лирике как разновидности художественной речи / Б.А. Ларин // Эстетика слова и язык писателя. – Л.: «Худ. литература». – 1974. – 288 с.
15. Лось А.Л. Актуализация когнитивных аспектов аудиальной перцепции / А.Л. Лось // Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / Отв. ред. вып. Т.В. Романова. – Нижний Новгород. – Вып. XXXVII. – Изд-во ДЕКОМ, 2019. – С. 241–245.
16. Луценко Н.А. Творительный сравнения: условия реализации, исторические и функционально-смысловые связи / Н.А. Луценко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Вып. четвертый. Сб. науч. трудов. – Донецк, 1988. – С. 3–23.
17. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
18. Павловский А.И. Анна Ахматова: жизнь и творчество: книга для учителя / А.И. Павловский. – М.: Просвещение, 1991. – 190, [2] с.

19. Пархоменко И.В. Лексико-семантическое поле «звук» и его функционирование в художественном тексте: на материале лирики С.А. Есенина и В.В. Маяковского: дис. ... канд филол. наук 10.02.01 / Пархоменко Ирина Владимировна. – Саратов, 2000. – 249 с.

20. Свинцицкая Е.В. Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М.А. Булгакова: авторефер. дис. на соиск. учен. степени канд. фил. наук: 10.02.01 / Евгения Владимировна Свинцицкая. – Самара, 2004. – 20 с.

21. Темиргазина З.К. Представления о вкусах как когнитивная область знаний / З.К. Темиргазина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2 (035). – С. 115–121.

22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – Т. I. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986.

23. Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа / Б.М. Эйхенбаум. – ImWerdenVerlagMünchen, 2006. – 53 с.

24. Яковлева Л.А. Апокалипсическая семантика в поэзии Анны Ахматовой: авторефер. дис. на соиск. учен. степени канд. фил. наук: 10.01.01 / Любовь Анатольевна Яковлева. – М., 2014. – 18 с.

Поступила в редакцию 18.02.2023 г.

AUDITORY PERCEPTION VOCABULARY IN WORKS BY A. AKHMATOVA: COGNITIVE ASPECT

N.E. Kasyanenko

The relevance of the article is determined by the researchers' increased attention to the problems of cognitive linguistics, which predetermines the study objective, i.e. to identify the originality of the use by A. A. Akhmatova of auditory perception vocabulary in terms of its cognitive features. The fixedness of the main sound parameters in realizing the corresponding universal concept is determined. A scheme of the cognitive situation with the "sound" vocabulary is given, which enables to carry out the interpretive function of the language, taking into consideration the author's individual artistic message. The focus is made on such significant elements of the suggested scheme as the source or the sound container, its nature, and perception. The auditory perception vocabulary is identified as an important component of the author's individual style and is treated as the basis of tropeic elements carrying out an aesthetic function. The analysis of the sensory words under study makes it possible to demonstrate the features of the author's individual picture of the world, reflecting the sensual and spiritual ways of her worldview. The conclusions drawn form the basis for a more profound study of this vocabulary layer.

Key words: A. Akhmatova, idiosyncrasy, cognitive linguistics, auditory perception vocabulary.

Касьяненко Наталья Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е.С. Отина.

E-mail: Kasyanenko_natusya@mail.ru

Kasyanenko Natalya Evgenievna

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor at Department of General, Slavic and Applied Linguistics named after E.S. Otin.

E-mail: Kasyanenko_natusya@mail.ru

УДК 81'28 (076)

**ДОНЕЦКИЙ РЕЧЕВОЙ ДИСКУРС В ФОКУСЕ КРЕАТИВНОСТИ:
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**© 2023 *Н.П. Курмакаева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье поднимается одна из принципиальных и малоизученных проблем лингворегионалистики – состояние регионального речевого дискурса. Исследуется специфика современной донецкой региональной речи с точки зрения развития в ней креативного компонента в сопоставлении с особенностями проявления этого фактора в довоенный период. Материалом исследования послужили разные источники: от живой речи дончан до художественно-публицистических очерков и коммуникации пользователей в сети Интернет. Доказывается, что динамические процессы вербализации культурных кодов через языковую игру напрямую связаны с изменением дискурсивных целей и практик. Прослеживается трансформация тематических и смысловых доминант региональной языковой картины мира на фоне меняющейся лингвокультурной ситуации в регионе. Систематизируются и описываются результаты лингвокреативной деятельности в соответствии со способами языкового освоения действительности творческой региональной языковой личностью. Выявляются ценностные приоритеты как характеристика ментальности субэтноса.

Ключевые слова: культурные коды, лингвистический креатив, лингвокультурная ситуация, ментальность, региональная языковая картина мира, региональный речевой дискурс, ценностные приоритеты, языковая игра.

В аспекте разработки и реализации научного проекта «Донецкий региолект» (предварительные результаты которого представлены в одноименной монографии [5] в 2018 г. и в учебных целях систематизированы в теоретическом курсе «Введение в лингворегионоведение [9] в 2021 г.») кафедрой русского языка Донецкого государственного университета поставлена амбициозная цель комплексного и всестороннего изучения регионального речевого дискурсивного пространства, которое в современном регионоведческом направлении лингвистики фиксируется пока как мало исследованный феномен (об этом в работах Н.Ф. Алефиренко, С.А. Кошарной [8], В.А. Масловой [11, с. 25], Т.Ф. Новиковой [12, с. 37], Т.А. Сироткиной [16], В.И. Теркулова [5, с. 5; 17] и др.). Как известно, вообще к современной региональной речи – региолекту – приковано достаточно пристальное внимание ученых многих российских регионов, созданы целые школы лингворегионалистики на Дальнем Востоке, в Пермском крае, в Забайкалье, в Белгороде, на Брянщине и в других российских регионах. Для междисциплинарного кластера науки, изучающего языковое своеобразие регионов РФ, Т.Ф. Новиковой (Белгород) предложен термин «лингворегионоведение». Одним из перспективных направлений в исследовании особенностей речи вообще и региональной в частности следует признать разработку её лингвистического креативного, игрового (в широком смысле) потенциала. Сошлёмся на исследовательскую базу наших коллег из Екатеринбурга, возглавляемых проф. Т.А. Гридиной и занимающихся изучением лингвистического креатива в различных вербальных сферах [4], на интересные наблюдения в области креатива разговорной речи, описанные Н.В. Богдановой-Бегларян [2], О.Н. Калининым [6], В.К. Харченко [20]. На региональном уровне эту проблему вскрывают В.И. Ковалев (Луганск) [7], А.В. Петров (Симферополь) [15] и др. Вполне можно согласиться с определением языковой креативности, сформулированной Н.В. Богдановой-Бегларян: «способность говорящего к

преодолению шаблонного мышления, умение обойти когнитивные и поведенческие стереотипы, способность решать задачи нестандартным способом» [2, с. 27].

Об актуальности сформулированной выше темы, обусловленной тем, что в реалиях «новых коммуникативных потребностей и постоянно трансформирующейся социокультурной среды в русском языке последних лет продолжают происходить значительные изменения» [1, с. 3], мы ранее заявили и высказались о необходимости фиксации и изучения этих изменений [10, с. 1001]. Особенно в этом нуждается живая разговорная речь, поскольку она мгновенно отзывается на все вызовы времени и обстоятельства жизни, тем более если это тот региональный её сегмент, который десятый год пребывает в зоне мощнейшей информационно-пропагандистской, социокультурной и военно-политической турбулентности [10, с. 1001]. Мало изученным с языковой стороны пока считается и «донецкий текст русской литературы» [5, с. 146].

Цель данного исследования – проследить специфику донецкой региональной речи с точки зрения присутствия в ней креативного компонента в проекции на два периода ее функционирования – довоенный и современный; доказать, что динамические процессы вербализации реалий действительности и культурных кодов через авторское речетворчество и языковую игру напрямую связаны с изменением дискурсивных целей и практик, а речевой креатив продуцента соотносится с прагматическими оценками денотата в меняющейся картине мира.

Источниками эмпирического материала послужили устные тексты из живой разговорной речи дончан, их записи в чатах соцсетей: ВКонтакте (VK), Телеграм-канале (TG); стихотворные и прозаические тексты местных авторов, военные хроники З. Прилепина, блогеров и военкоров.

Предварительно определимся с терминологией. Региональное дискурсивное пространство (региональный речевой дискурс) мы понимаем как текст, созданный на местной (регионально обусловленной) экстралингвистической основе и предназначенный в первую очередь для реципиента, погруженного в реалии окружающей действительности и владеющего, как и продуцент, региональной картиной мира. Исходя из этого, мы солидаризируемся с исследователями А.Ю. Коробовым-Латынцевым и В.С. Коробовой-Латынцевой в том, что термин «донецкий текст русской литературы» имеет право на существование, поскольку основное его предназначение – фиксировать лингвокультурную ситуацию региона во всем объеме понимания этого термина, а также создавать и аккумулировать образ Донбасса как некий «донбасский миф» [5, с. 147–148]. Образцами такого подхода к текстам местных авторов можно назвать исследования В.А. Филатова, Е.В. Скрипченко [17], В.С. Коробовой-Латынцевой, М.Н. Панчехиной [14] и др.

Донецкий текст, как и весь региональный речевой дискурс, должен привлекать внимание исследователя не столько насыщенностью региональными словами и выражениями, сколько оригинальностью и нестандартностью мышления региональной языковой (речевой) личности создателя, т.е. вербальной креативностью при объективации региолектных слов и выражений. Именно так рассматривают донецкие исследователи художественную специфику и ценностный потенциал «донецких текстов». Е.В. Скрипченко в результате погружения в языковую канву поэмы А. Ревякиной резюмирует: «"Шахтерская дочь" Анны Ревякиной – это действительно *донецкий* текст [выделено автором. – Н.К.], который можно и нужно рассматривать в тесной связи с особым лингвистическим и культурным пространством Донецка, которое его породило» [17, с. 47].

М.Н. Панчехина, разбирая одно из ключевых стихотворений донецкого поэта А. Парщикова «Жужелка», приходит к выводу о том, что объект этого незамысловатого народного наименования – «фрагмента шлага» – «осмысливается [поэтом] как некий местный абсолют, региональный культурный объект, наделенный способностью синтезировать донецкие реалии, которые видятся автору в “мелу трущоб, складских времянок, посадок” и “за спинами скифских глыб”» [14, с. 192]. Креативность произведений А. Парщикова М.Н. Панчехина видит в особой «фонетико-речевой оформленности» описываемого донбасского пространства [14, с. 192]. Л.В. Соснина посвятила отдельную статью рассмотрению процессов эвфемизации и дисфемизации в медиадискурсе о войне в Донбассе [18].

Если ретроспективно начать анализировать лингвокультурную ситуацию Донбасса последних нескольких десятков лет, воплощенную в сложившейся региональной языковой картине мира (РЯКМ), то можно уловить сохраняющуюся закономерность, о которой еще в 1922 г. писал Д.Н. Овсяннико-Куликовский: «Если хотите почувствовать своеобразную психику данной национальности, — изучайте язык ее, как в его повседневной функции („живую речь“), так и в его литературном выражении. Другого способа нет» [13, с. 23]. Создателем, хранителем и продуцентом РЯКМ является региональная языковая личность (РЯЛ), которая предстает перед нами не в виде некой психолингвистической абстракции, а как «вполне сложившийся феномен со своим ментально-лингвальным комплексом, языковым поведением, ассоциативным пространством, со своим мировидением, орудием мышления которого является живая разговорная речь – региолект» [9, с. 139]. Это ее – РЯЛ – креативная мысль и прочная память объективировали, стереотипизировали и закрепили в народной памяти следующие процессы и их результаты.

Прежде всего каждый этап истории развития Донецкого края отмечен поиском и фиксацией новых номинаций региона, с одной стороны, прагматических, с другой – оценочно-эмоциональных, по-настоящему креативных, среди которых немало построенных на языковой игре и переосмыслениях, например, в исторической перспективе: Дикое Поле («*Красив, хоть седовлас, мой край Донбасс – Тысячелетья был ты Диким Полем*»). В. Герланец) и Донецкий угольный бассейн, или Донбасс (термин, введенный в научно-производственный, а затем и повседневный обиход в XVIII в. с подачи берг-инспектора Е. Ковалевского), Донецкий кряж и Донетчина, «Всесоюзная Кочегарка» и родина угля, «*шахтерская мать-земля*» и «*каменная книга*» (П. Беспощадный), шахтерская сторона и «*страна Террикония*» («*С добрым утром, моя Террикония!* В. Чемитов), а теперь еще ДНР и *Донецкая Русь* (из гимна ДНР); современные поэтизмы, возникшие в последние годы и детерминированные ситуацией войны: «*степная израненная Атлантида*» (А. Федорова), «*форпост затяжной войны*» (А. Ревякина) и философское метафоризирование: «*Что такое нынешний Донбасс? Фронтир, трещина между мирами, поле битвы и место выбора*» [23, с. 182].

На уровне бытовой разговорной речи наблюдается вербализация и закрепление в языковом сознании фактов как неких кодов региональной культуры, требующих «расшифровки для чужих», например: (*Добрый*) *Шубин* (ключевая мифологема: горный дух, хозяин подземных кладовых), *судьба коногона* (о гибели шахтера под землей), *отнести за террикон* (похоронить), *Донбасс придавит* (шахтерский сленг: отговорка ленивого рабочего шахты, устанавливающего стойку кое-как в надежде, что кровля сама разопрёт её), *жить на линиях* [24, с. 16] (линиями назывались улицы, появившиеся в старой дореволюционной Юзовке и сформировавшие ее исторический

центр, всего их было 19; жить на них считалось престижно); *Донбасс приходит за своим* (слова А.В. Захарченко о сути конфликта в Донбассе [22, с. 398]) и др.

В художественной речи местных авторов как прошлого, так и настоящего активно создаются и весьма творчески обыгрываются регионально осмысленные тропы и фигуры, построенные, как правило, на языковой игре:

- перифразы: *город синих терриконов* (В. Шутов о Донецке на фоне рукотворного ландшафта), *«Страна, куда не ходят поезда»* (Д. Трибушный о ДНР);

- метафоры: 1) вербализующие события мирного времени: *По проспектам и бульварам / Розы плещутся у ног, - / Их недаром алым жаром / Наделяет уголёк* (В. Шутов); 2) воспроизводящие ситуации войны, формирующие дискурс войны: *В декабре «с катушек» вскачь погода: / Дождь с грозой, а к ним – железный град. // Взяли небеса такую моду – / Градом «полируют» всё подряд* (И. Горбань об РСЗО «Град», из которых ВСУ выпускают по населенным пунктам ДНР реактивные снаряды);

- уникальные, с глубоким подтекстом метафорические эпитеты-колоративы: *Край донецкий смуглолицый* (Н. Рыбалко с намеком на цвет лица шахтеров после смены); *...родился ты неслучайно / в чёрнокаменном городе, что стоит на краю земли* (А. Ревякина о Донецке с его угольной спецификой);

- смысловые эпитеты-неологизмы и каламбуры, обусловленные реалиями войны в Донбассе: *Над городом гуманитарный снег. / Патрульный ветер в подворотнях свищет. / «Убежище», – читает человек / На школе, превращённой в пепелище.* (Д. Трибушный).

Заметное место в речевом дискурсе дончан занимают прецедентные феномены, что позволяет говорить о неплохом знании истории края, прославивших его людей, текстов, ставших классикой. Речевая реализация выражается в дискурсивном расширении и ситуативно детерминированном переосмыслении прецедентной базы человека в виде языковой игры с прецедентными феноменами:

- прецедентными именами: *Тож же мне Любка Шевцова нашлась! Ну ты Стаханов! Это наша Паша Ангелина пашет на грядках;*

- прецедентными текстами и высказываниями: *Мой город стоит на крови... / За то, что не стал на колени* (Е. Ромащук) – трансформ-высказывание, аллюзия на известное, ставшее крылатым выражение П. Беспощадного: *Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано;* в том числе прецедентными текстами-перифразами: – *А ты откуда? – Из города синих терриконов. Не слышал о таком? –* («Город синих терриконов» – название очень популярной в 60–70-х годах XX в. песни о Донецке, автор стихов В. Шутов).

Вплоть до начала военного конфликта уникальность донецкой городской речи жила на производственной, преимущественно шахтерской, тематике или на атрибутах, тесно связанных с ней. Обыграны самые разные жизненные ситуации. Так, с целью самоидентификации представитель донецкого субэтнуса в случае необходимости предпочтет общеизвестным выражениям типа «*В Тулу со своим самоваром*» местное «*На Донбасс со своим углем*», вместо «*устал как собака*» – «*устал как шахтер/ как забойщик/ как проходчик*», вместо «*грязный, как свинья*» – «*грязный, как шахтер*», вместо «*Что молчишь, как в рот воды набрал?*» – «*Что молчишь, как в рот угля набрал?*», вместо «*белены объелся*» – «*угля наелся*», вместо «*Ты что, с дуба / с луны свалился?*» – «*Ты что, с террикона свалился?*» и др. Многие из этих примеров при опросе дали студенты со ссылкой на старшее

поколение семьи (в основном на бабушек и дедушек, использующих в повседневном общении такие обороты).

Кроме того, в бытовой речи отмечено вовлечение в языковую игру номинаций объектов и предметов местного производственного и непромышленного предназначения, что говорит о культурном освоении их в процессе семантических расширений с эмоционально-оценочными приращениями. Так, на уровне межличностных коммуникаций можно услышать: «*Что за копёр на голове накрутила?*», где под региональным словом «копёр» подразумевается не ‘сооружение над шахтой для установки подъёмника’ [МАС:2, с. 100], а ‘высокая прическа’ + эмоционально-экспрессивная оценка: ‘странная, непривычно высокая, вносящая в образ комический эффект’. Услышанное выражение «*аж с террикона не видать*» по отношению к заметному сооружению или объекту явно синонимизируется по смыслу с общеизвестным «*слона-то я и не приметил*».

В последние годы произошли кардинальные изменения дискурсивных целей и практик региона с точки зрения переориентации производственно-экономической тематики (она сместилась на периферию регионального речевого дискурса) на ставшую актуальной военно-политическую, которая жестко вошла в ядерную часть регионального речевого дискурса РЯЛ, в связи с чем на первый план выдвинулись исследования специфики донецкой региональной речи (донецкого региолекта – «особой регионально маркированной организации языка» [5, с. 21]) как динамического, инновационного, креативонасыщенного феномена в проблемном русле лингвистики современной войны (об этом в работах Т.Ю. Власкиной [3 и др.], В.С. Коробовой-Латынцевой, Л.Н. Синельниковой, И.А. Соболевой, В.И. Теркулова и др.).

На большом и постоянно обновляющемся эмпирическом материале удастся проследить трансформацию как тематических, так и смысловых доминант РЯКМ на фоне меняющейся лингвокультурной ситуации в регионе, рождение новых кодов культуры: *Военный Донецк, Донецкая Русь, Донбасс непокоренный, Русский Донбасс, израненная Атлантида, Ангелы Донбасса* и др. При этом в современном донецком речевом дискурсе продолжается традиция построения конструкций и текстов нередко по моделям языковой игры и каламбура, например:

а) на лексико-семантическом уровне: *Прогноз погоды для ВСУ в Марьинке: сегодня «Град» и «Ураган»* [ВК, Военный Донецк, 29.11.22]; *Над Червоногвардейкой два плюса один за одним* [ТГ, Переключка, 4.11.22], где под «плюсами» имеются в виду прилёты снарядов противника;

б) на лексико-словообразовательном уровне: *Видишь, летят наши помогаторы* (о вертолетах над Донецком); *С этим Онегой и еще с двумя ополчами им пришлось в качестве мобильной группы стеречь стратегический перекрёсток* [21, с. 330], так в первые годы вооруженного конфликта (2014–2015 гг.) в Донбассе прозвали ополченцев, имевших подчас неприглядный вид;

в) на морфолого-словообразовательном уровне: *Киевский [район]... где-то плюсануло* [ВК, Военный Донецк, 17.01.23] (‘прилетел снаряд’); *Когда мы перестанем свокать, а начнем называть вещи своими именами?* [Ю. Андриенко. ВК, 19.12.22], где глагол-новообразование *свокать* – от аббревиатуры СВО: специальная военная операция; *Одного диверсанта на месте задвухсотили* [21, с. 311], где производный глагол со значением ‘убили’ от числительного *двухсотый* (в военном лексиконе означает ‘убитый’).

г) на лексико-синтаксическом уровне: *Нацисты из «Азова» прибыли для самоутилизации на Донбасс* [ВК, Военный Донецк, 18.12.22]; *Донецк, Макеевка – утренний покос укропа* [ВК, АГС, 28.08.22]; *Донецк, без паники. Слышно аргументы и факты в пользу мира. Огрызаются.* [ВК, АГС, 10.07.22];

д) на паремиологическом уровне: *Пока одни считают голы, другие считают прилёты* (о совпадении заключительного дня ЧМ по футболу и дня самого интенсивного обстрела Донецка [ВК, АГС, 18.12.22]); *С тобой хоть на Петровку* (Петровка – Петровский район Донецка, один из самых обстреливаемых); *С тобой спокойно как на Пролетарке* (Пролетарка – Пролетарский район, самый отдаленный от линии фронта, потому практически необстреливаемый); *Ради тебя и День Воды пропустить не жалко* (день воды – один в трое суток вечер, когда в Донецке на 3 часа подавали воду); *Ты – как сводка обстрелов: от тебя невозможно отписаться; Ты такая невероятная, как день без обстрела* и др.

Именно на таком новом креативонасыщенном материале, возникающем буквально ежедневно в сетевой коммуникации жителей ДНР, подтверждается непосредственная и тесная связь лингвистического креатива с трансформацией лингвокультурной ситуации и возникающими нюансами коммуникативных условий функционирования знаков. Показательно, как один из известных лингвокультурных кодов шахтерского края и поистине народное выражение *Донбасс порожняк не гонит* проходит семантическую «перезагрузку»: изначально имело почти прямой смысл, вытекающий из суммы смыслов входящих в него слов («даёт много угля», «отправляет полные составы»), однако быстро идиоматизировалось, нарастило дополнительные значения и соответствующие коннотации: «не занимается пустыми делами», «не говорит ерунды, не бросает слов на ветер». В лихие 90-е оно было переосмыслено и нередко употреблялось с иронично-пейоративной коннотацией: «буксует, стагнирует». В последние годы его употребляют еще и в военно-политическом смысле: «упорно сопротивляется, не сдает позиций, держит данное слово и рубежи». Таким образом, сейчас это выражение «не столько о высокоинтенсивном и эффективном труде рабочего класса региона, как было в недавнем прошлом, сколько о его внутреннем ментальном стержне, о духе, характере и отношении к любому делу, к слову, к поступку, к окружающей действительности, к внутренним и внешним вызовам» [9, с. 153–154]. Нечто подобное наблюдается с популярными в регионе выражениями *Донбасс придавит; Счастье не за горами, оно за терриконами.*

За лингвокультуремой *Донбасс* имплицитно присутствует его субэтнос, региональная личность, причастная к ситуации, внутренняя суть которой, ее ментальность недвусмысленно выявляется из подтекста крылатого выражения *При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз.* И коль социокультурная среда данного регионального кластера претерпевает ломку устоявшихся традиций и стереотипов, то становятся заметными перемены в языковом поведении ее обитателей. В сфере креативной вербальной деятельности появляется больше жесткой экспрессии и оценочности: *Поздравляем от всей души укровермахт с очередным котлом. Желаем им поскорее свариться в этом котле* [ВК, Военный Донецк, 23.06.22]; *Нацисты из «Азова» прибыли для самоутилизации на Донбасс* [ВК, Военный Донецк, 18.12.22]; *артёмовская мясорубка* [ВК, Военный Донецк, 23.12.22]; *Продолжается огненная денацификация* [ВК, Военный Донецк, 25.12.22]; *Почему не слышно звуков покоса укропа?* [ВК, АГС, 30.07.22]. Этим подтверждается тезис Т.Ю. Власкиной: «Чем агрессивнее среда, чем существеннее

ее характер влияет на качество жизни человека, тем очевиднее будет языковая реакция» [3, с. 404].

Анализируемый материал демонстрирует возникновение новых и реапроприацию традиционных вербализованных кодов культуры с обновленными смыслами, создающими порой парадоксальные когнитивные эффекты, которые строятся обычно на так называемой «концептуальной двуплановости»: *Продолжается денацификация* [С. Пегов, ВК, 27.10.22]; *«Музыканты» отправили его [актера Снегуровского] к бандере* [ТГ, Переключка, 21.12.22]; *Слушаем баха, классика*. – *Оратория канонады*. – *А чувство юмора не теряем* [ТГ, Переключка, 17.01.23].

Результаты лингвокреативной деятельности, собранные в нашей картотеке, свободно ранжируются в соответствии со способами языкового освоения действительности творческой региональной языковой личностью. Так, следует отметить, что наибольшую активность имеют креативные метафоры, использование которых «повышает уровень эмоционально-когнитивного воздействия», «увеличивает эмоциональную привлекательность сообщения и возбуждает воображение реципиента» [6, с. 469]: *Макеевка, северо-запад Донецка – отправка гуманитарки укропам* (ВК, АГС, 10.07.22); *Донецк, без паники. Слышно аргументы и факты в пользу мира. Огрызаются*. (ВК, АГС, 10.07.22); *В катакомбах укронацистов гидрометцентр прогнозирует град* (ВК, АГС, 10.07.22); *Наши солируют* (ВК, Военный Донецк, 26.02.23); *Вдалеке слышно, как наши Мир делают* [ТК, Переключка, 14.04.23].

Подводя итоги проделанного исследования, можно небезосновательно утверждать, что региональная языковая личность Донбасса в условиях резко изменившейся лингвокультурной ситуации в регионе не только сохранила, но и значительно развила способность к самовыражению в словесном творчестве, включая все уровни языка. Она (РЯЛ) обновленно эксплицировала в речевом пространстве ранее сформированные ценностные приоритеты всего субэтнуса, продемонстрировав тесную связь креативной деятельности индивида в различных социокультурных условиях с особенностями русского характера и ментальности сильной духом личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода : учебное пособие / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова и др.; под ред. Т.Б. Радбиля. – М.: ФЛИНТА, 2022. – 232 с.
2. Богданова-Бегларян Н.В. «Роль личности в истории», или об индивидуальной языковой креативности говорящих на родном и неродном языках / Н.В. Богданова-Бегларян // Русский язык в России и за рубежом : изучение активных процессов русского языка и речи : сб. научных статей / отв. ред. Л.В. Рацибурская. – Нижний Новгород, 2021. – С. 27–34.
3. Власкина Т.Ю. Язык войны: современные речевые практики Донбасса / Т.Ю. Власкина // Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в. : историко-антропологические очерки. Ростов-на-Дону, изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – С. 402–419.
4. Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческая эвристика детской речи / Т.А. Гридина // Лингвистика креатива-1: Коллективная монография /под общей редакцией проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2013. – С. 5–58.
5. Донецкий региолект: монография / [В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.] ; под ред. В.И. Теркулова ; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» ; Фонд «Русский мир». Донецк : [ООО «НПП Фолиант»], 2018. – 264 с.
6. Калинин О.Н. Креативные метафоры и речевое воздействие в дискурсе / О.Н. Калинин // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 469–482.
7. Ковалев В.И. Студенческий лингвокреатив: взгляд из Донбасса / В.И. Ковалев // Русский язык в поликультурном мире : сб. научных статей III Международного симпозиума (8 – 12 июня 2019 г.) /отв. ред. Е.Я. Титаренко. Т.1 – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 369–376.

8. Кошарная С.А. К вопросу о феномене «язык региона»: язык, речь, региолект / С.А. Кошарная // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. статей по итогам III Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – С. 32–36.
9. Курмакаева Н.П. Введение в лингворегиеведение: Теоретический курс: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. / Н.П. Курмакаева. – Донецк: ГОУ ВПО «ДОННУ», 2021. – 205 с.
10. Курмакаева Н.П. Донецкий региональный речевой дискурс: динамика лингвокультурного креатива / Н.П. Курмакаева // Сб. тезисов по итогам LI Международной научной филологической конференции им. Л.А. Вербицкой (14–21 марта 2023 г.). – С-Пб, 2023. – С. 1001–1002.
11. Маслова В.А. Соотношение литературного языка, региолекта и диалекта: взаимосвязь и дифференцирование / В.А. Маслова // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сб. докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская обл., 23–26 октября 2019 г.) / под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: ООО «АВЕРС», 2019. – С. 24–28.
12. Новикова Т.Ф. Койне – полудиалект – региолект: к проблеме формирования понятийного аппарата регионалистики / Т.Ф. Новикова // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье / под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: ООО «АВЕРС», 2019. – С. 35–41.
13. Овсянко-Куликовский Д.Н. Психология национальности / Д.Н. Овсянко-Куликовский. – Пг.: Время, 1922. – 38 с.
14. Панчехина М.Н. Донецкий диффузный региолект в творчестве Алексея Парщикова / М.Н. Панчехина // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. статей по итогам III Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 191–194.
15. Петров А.В. Реализация творческого потенциала в речи крымчан / А.В. Петров // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Кн.1. Симферополь, 2017. – С. 45–67.
16. Сироткина Т.А. Филологическая регионалистика как актуальное направление гуманитарных исследований / Т.А. Сироткина // Современная регионалистика : традиционные подходы и новые направления : сб. статей II Международной научной конференции (Сургут, 25–26 ноября 2021 г.) / БУВО ХМАО – Югры «Сургутский государственный педагогический университет» [ответ. ред. Т.Ю. Колягина, Т.А. Сироткина]. – Сургут : РИО СурГПУ, 2021. – С. 9–15.
17. Скрипченко Е.В. Донецкий текст Анны Ревякиной / Е.В. Скрипченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д : Филология и психология. – Донецк. – 2018. – № 2. – С. 43–47.
18. Соснина Л.В. Языковые особенности военного конфликта в медийном дискурсе / Л.В. Соснина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д : Филология и психология. – Донецк. – 2021. – № 3. – С. 3–8.
19. Теркулов В.И. О понятии «региолект» / В.И. Теркулов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д : Филология и психология. – Донецк. – 2018. – № 3–4. – С. 5–16.
20. Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний / В.К. Харченко. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2013. – 192 с.

ИСТОЧНИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

21. Прилепин З. Ополченский романс / Захар Прилепин. – М. : Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. – 349 с.
22. Прилепин З. Всё, что должно разрешиться... Хроника почти бесконечной войны. 2013–2021 / Захар Прилепин. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 541 с.
23. Трибушный Дмитрий, священник. Отечество. Книга обо всем / Д. Трибушный. – Донецк, 2021. – 220 с.
24. Ясенов Е.Ю. Прогулки по Донецку / Е.Ю. Ясенов. – Донецк : Издательский дом «Edit», 2021. – 538 с.
25. Военный Донецк / Сводки / СВО. – Электронный ресурс: <https://vk.com/military.donetsk>
26. Армия горящих сердец (АГС) Донбасса. – Электронный ресурс: https://vk.com/ags_donbass
27. Военный Донецк / Сводки / СВО. – Электронный ресурс: <https://t.me/s/militarydonetsk>

Поступила в редакцию 15.02.2023 г.

**DONETSK SPEECH DISCOURSE VIEWED IN CREATIVITY FOCUS:
YESTERDAY AND TODAY**

N.P. Kurmakaeva

The article touches upon regional speech discourse as one of the fundamental and under-studied issues of linguoregionalism. The specifics of modern Donetsk regional speech in terms of its creative component development as compared to the peculiarities of this factor expression in the pre-war period is focused on. The material of the study was taken from a wide range of sources, i.e. from the live speech of Donetsk citizens, literary and journalistic essays, from communication of users in the Internet. The dynamic processes of cultural codes verbalisation through language game are proved to be directly connected with transformations in discourse objectives and practices. Transformations of thematic and notional dominants in the regional linguistic world-image at the background of changing linguocultural situation in the region are observed. The results of lingvo-creative activity are systematised and described according to the ways of linguistic development of reality by a creative regional linguistic personality. Value priorities as a characteristic feature of a sub-ethnos mentality are revealed.

Key words: cultural codes, linguistic creativity, linguocultural situation, mentality, regional linguistic world-image, regional speech discourse, value priorities, language game.

Курмакаева Нина Петровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakaeva Nina Petrovna

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate professor of Russian Language

Department.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

УДК 81'373.2

ЗАКОНЫ ПРАВОВОЙ ОНОМАСТИКИ И РОЛЬ ГРАФИКИ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ НОМИНАЦИИ

© 2023 В.И. Мозговой

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Рассматриваются законы правовой ономастики о статусной уникальности онимной лексики и сохранении права первичного или исторического собственника на неприкосновенность имени через призму его функционирования в юридической практике. Анализируется взаимодействие писаного права с естественным, неписанным и обычным, противопоставленным правовому примитивизму, утверждающему, что другого права, кроме дарованного государством, быть не может. Актуализируется роль реальных собственных имён в отличие от внесобственных, метафорических, не собственных, контекстуально-метафорических и ложных. Исследуются проблемные случаи употреблений имён и названий, связанных с субстантивно-грамматическим или идеологическим подходом к их письменной фиксации. Описываются способы преодоления ошибочных именований, игнорирующих социально-правовую функцию собственных имён и преувеличивающих роль прописной буквы и кавычек в структуре номинаций.

Ключевые слова: правовая ономастика, естественное право, писаное право, графические символы, прописная буква, кавычки.

Введение. Ономастика по мере совершенствования структуры собственных имён (СИ) испытывает парадоксально увеличивающееся количество проблем, связанных с пренебрежением номинаторов к традиционным способам именования и внедрением в официально-деловую практику номинации неконтролируемых вариантов, пришедших из разговорного, публицистического или художественно-поэтического вымысла. Их нормы опираются не на естественное право¹ человека на имя, а на правовой примитивизм² органов исполнительной власти, разрушающих писаное право³ при непозволительной роскоши экспериментировать с графикой и правовым смыслом СИ, например:

- рус. *Дьяков* > укр. *Д'яков*, *Дьяків* или *Дьяков*?;
- рус. *г. Одесса* > укр. *Одеса* или *Одесса*?;
- укр. *Їжакевич* > рус. *Йижакевич* или *Ижакевич*?;
- *Эзон*, но *Эсперсен* или *Есперсен*?;

¹ **Естественное право** (от лат. *ius naturale*) – это «...совокупность неотчуждаемых прав, законов и норм, регулирующих взаимоотношения между людьми, заложенных в самой природе человеческого бытия (право на жизнь, безопасность, семью, собственность, достоинство, охрану материнства, детства и старости и т. д.)» [11, с. 94].

² **Естественному праву** противопоставлена доктрина **правового примитивизма**, утверждающая, что право может быть даровано по воле государства, воплощённой в законе, и что никакого права вне закона быть не может.

³ **Писаное право** (от лат. *ius scriptum*) – «...это закон и другие нормы, исходящие от органов власти и зафиксированные ими в определённой редакции». **Неписаное право** (от лат. *ius non scriptum*) – «...это нормы, складывающиеся в самой практике. Если такие сложившиеся в практике правила поведения людей не получают признания и защиты от государственной власти, они остаются простыми обычаями (так называемыми бытовыми); если обычаи признаются и защищаются государством, они становятся юридическими обычаями, составляют **обычное право** (от лат. *mores maiorum* «обычаи предков», или *usus* «обычная практика»), а иногда даже воспринимаются государственной властью, придающей им форму закона» [8, с. 18].

– *Моргачов* или *Моргачев*?;
 – рус. *пос. Красный Молочник* (Донбасс) > укр. *Красний Молочник* или *Червоний Молочар*?;

– рус. *с. Никольское* (Донбасс) > укр. *Нікольське* или *Микільське*?;

– рус. *Ласточкино Гнездо* (Крiм) > укр. *Ласточкине Гнездо* или *Ластівчине гніздо*?

А возможны ли графические варианты одновременно *Министерство образования и науки, Глава ДНР*, где прописная буква закономерно указывает на уникальность именованного, и в то же время *Министр образования и науки, Глава администрации г. Донецка*, где прописная буква как символ уважения конкретного обладателя должностного статуса указывает на множественность подобных субъектов именованного?;

А как разобраться с постоянно развивающейся страстью чиновников к изменениям форм именованного для одного и того же объекта номинации?:

а) *Донецкий государственный университет, ДонГУ* // *Донецкий национальный университет, ДОННУ* > *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»* > *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»* > *ФГБОУ ВО «ДОНГУ»* (вариативность не позволяет идентифицировать объект во временном и социальном контекстах)?;

б) *город Ростов-на-Дону* > *Муниципальное образование «город Ростов-на-Дону»* («уточнение» делает невозможным правовое установление статуса объекта (это город или муниципальное образование?).

Цель статьи – выявить причины и последствия разрушения норм онимного употребления, игнорирующих составную структуру СИ, куда входит, кроме именованного, осмысленный и присвоенный человеком мир в виде сотворённых его разумом оригинальных объектов номинации и их юридических денотатов.

Основная часть. Мысль о том, что любой из онимов является собственным именем и что каждый из них грамматически неделим – одно из главных заблуждений исследователей национальной онимосферы, которое «...объясняется нереальностью идеи о языковом статусе собственных имён, сформированном якобы исключительно в речевом пространстве и функционирующем в парадигме имени существительного» [7, с. 54]. «Мягкая наука» филология позволяет «оправдывать» в таком случае любую из ошибочных форм номинаций, внедряя в практику онимоупотребления любые способы внешнего воздействия политиков на социум, не обременённый знанием специфических законов правовой ономастики, которые можно проанализировать и сформулировать следующим образом:

1. **О статусной уникальности** – закон, аргументированно объясняющий нормы употребления прописной буквы как выделительного знака слова или слов, указывающих на уникальный объект:

– *металлургический завод*, но *Донецкий металлургический завод*;

– *академия*, но *Академия гражданской защиты*;

– *лицей*, но *Академический лицей имени М.В. Ломоносова*;

– *университет*, но *станция метро «Университет»*;

– *Багамские острова* (архипелаг), но *Багамские Острова* (государство).

2. **О неприкосновенности СИ** – закон, который исключает из арсенала использования СИ понятие перевода (рус. *Филипп* ≠ укр. *Пилип*; рус. *с. Красное*, т. е.

«красивое» ≠ с. *Червоне*, т. е. «красное»), но постулирует необходимость адекватной передачи информации о международном, межнациональном или межрегиональном собственнике средствами разных языков: *Северный Ледовитый океан* = укр. *Північний Льодовитий океан*; рус. *Красное море* (связанное с красным цветом) = укр. *Червоне море* и т. п. (см.: [6]).

3. О сохранении права первичного или исторически сложившегося собственника на имя – закон, устанавливающий правовые аксиомы для номинаторов:

а) введение специфических грамматических норм для официального употребления первичных и вторичных онимных единиц:

– *Воробью Ивану* (первичная фамилия мужского рода), но *Воробей Дарье* (вторичная женская фамилия) [1];

– *Толстых Николаю* от первичной фамилии *Толстой* (из рода *Толстых*);

– из города *Мариуполя, Иловайска, Борисполя* (город – первичный собственник), но из порта *Мариуполь, со станции Иловайск, из аэропорта Борисполь* – вторичные имена (об их склонении см. [2]);

– рус. *П.Н. Горлов* – укр. м. *Горловка*, а не *Горлівка*;

– рус. *Юрий* > *Юрьевич, Юрьевна*, а не *Юриевич, Юриевна*, но укр. *Юрій* > *Юрійович, Юрійвна*, а не *Юр'євич, Юр'євна* или *Юр'ївна*;

б) запрещение переименований без воли собственника имени или решений соответствующих комиссий по стандартизации СИ, устанавливающих степень их социальной ценности (мировой, государственной или региональной (см.: [4; 10]):

– *Санкт-Петербург* ≠ *Петербург, Петроград* или *Ленинград*;

– *Елисаветград* ≠ *Зиновьевск, Кирово, Кировоград* или *Кропивницкий*;

– *проспект Генерала Ватутина* ≠ *проспект Романа Шухевича* и т. п.

Описанная теория и практика номинативной деятельности позволяет по-новому взглянуть на специфическую лексико-грамматическую структуры собственного имени:

1. Имя собственное – не аналог имени существительного. Имя существительное оперирует обобщёнными денотатами, а СИ указывает на конкретный предмет, никак его не характеризуя: *Лев* – не обязательно имя Льва Толстого; в словосочетании *генерал Лебедь* оба компонента – имена существительные, но слово *генерал* имеет лексическое значение, а фамилия *Лебедь* никак не связано с птицей.

2. Любое имя существительное соотносится с номинативным денотатом (*земля, человек, зверь*), но не каждый из них может быть онимным (не существует онимформ, типа *земля «Люкс», человек Иван, зверь Жучка*) и не любой онимный денотат является юридическим: им не может быть *яхта «Беда», руководитель образовательной организации Аноприенко* или *Митрофанушка* из комедии «Недоросль». Но им обязательно становятся *яхта «Калипсо» капитана Кусто, ректор А.Я. Аноприенко* или *Константинопольский патриарх Митрофан*.

3. Имя собственное противопоставлено не НИ, а всей апеллятивной лексике. Это исключительно составные именованья, куда явно или скрыто, но обязательно входят номенклатурные термины, обладающие потенциальной способностью стать онимными денотатами, и СИ, состоящие из непредсказуемого количества лексических, грамматических и графических форм: имён прилагательных (*граф Орлов*); глаголов (*фотостудия «Увидимся»*); наречий (*кафе «Вкусно»*), предложений (*магазин «От и до»*) или даже «модной», но неоправданной графогибридизации (*магазин «FISHка»*).

4. Онимные компоненты не обязательно соотносятся с лексико-грамматическими категориями любой из названных частей речи: в кафе *«Библиотека»* нет хранилища

книг; фамилия *Дубовик* не изменяется по падежам, если относится к женщине (*Дубовик Елене*, но *Дубовику Ивану*); названия *Берёзовые Дворики* (Россия) или «*Этажи*» (центр недвижимости, г. Донецк) представляют единственное, а не множественное число; графика названий *кафе «Halabuda»* или *газета «Б»* не вписывается в русское письмо, а иногда и в систему лексики вообще [12].

5. Норма в ономастике устанавливается не субъективно-идеологическими оценками имён и не их языковыми или речевыми домыслами, а соответствием официального статуса СИ его социальному восприятию и предназначению (см. об этом более подробно: [3]).

6. Выбор той или иной формы СИ зависит от степени его историко-культурной ценности и социальной значимости, по-разному оцениваемых в правовом и речевом контекстах:

– правильно *пос. Красный Партизан*, но не *Бэтманово*, потому что переименование противопоставляет советскую историю американской;

– правильно *г. Николаев*, но не *Миколаїв*, т.к. в таком случае название ассоциируются с двумя разными объектами;

– оправданы правовым контекстом, с одной стороны, употребления *Александр, Театральный институт имени Бориса Щукина*, но неоправданы, с другой стороны, в официальном контексте речевые формы *Саша // Шура // Саня // Санёк* или *Щукинский институт // Щука*.

8. Коннотативно-поэтические и прецедентные имена (*на Дону-батюшке, поэзия А.С. Пушкина*) при их трансонимизации не могут оставаться в неизменном виде. Их новые формы лишаются склонения и требуют закавычивания, например: *на теплоходе «Тихий Дон», в кафе «Пушкин»* (правда, если они не являются грамматическими синонимами названий-предложений, типа *Пирожковая «У тёти Сони»*).

Исходя из национально-языковой структуры законов правового именования, некорректной выглядит речевая интерпретация ономастики или «метафоризация» реальных объектов вне процесса трансонимизации: рус. *Днепропетровск* ≠ укр. м. *Дніпро*; *Донецкая академия транспорта* ≠ *Образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкая академия транспорта»*; *кафедра теоретической механики* ≠ *кафедра «Теоретическая механика» // кафедра «Теоретической механики»*.

Множественность речевых вариантов при их перенесении в официальный контекст обязана отдать пальму первенства единичному восприятию СИ для последующего юридического оформления в «писаном праве», в котором выделяется шесть типов номинаций:

1) реальные собственные имена, в которых фиксируется только уникальный (единичный) собственник: *Елена* ≠ *Олена*; *Донецкая городская поликлиника № 9* ≠ *Государственное бюджетное учреждение «Центр первичной медико-санитарной помощи «9 г. Донецка»* и тем более ≠ *ГБУ «ЦПМСП № 9 г. Донецка»* (реальный «ребус», зашифрованный для посетителей бывшей *Студенческой поликлиники*);

2) внесобственные имена, охватывающие непредсказуемое количество интерпретаций, в том числе межнациональных: *Елена* > *Лена // Леночка // Ленон // Ленка // Олена // Элен*; *Санкт-Петербург* > *Петербург // Питербург // Петроград // Питер // Ленинград // Петра творенье // Культурная столица // Северная столица* и снова *Санкт-Петербург*;

3) метафорические и художественно-поэтические варианты СИ, в которых фиксируются вымышленные имена (например, *Илюша Обломов, Евгений Онегин*) или

домысленные собственники, воспринятые через призму ассоциативной информации, заключённой в кавычки (*ТЦ «МоЛоко», ресторан «Маринад», мороженое «Му-му», такси «Всегда»* и др.);

4) **не собственные имена**, у которых собственник отсутствует, а название воспринимается как имя нарицательное, что потенциально позволяет ему переводиться на все языки мира: *Магазин, Обувь, Лекарственные травы* (но прописная буква заставляет оценивать эти объекты как единично-уникальные);

5) **контекстно-ситуативные имена**, фиксирующие непонятных для других собственников при их образно-художественном осмыслении: *поеду в Город* (центр города Донецка), *пойду в Университет* или *в Универ* (в Донецкий государственный университет);

6) **ложные СИ**, фиксирующие вариативные или безадресные денотаты (см. об этом более подробно: [5]): *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет»* (два денотата); *Министр здравоохранения* (прописная буква фиксирует якобы «уважение», хотя адресная функция здесь отсутствует) и др.

Из проанализированных выше классов только первый (реальные СИ) изучается правовой ономастикой, оперирующей визуально-графической формой письменной речи, где особая роль отводится прописной букве и онимным кавычкам, информирующим о наличии / отсутствии собственника либо о его реальности / метафоричности:

1. **Прописная буква.** Графика *строчных / прописной* буквы – основной признак, по которому в русском языке различают нарицательные и собственные имена в зависимости от потенциального наличия / отсутствия в их структуре абстрактных или онимных денотатов. Между тем этот термин часто применяют в значении «заглавная буква» (начало главы) и даже «большая буква» (знак уважения). Сюда же относят употребление прописной буквы в сложносокращённых словах или аббревиатурах (см., например, словарь-справочник Д.Э. Розенталя [9]).

Этой болезнью «страдает» большинство пособий, объединяющих функционально разные употребления в понятие «прописная буква», что заставляет их авторов объяснять факты её применения при помощи перечисления объектов (но тогда следует формулировать и огромное количество исключений, не решающих проблемы ошибочности их толкований).

Предлагается, например, в составных именовании ограничить применение прописной буквы первым словом (но этот принцип действует не всегда, например, *Академия гражданской защиты*, но *улица Генерала Антонова*).

Решающим для регламентации строчной / прописной букв является поэтому апелляция к внеязыковой природе проприальной лексики.

Нарицательные имена оперируют понятием однородности предметов и их лексическими значениями, а СИ – самими предметами с точным денотатом и информацией о конкретных объектах. Сравни: *чердак, пика, булат, театр военных действий, министр юстиции*, но *ресторан «Чердак», Татьяна Пика, Булат Окуджава, Театр кукол* (г. Донецк), *Министерство юстиции* и др.

Таким образом, прописная буква – сигнальный знак, указывающий на переход обычного слова в категорию СИ, утратившего лексическое значение и несущего правовую информацию о собственнике. Сколько слов передаёт эту информацию, столько и должно быть прописных букв: *генерал Антонов* (денотат «генерал» – один собственник), но *улица Генерала Антонова* (денотат не «генерал», а «улица – два

собственника), *Белосарайская коса* (денотат «коса»), но *санаторий «Белосарайская Коса»* (денотат «санаторий»).

Прописную букву не следует путать с заглавными или прописными:

а) *Зима! Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...* – прописные буквы указывают на начало предложений;

б) *ДГУ, РФ; ГЭС, ПТУ, ДНР* – прописные буквы указывают на реальные аббревиатуры, в отличие от слов-аббревиатур по происхождению, которые в современном контексте превращает их в обычные слова, имеющие один корень, изменяющиеся по падежам и образующие новые слова: *вуз – вуза, вузов, вузовский; нэп – во времена нэпа, нэпман;*

в) *Академия гражданской защиты (далее Академия); Ректору В.В. Иванову. Прошу Вас...* В последнем случае замена СИ обычными словами (*Вы, Академия*) осуществляется с целью исключения повторов и минимизации текста документа;

г) **ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ** – написание прописными буквами характеризует не предложение, а рекламную номинацию без точки, применяемую для зрительного восприятия обложки, бланка и т. п.

Кавычки – знаки «ненастоящей» информации (не случайно в польском языке их называют *cudzysłów* «чужеслов»).

Кавычки ставятся:

1. Для фиксации прямой речи в сложных синтаксических конструкциях со словами автора и дословной передачей «чужой» информации (*Доктор озабоченно повернулся ко мне: «Джим, мальчик мой, что случилось?»*);

2. При цитировании авторских слов и предложений: *Людовик XIV утверждал – «Государство – это я»*;

3. Для фиксации образных (метафорических) названий, придуманных собственником для привлечения внимания и не имеющих прямого отношения к сути именуемого объекта: *киоск «Всё надо!»* (г. Донецк), *«Пивасий»* (г. Ростов н/Д), *Клуб-ресторан «Зайка на пляже»* (г. Ялта, Крым), *магазин люстр «Ваше сиятельство»* (г. Симферополь) и т. п.

Кавычки не ставятся:

1. Если название не обладает индивидуально-выделительной характеристикой, т. е. не является именем собственным: *факультет техносферной безопасности* (а не *факультет «Техносферная безопасность»*).

2. Если СИ точно передаёт адресную информацию о реальном собственнике: *Всероссийский государственный университет юстиции*, а не *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции»* (в последнем случае нарушается требование к лапидарности делового стиля (от лат. *lapidarius* «каменный, минимизированная надпись, высеченная скульптором на камне»).

Заключение.

1. Современный номинативный процесс, игнорирующий право собственника на имя, уничтожает исторически сложившуюся модель онимизации действительности, цель которой состоит в передаче социально-адресного и культурно-исторического кода грядущим поколениям.

2. Устойчивость и консерватизм в ономастике предполагает неприкосновенность собственного имени, *позволяющую обеспечить сохранность онимосферы как уникального продукта человеческой цивилизации.*

3. Социальная природа СИ требует закрепить право собственника на первичное имя, благодаря которому *Николая Баскова* нельзя будет «заменить» на *Миколу* (в украинском прочтении правильной формой должна быть *Николай Басков*), а всемирно-историческую значимость символа русской военно-морской славы *Севастополя* нельзя будет переосмыслить «восстановленной» формой названия посёлка *Ахтияр*, которое может служить лишь основанием для именовании внутри города (см. [3]);

4. Главным критерием адекватности идентификации собственника в письменной речи является аргументированность и строгая нормативность употребления прописной буквы, кавычек и других графических знаков.

5. Норма для официальной передачи СИ может быть адекватно сформулирована только в рамках **проприономенологии** (от лат. *proprietas, atis, f* «право собственности» + **номен** «имя» + греч. *λόγος* «слово; мысль, смысл, понятие») – разделе ономастики, изучающий происхождение собственных имён как активаторов культурно-исторической реальности, а также формулирующей способы именования и правовые принципы передачи СИ в родственных, неродственных, межнациональных и международных языковых контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондалетов В.Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) / В.Д. Бондалетов // Ономастика и норма : Сб. статей / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Л.П. Калакуцкая. – М. : Наука, 1976. – С. 12–46.
2. Граудина Л.К. Современная норма склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином) / Л.К. Граудина // Ономастика и грамматика. – М. : Наука, 1981. – С.122–145.
3. Демьянов К.В. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовых переименованиях городов в СССР / К.В. Демьянов, В.Г. Рыженко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – № 4 (16). – С. 153–160.
4. Комков А.М. Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах / А.М. Комков // Ономастика и норма: Сб. статей / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Л.П. Калакуцкая. – М.: Наука, 1976. – С. 5–11.
5. Мозговой В.И. Причины и следствия ложной активации культурно-исторической реальности в правовой ономастике / В.И. Мозговой // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – Т. 3. – № 4. – Севастополь : СГУ, 2017. – С. 55–60.
6. Мозговой В.И. Формирование языковой и ономастической нормы в условиях природной вариативности национального языка / В.И. Мозговой // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал. – № 1. – Донецк : ДонНУ, 2018. – С. 15–20.
7. Мозговой В.И. Правовой принцип классификации собственных имен и его роль в сохранении онимосферы / В.И. Мозговой // Социоллингвистика. – 2022. – № 3 (11). – М.: ФГБУН Институт языкознания РАН. – С. 54–71.
8. Новицкий И.Б. Римское право : учебник / И.Б. Новицкий. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 304 с.
9. Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника) / Д.Э. Розенталь. Ок. 8500 слов и словосочетаний / Отв. ред. Л.К. Чельцова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 328 с.
10. Руководство по национальной стандартизации географических названий / Группа экспертов Организации Объединённых Наций по географическим названиям. – Нью-Йорк : Организация Объединённых Наций. – 2007. – 172 с.
11. *Словарь терминов и понятий по обществознанию. Автор-составитель : А.М. Лопухов. 7-е изд. переб. и доп.* – М., 2013. – 448 с.
12. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А.А. Уфимцева // Языковая номинация (виды наименований). – М. : Наука, 1977. – С. 5–85.

Поступила в редакцию 25.02.2023 г.

**LAWS OF LEGAL ONOMASTICS AND ROLE OF GRAPHICS
IN IDENTIFYING OBJECTS OF NOMINATION**

V.I. Mozgovoy

The article deals with laws of legal onomastics concerning status uniqueness of onyms. The focus is made on preservation of primary or historical owner's right for inviolability of a name with onyms functioning in legal practice. Interaction of written law with the natural, unwritten and usual one, as opposed to legal primitivism claiming that there is no other right, except for the one granted by the state, is analyzed. The role of real proper names as distinguished from the non-proper, metaphorical, contextual-metaphorical and false is brought into the open. Problem cases of the names usage, as well as of names related to substantive and grammatical or ideological approach to their written form are investigated. Solutions of the wrong naming, ignoring proper names social and legal function and exaggerating the capital letter role as well as the quotes in the nominations are described.

Key words: legal onomastics, natural law, written law, graphic symbols, capital letter, quotation marks.

Мозговой Владимир Иванович.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: mowi48@mail.ru.

Mozgovoy Vladimir Ivanovich.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Russian Language
Department.

E-mail: mowi48@mail.ru

УДК 82-31:811.161.1

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ «МАЛЕНЬКОЙ ПОЭМЫ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

© 2023 А.А. Сорокин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается становление новой жанровой структуры поэмы в конце XIX – начале XX века среди неоромантиков. Обращается внимание на книгу «Маленькие поэмы» К.М. Фофанова. Прослеживается также дальнейшая судьба нового жанра среди символистов, связанного со слиянием циклических стихотворных форм с лирической поэмой. Рассматривается книга «Тишина. Лирические поэмы» К.Д. Бальмонта и поэма «Осинка» Андрея Белого, выявляется путь трансформации от лирического героя к поэтическому субъекту. Выясняется фофановское влияние на ранние «маленькие поэмы» «Марфа Посадница» и «Русь» С.А. Есенина, а также влияние циклических произведений Андрея Белого на «февральские» есенинские поэмы. Однако, помимо указываемого влияния на есенинское творчество, прослеживается эволюция поэтического самовыражения С.А. Есенина через сближение с повествователем событийного плана поэмы нового типа в целом, с трансформацией лирического героя в субъекта поэтической речи и дальнейшим логическим преобразованием – от поэмы к поэме – поэтического субъекта в лирического героя нового типа. Это позволяет определять стихотворные произведения исследуемого жанра как новаторские воплощения поэтом С.А. Есениным нового вида лиро-эпического жанра – «маленькой поэмы».

Ключевые слова: С.А. Есенин, «маленькая поэма», лирический герой, целостное единство.

К жанру «маленьких поэм», особенно поэм С.А. Есенина неоднократно обращались многие литературоведы. Среди вопросов, волнующих ученых В.В. Базанова, О.Е. Воронову и других, тем не менее, стоят вопросы взаимодействия с другими поэтическими произведениями, отдельные элементы поэм, просто «маленькие поэмы», зачастую не связанные между собой целостными смысловыми связями. Проблема данного жанра еще не до конца изучена и рассмотрена, целостное связанных между собой «маленьких поэм» также, происхождение их также никогда не было в центре внимания исследователей. В этой статье и определяется корпус этих вопросов.

В 1880–1890-е годы русская поэма занимает одно из ведущих мест в отечественной литературе. Причем авторы этих поэм не только стремятся стать преемниками некрасовской школы и последователями демократического направления. Пристальное внимание к освещению демократических процессов в обществе способствовал увеличению читательских литературных запросов в сфере культурной жизни. Кроме того, авторы поэм стремились стать равными с авторами прозаических произведений: «Лирическое произведение в 1880-е г. осложняется художественным комплексом, свойственным прозе, – завершенностью нелирического по сути сюжета, углубленным психологизмом, емкостью, значительностью содержания текста и «сверхтекста», которые создают некий «абрис» всей жизни героев, либо большей ее части...» [12, с. 243].

Интерес читателя в указываемое время обращен на прозаические произведения А.В. Амфитеатрова, П.Д. Боборыкина и И.Н. Потапенко, в которых прослеживаются судьбы героев из разных слоев русского общества. В целом, реалистическая проза по-прежнему занимает умы неравнодушной читательской публики, однако она, эта проза, перестает быть двигателем духовной и социальной жизни народа и, прежде всего, интеллигенции, так как уже предложила свои исчерпывающие варианты ответов на вопросы «кто виноват?» и «что делать?», а новых вопросов поставить не могла.

С другой стороны, определенную нагрузку в освещении актуальных проблем времени стала брать на себя поэзия, конкретнее – русская поэма. В своих поэмах авторы достаточно часто использовали содержательно-смысловые составляющие от прозаических жанров притчи, легенды, новеллы, повести, романа. Это объясняется тем, что к концу XIX века появляется «большое количество произведений описательного характера, в которых рассказывается о том или ином событии» при широком представлении быта и где «имеется сюжет (или фабула), связанный с какими-то конкретными происшествиями» [5, с. 25]. Вбирающие в себя прозаические эпические элементы, произведения приобретают, по мнению их авторов, новую жанровую окраску. Появляются «предание» («Анна Галдина» Я.П. Полонского), «рассказ в стихах» («Барон Клакс» К.М. Фофанова), «повесть в октавах» («Студент» А.А. Фета), «повесть в стихах» («Спасенный» А.П. Барыковой), «роман в стихах» («Владимир Волгин» Н.А. Панова) и т.п. Однако попытки создавать оригинальные произведения с выражением интересных идей и постановкой определенных проблем, какими они виделись авторам в их привлечении в тексты элементов прозы, приводили чаще всего к тому, что поэмы эти, по большей своей части, оказывались эпигонскими.

Понимая это, поэты прибегали к разным решениям, чтобы преодолеть имитацию. Прежде всего, пытались создать необычные сюжеты. Например, в поэме «Небесный огонь» К.М. Фофанова [11, с. 68–74], вольном переложении одноименного стихотворения Виктора Гюго, лирическим героем произведения выступает туча. Она вопрошает у Всевышнего о своем предназначении, пока не получает разрешение пролиться на Содом и Гоморру. К.М. Фофанов избегает при этом эпитафия, взятого из книги Бытия, как это делает французский писатель, а по-своему интерпретирует библейский сюжет, желая расставить свои смысловые акценты или, лучше сказать, переосмыслить сюжет Гюго.

Кроме того, поэты неоромантического направления стремились уменьшить объем эпического события. Если обратиться к тому же примеру, к поэме «Небесный огонь», то у К.М. Фофанова обнаруживаем шесть главков, обрывающихся многоточием как знаком авторского впечатления от ужаса гибели Содома и Гоморры, в то время как у В. Гюго их десять. И, в целом, К.М. Фофанов – первый поэт в России, который назвал свои произведения «Маленькие поэмы» (1896) [11, с. 97]. В самой небольшой из них, в поэме «Ревнивый муж», 104 строки [11, с. 4–8]. Из 12 поэм, составляющих книгу, только две можно назвать большими, если исходить из их объема, – «Герцог Магнус» [11, с. 34–56] и «Тень» [11, с. 75–96]. Однако К.М. Фофанов, скорее всего, исходил из принципа минимальной событийности, происходящей в его поэмах. Та же «Тень» определяется как «сказка в стихах на мотив Андерсена» [11, с. 75]. При этом автор «Маленьких поэм» прибегает к сценическим диалогам – с персонификацией участников этих диалогов, героев поэмы. Андерсеновский ученый (у К.М. Фофанова философ) представляется ироничнее: он все время пишет с своих научных трудах о добре, истине и красоте. Принцесса у К.М. Фофанова не раскрывается в той мере, как она характеризуется через свои поступки у Андерсена.

В целом же, поэмы, в которых зачастую использовались реалистические элементы прозы, не находила путей для своего совершенствования и развития в 1880–1890-е годы.

Наблюдая тот кризис, который наметился в жанре поэмы, В.С. Соловьев определяет новые возможности для воплощения авторов в этом жанре. В статье «Буддийское настроение в поэзии» (1894) [10, с. 66–104], посвященной, в основном, разбору трех поэм А.А. Голенищева-Кутузова, написанных в начале 1880-х годов, – «Старые речи», «Дед простил», «Рассвет», известный мыслитель уловил в

произведениях «поэта смерти и Нирваны» [10, с. 67] превалирование лирического начала над эпическим событием. В.С. Соловьев отметил: «Помимо намерения, а может быть и помимо сознания автора, эти три лирические поэмы связаны между собою как последовательные ступени в развитии одного и того же настроения» [10, с. 67]. Единство это, по мнению автора статьи, определяется лирически заданным настроением автора. При этом В.С. Соловьев обозначает существенный признак лирической поэмы: «Внешний признак принадлежности этих пьес в лирической, а не в эпической поэзии состоит в безымянности действующих лиц» [10, с. 67]. «Главное здесь – не лица и не то, что с ними происходит, а настроение, которое воплощается в живых образах рассказа и остается после его чтения» [10, с. 72], – подчеркивает В.С. Соловьев. Таким «настроением», связующим три поэмы А.А. Голенищева-Кутузова, критик называет чувство «безнадежности».

В том разборе поэзии А.А. Голенищева-Кутузова, который сделал В.С. Соловьев в статье «Буддийское настроение в поэзии», символисты уловили для себя определенный ключ для своих творческих поисков, для реализации своих творческих идей. В.Я. Брюсов на первое место в творчестве ставит личность художника [5, с. 17], сопрягая свои теоретические постулаты с поэтическими экспериментами в «Русских символистах». Но поэмы при этом, по большей своей части, не являются для лидера московского символизма тем движущим рычагом, который способствует высокой, с точки зрения творчества, самореализации поэта. Целое всего творчества, единство общего чувства, пронизывающего поэзию, – вот что является стержневым для создателя альманаха «Русские символисты».

Тем, кто откликнулся на характерологические признаки нового жанра, который определил как основополагающие в условиях нового времени В.С. Соловьев, оказался К.Д. Бальмонт. В 1896 году, в один год с публикацией К.М. Фофановым «Маленьких поэм», он создает сборник «Тишина. Лирические поэмы» [2 с. 128–200], содержание которого составили двенадцать произведений лиро-эпического жанра.

Поэмы, с одной стороны, связаны между собой определенными мотивами, центральным из которых представляется мотив тишины, заявленный в заголовке. С другой стороны, сложно говорить о какой-то единой идее, единых образах и едином герое, которые образовывали бы целое двенадцати поэм.

Всем произведениям книги «Тишина. Лирические поэмы» предшествует сонет «Возрождение» [2, с. 128], который, казалось бы, должен был стать своеобразным общим ключом ко всем составляющим художественным текстам сборника.

Сюжет о лесе Аризоны в указанном сонете, некогда погибшем от извержения вулкана, тем не менее, лишен прочных причинно-следственных связей. Не ясно, почему лес этот, как часть земли, «отторгнут» от нее – «С ее Созвездьями, горящими вдали», и почему через века возвращаются некие скитальцы возродить когда-то погибшее место. Однако интонация сонета наполнена единым чувством – надеждой на «оживление», возрождение леса.

Казалось бы, следующие за сонетом поэмы должны содержать идею возрождения и страстное чувство лирического героя, переживающего это состояние возрождения.

Первой за сонетом следует небольшая, в 118 строк, поэма «Мертвые корабли» [2, с. 129–133]. Эта поэма состоит из семи главок, которые по-своему отличаются от фофановских «маленьких поэм». Каждая из маленьких частей имеет свой ритмико-интонационный рисунок, в то время как у К.М. Фофанова поэмы написаны каждая определенным стихотворным размером, изредка меняясь из-за введения диалогической речи персонажей.

В экспозиции первой главки «Мертвых кораблей» изображаются «остовы немых мертвых кораблей» в «царстве белой смерти», встречи с которыми избегает даже ветер [2, с. 129]. Во второй и пятой главках описывается путь кораблей «на Полюс далекий» [2, с. 130]. Располагающиеся между ними третья и четвертая главки передают настроение субъекта поэтической речи, которому скучен совершаемый солнцем путь; он вбирает в мир своих ощущений морские приливы и цветущие нивы, шепот воды и стада, гонимые на ночлег. Но он же отмечает и несоответствие между идиллической «мирной долей» и кораблями, плывущими к бездне [2, с. 131]. В шестой главке описывается гибель кораблей. В завершающей, финальной главке зеркально отражается мысль экспозиции о возможности возрождения через преображение.

Вначале снег хлопьями накрывает разбитые корабли, «воздух заполняя мертвой белизной» [2, с. 129]. Шепот-песня хлопьев снега, «детей Эфира», «любимцев немой тишины», которым чужд «шум земли», подсказывает авторскую мысль о преображении жизни в вечный полет с исчезновением вдали [2, с. 133].

Таким образом, первая «лирическая поэма» в каком-то смысле составляет в своей закольцованности композиции и мотив возрождения с идеей «вечного полета», и тему тишины, заявленную заголовком книги. Герой еще не ясно выражен, он одинаково ровно относится к миру, сам составляя своим настроением полет воображения, подобный полету тихих «детей Эфира».

В следующей поэме, следующей за «Мертвыми кораблями», в поэме «Искры» [2, с. 134–136], состоящей из семи главок по восемь строк (всего пятьдесят шесть!), один общий ритмический рисунок, один стихотворный размер. На первом месте переживания лирического героя, у которого «Бессменно-одинокая, / Душа грустит всегда...». День сменяется ночью, «Но нет ответа нежности, / И гасну я без слов...» [2, с. 134]. «Затерянность» среди «тоскующих миров» позволяет герою увидеть «за гранями алмазными» «сокровенные / Виденья Красоты» и «счастье Безбрежности» [2, с. 135]. Но герой не в состоянии постичь эту Красоту, поскольку подобен искре, «отступившей» «от Солнца своего» и «позабывшей» Бога [2, с. 136].

Здесь, как и в остальных «лирических поэмах» «Тишины», уже нет той связности, цельности и поиска определенных смыслов, которые бы в целом делали сборник произведений ясным единством. Автор то стремится к какому-то желанному острову, то бежит от него в порыве какой-то безграничной, самому герою до конца не ясной свободой, то презирает в себе это стремление. Но всегда ему свойствен порыв, устремленность в неизведанное, страстный поиск, способствующий «возрождению», которое безмерно в тайниках человеческой, лучше сказать, поэтической души. Не сюжет руководит поэтом, но чувства определяют бессюжетность душевных порывов героя не только поэм, но и стихотворений, вторгающихся в ткань последующих поэм, составляющих книгу «Тишина». Как отмечает исследовательница Т.Н. Скок: «Именно в этой книге напечатаны концептуальные, важные для понимания творчества Бальмонта стихотворения «Я вольный ветер, я вечно вею...», «Зов», «Паутинки», «Тишина», «Музыка», «Вещий сон», «На вершине». В ней еще ярче проявляются импрессионистические мотивы взглядывания и вслушивания в мир, любовного созерцания и любования мгновением и Вечностью, малым и великим» [9]. Заметим, что речь идет о стихотворениях, составляющих книгу, входящих в ткань поэм, но никак не о самих поэмах. При этом же справедливо отмечается, что здесь «отсутствует ассоциативная связь с эпическим контекстом, но сохраняется мифопоэтическая основа коллизий и образов» [9].

В 1890–1900-е годы русские поэты-символисты стремятся воплотить свое поэтическое творчество в единстве всех создаваемых ими поэтических произведений. И В.Я. Брюсов, и А.А. Блок, и многие другие поэты создают циклы стихотворений как своеобразный, неповторимый путь души творца поэтических произведений как уникальный, индивидуальный и в то же время универсальный. В силу единства замысла, цикл приближается к поэме, но в поэму при этом не преобразующийся из-за целенаправленной установки на уход от эпического событийного контекста.

По-своему оригинально это наблюдается и в творчестве Андрея Белого. Подобно К.Д. Бальмонту, он в очередном переиздании книги стихов «Пепел» в Берлине, подводящей промежуточные итоги поэтической биографии поэта, декларирует идею о том, что «подобрал разбросанные стихотворения в естественные циклы». Но добавляет при этом: «...собственно говоря, все стихотворения «Пепла» периода 1904–1908 годов – одна поэма, гласящая о глухих, непробудных пространствах Земли Русской...» [3, с. 117].

В тематическом блоке, который поэт обозначает «Глухая Россия», собраны и отдельные стихотворения, и поэмы, в которые вошли произведения поэта – как составлявшие ранее циклы, так и не составлявшие их. Среди прочих поэм, входящих сюда («Железная дорога» [3, с. 121–128], «Бродяга» [3, с. 129–138], «Деревня» [3, с. 139–151]), есть и совсем «маленькая поэма» «Осинка» [3, с. 154–161]. Последняя сконструирована путем соединения, в целом, одноименного стихотворения и фрагментов нескольких других стихотворений («Веселье на Руси», «Над вышкой песчаной...»).

Событие в «Осинке» – путешествие мужичка, «бобыля», с посохом из осинового дерева в надежде избавиться от алкогольной зависимости – перерастает в ту передачу чувства, настроения, когда поэтический субъект выражает свое отношение к развивающемуся событию как к событию необратимости, невозможности спасти мужичка от пагубного пристрастия. При этом поэтический субъект никак не определяется.

Ритмически и интонационно автор выделяет характер того или иного происходящего явления, но сам напрямую не проявляется:

*По дороге ноги-ноженьки туды-сюды пошли,
Да по дороженьке вали-вали-вали —*

Да притопатывай!

*Что там думать, что там ждать:
Дунуть, плюнуть — наплевать:*

Гомилетика, каноника —

*Раздувай-дува-дувай,
моя гармоника! [3, с. 159].*

Осинка, которая изначально ложно представляется выразителем определенной идеи за счет включения в текст «поэмы» фрагментов другого стихотворения, теряет эту оценочную, характерологическую функцию. Однако, в целом, кто является выразителем этой идеи, узнать в произведении не представляется возможным. Тем не

менее, автор завершает так свою поэму (фрагментом из стихотворения «Над вышкой песчаной...»):

*Гой еси, широкие поля,
Гой еси, вся Руси земля –*

*Не поминайте лихом,
Бобыля! [3, с. 161].*

С одной стороны, повествование завершается мыслью о прощении мужичка; с другой стороны, не представляется ясным, кто является выразителем этой поэтической констатации – автор, осинка или, шире, природа.

По верному замечанию В.В. Базанова, «сама «маленькая» поэма рождается... из так называемых концентров, т.е. лабильных групп лирических стихотворений, идейно-эстетическая и эмоциональная цельность которых не является статичной» [1, с. 108].

В.В. Базанов называет произведения К.Д. Бальмонта и, особенно, Андрея Белого как повлиявшие на создание в творчестве С.А. Есенина нового жанрового обозначения поэмы [1, с. 108–110].

Одними из первых опытов в создании «маленьких поэм» С.А. Есениным послужили «Марфа Посадница» (сентябрь 1914 г.) [6, с. 7–11] и «Русь» (апрель 1915 г.) [6, с. 17–21].

В «Марфе Посаднице», состоящей из пяти главок, на первый взгляд, просматривается сюжет. Вольный Новгород противостоит власти Московии, власти русского царя, стремящегося лишить независимости новгородцев. Однако, как исторически сложилось, Новгородское княжество все-таки было подчинено царю Ивану Третьему.

Первая главка этой поэмы – о вече, решение которого не подчиняться царю, словами: «*Быть так...*» [6, с. 8], – подтверждает вдова посадника И.А. Борецкого Марфа. Вторая и третья главки связаны с царем, подписывающим договор о «выдаче» души антихристу [6, с. 8], в обмен на взятие Новгорода, и дальше отправляющим стрельцов на расправу с вольным городом. В четвертой главке Марфа получает письмо от Бога, призывающего посадницу не гнать «*метлой тучу вихристу*» [6, с. 10], поскольку московский царь продал свою душу сатане. В пятой главке возникает образ певца, сообщавшего слушателям о событиях четырехсотлетней давности, а теперь призывающего подняться против царя, «*исполнить святой Марфин завет*» [6, с. 10].

В поэме «Русь» также пять главок. В первой автор изображает неприглядную Русь – с «заслоненными» лесами «избенками», с «ухабинами» и прорубями [6, с. 17], с волками и совами, с колдунами и, вообще, с нечистой силой. Во второй главке показывает необъяснимую любовь к «*родине кроткой*» [6, с. 18] с песнями под тальянку парней и плясками девушек, где родина, ответно, с любовью смотрит на лирического героя. В третьей и четвертой главках – весть о начале войны, проводы ополченцев, тревожное и томительное ожидание вестей с фронта, получение и чтение писем от воинов. В пятой главке лирический герой соединяет свое чувство ожидания с ожиданием людьми деревни своих близких с войны.

Сюжеты ранних «маленьких поэм» в определенном смысле фрагментарны, объединяются лирическим героем, его чувствами и стремлением передать главное

настроение, сопрягаемое с основной идеей произведения. Так, например, если во второй главке «Руси» лирический герой не может объяснить, за что он любит кроткую родину, то в пятой главке он уже ничего не объясняет, так как понятную любовь его объяснять не надо. Разделяя общее чувство ожидания во время беды жителей деревни, он, в целом, разделяет и несчастье своего народа, а значит – причастен к родине, любит ее.

Интенсивно над «маленькими поэмами» С.А. Есенин работает на протяжении 1917 года. Четыре произведения этого жанра, которые есениноведы определяют как «“февральскую” часть “необиблейского” цикла» [4, с. 284], создавались в пору тесного знакомства и творческого сближения с Андреем Белым. Это поэмы «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих».

Поэму «Товарищ» [6, с. 30–34], выстроенную в семи разных ритмико-интонационных структурах, С.А. Есенин создает по законам повести. Здесь подразумевается и своя экспозиция (изображение жизни Мартина в отцовском доме, с иконой, на которой запечатлены Богородица с младенцем Иисусом на руках), и завязка (пение марсельезы, побуждение понять, но не признать причины нищеты), и кульминация (схватка двух непримиримых враждебных сил) и развязка (гибель младенца Иисуса, муки Мартина от душевной боли, торжество создаваемой республики). Не авторский голос, но субъект поэтической речи выступает в поэме только один раз с требующей публичного признания констатацией:

*Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело Его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле [6, с. 34].*

С одной стороны, здесь заметно фофановское влияние с его стремлением отразить в своих «маленьких поэмах» событие как можно более емко, со стремлением к единой концепции, идеи произведения. Но здесь же просматривается и смена ритмического рисунка, свойственная как для циклических построений символистов вообще, так и в реализации поэтических замыслов К.Д. Бальмонта и Андрея Белого в жанре поэмы.

От К.Д. Бальмонта С.А. Есенин берет широкое, поддающееся поэтической интерпретации событие в его эпическом размахе, пропущенное через настроение лирического героя. От Андрея Белого – выражение субъектом поэтической речи своего взгляда на событие эпического плана, но выражение, не обязательно совпадающее с авторским, у С.А. Есенина, направленное на публичное восприятие. Это особенно заметно из того, что уже в «Певущем зове», в первой его части, поэтическим субъектом, за которым угадывается авторский голос, провозглашается: «*Родилось пламя, / Новый Назарет*» [6, с. 26]. Но уже в четвертой части поэмы наблюдается переживание библейских событий на уровне духовной памяти. Вследствие этого далее все определяется лирическим голосом поэта: «*Люди! Братья мои люди, / Где вы? Отзовитесь!*» [6, с. 28]. Поэтическое «Я» перерастает в осмысление значимости лирического героя, которым выступает сам поэт, встречающийся с отчарем в следующей поэме.

Создавая один из томов своего собрания сочинений, С.А. Есенин помещает в него все свои «маленькие поэмы». При этом поэму «Певущий зов» ставит раньше поэмы «Товарищ», несмотря на хронологию создания данных поэм. Нами отмечалось в одной

из наших статей: «Это можно объяснить тем, что первенствует *«тайный зов»*, слышимый поэтом. Кроме того, яснее становятся приоритеты: первичным становится следствие (люди не слышат и не видят *«Зари Востока»*), вторичным – причина, ее побудившая (*«Железное / Слово: / «Пре-эс-пуу-ублика!»*)» [8, с. 68].

Кроме этого, показательным видится факт работы С.А. Есенина над драматическим произведением «Крестьянский пир». Как мы предполагаем, «пьеса» могла логически идти сразу после поэмы «Отчарь» [6, с. 35–40], которая заканчивается собиранием на пир русского народа:

*Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам.
И, слава отвагу
И гордый твой дух,
Сыченою брагой
Обносит их круг [6, с. 39–40].*

Но С.А. Есенин отказывается от этого драматического замысла, как от нарушающего единство между «Отчарем» и «Октоихом» как поэмами. Андрей Белый, сокрушавшийся по этому поводу [7, с. 38], по всей видимости, не мог понять, что есенинское видение единства жанра – это не вопрос единства индивидуального проявления поэта, что это никак не связано с общей концепцией циклического единства, но связано с концепцией единого жанрового единства.

Лирическое, поэтическое «Я», сопрягающееся с близкой сердцу поэта родиной, не может проявиться без русского народа, *«плечми» «трясущего»* небо, уподобляясь отчарю, и *«зыбящего»* мрак (отсылка к поэме «Товарищ» и, в какой-то мере, к поэме «Русь»). Поэтому «Я» поэта в поэме «Октоих» переходит в «Мы». «Мы» – это родина с ее *«тощим колосом хлеба»*, в который духовный русский народ вдыхает *«звездный знак»*, кормит бурю овсом. И здесь *«пашню голубую / Нам пашет разум-вол»* [6, с. 42].

Субъект поэтической речи, трибун, вещающий от имени народа и для народа («Товарищ»), осознает себя поэтом как частью народа в «Певущем зове» (*«Все мы – яблони и вишни / Голубого сада»*; *«Все мы – гроздь винограда / Золотого лета»*, *«Не губить пришли мы в мире, / А любить и верить»* [6, с. 26–29]). Реализуясь через личностное «Я», поэт видит свою связь с русскими людьми, духовно близкими ему в земной, небесной и космической жизни («Отчарь»). Это осознание близости своего «Я» с духовной жизнью родины, трансформируется в «Мы» духовного русского народа в «Октоихе».

Таким образом, «маленькая поэма», зародившись как отражающая емкую действительность через авторское слово, стремящееся к единой концепции, неизбежно сближала ее с прозаическими жанрами литературной сказки, рассказа, повести и даже романа. Символисты делают определяющим не единую идею (у них наблюдается комплекс идей), но единое чувство. Это приводит к тому, что в своих поэмах они уходят от сюжета, а лирический герой децентрализуется и трансформируется в поэтического субъекта. С.А. Есенин в «маленькой поэме», воспринимая через чувство центральное, эпохальное событие, проходит путь от поэтического субъекта, субъекта поэтической речи, к лирическому герою, выражающему основную идею произведения нового жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов В.В. «Маленькая» поэма первых лет революции и 20-х годов (к характеристике ее как особой разновидности жанра) // В.В. Базанов // Русская литература. – 1973. – № 4. – С. 103–113.
2. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Полное собрание стихов 1909–1914: Кн. 1–3 / К.Д. Бальмонт. – М.: Книжный Клуб Киновек, 2010. – 504 с.
3. Белый Андрей. Стихотворения / А. Белый. – Берлин, Петербург, Москва: издательство З.И. Гржебина, 1923. – 508 с.
4. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание / О.Е. Воронова. – Рязань: Узорочь, 2002. – 520 с.
5. Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX века / Л.К. Долгополов. – М. – Л.: Наука, 1964. – 192 с.
6. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 томах. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С.А. Есенин. – М.: Наука: Голос, 1997. – С. 26–45.
7. Серегина С.А. Персональная статья «Андрей Белый» для Есенинской энциклопедии / С.А. Серегина // Современное есениноведение. – 2015. – № 1 (32). – С. 37–48.
8. Сорокин А.А. Специфика единства «февральских» поэм С.А. Есенина 1917–1918 годов / А.А. Сорокин // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2022. – № 4. – С. 65–71.
9. Скок Т.Н. Ранние поэтические издания К. Бальмонта: от сборника к лирической книге («Под северным небом», «В безбрежности», «Тишина») / Т.Н. Скок. – Филология и человек. – № 2. – 2009. – С. 106–112. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12568002_65464150.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
10. Соловьев В.С. Литературная критика / В.С. Соловьев. – М.: Современник, 1990. – С. 66–104.
11. Стихотворения К.М. Фофанова: В 5-ти частях. – Часть первая: «Маленькие поэмы». – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1896. – 97 с.
12. Щенников Г.К. История русской литературы XIX века (70–90-е годы): Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2005. – С. 240–300.

Поступила в редакцию 15.02.2023 г.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF "LITTLE POEM" IN RUSSIAN POETRY AT THE TURN OF THE 19th AND 20th CENTURIES

A.A. Sorokin

The article deals with the emergence of a new genre structure of poetry in the late 19th and early 20th centuries among the neoromantics with a particular emphasis on the book "Little Poems" by K.M. Fofanov. The development of this new genre by the symbolists is traced, with the fusion of cyclic poetic forms with the lyrical poem being specifically focused on. The article also discusses "Silence. Lyric Poems" by K.D. Balmont and the poem "Osinka" by Andrei Bely revealing the transformation from a lyrical hero to a poetic subject. K.M. Fofanov's influence on early "little poems" such as "Marfa Posadnitsa" and "Rus" by S.A. Yesenin is considered, as well as the influence of the cyclic works by Bely on "February" poems by Yesenin. The evolution of S.A. Yesenin's poetic self-expression through the convergence with the narrator of the events in the new type of poem, the transformation of a lyrical hero into a subject of poetic speech, and the subsequent logical transformation of the poetic subject into a new type of the lyrical hero is observed. The mentioned above enables to identify these poetic works as innovative embodiments by poet S.A. Yesenin of a new kind of lyrical-epic genre called "little poem".

Key words: S.A. Yesenin, "little poem", lyrical hero, integral unity.

Сорокин Александр Анатольевич.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры истории русской литературы и
теории словесности.
E-mail: aa40in@inbox.ru

Sorokin Aleksandr Anatolyevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of Department of History of the
Russian Literature and Theory of Literature.
E-mail: aa40in@inbox.ru

УДК 82-251

**ПОЭТИКА БАРОККО: АРХЕТИП ФУГИ
В СЛАВЯНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ДРАМЕ XVI–XVIII ВЕКОВ**© 2023 *Т.П. Плахтий**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В статье анализируются старопольские и староукраинские анонимные пьесы пасхальной тематики, а также драматические произведения святейшего митрополита Димитрия Ростовского «Успенская драма» («Комедия на успение Богородицы») и «Рождественская драма» (Комедия на рождество Христово). В частности, рассмотрены адаптации нарративных стратегий музыкальной формы фуги в славянской религиозной драме XVI–XVIII веков. Компаративистский подход, применяемый при изучении памятников духовной драматургии, позволяет выработать методологию междисциплинарного исследования славянской религиозной драмы барокко. Данное изыскание базируется на трудах по теории и философии литературных и музыкальных форм, что, в полной мере, отражает традицию междисциплинарного дискурса в современном литературоведении. Прикладная значимость этой статьи заключается в разработке инструментария анализа драматического произведения и уточнении терминологии, используемой при исследовании нарративных стратегий славянской религиозной драмы барокко.

Ключевые слова: славянская религиозная драма, адаптация нарративных стратегий, архетип фуги, музыкальная форма, имитация, лейтмотив, моралите, поэтика барокко, Димитрий Ростовский.

Введение. Различным аспектам творчества Димитрия Ростовского посвящены труды таких исследователей, как Н.Д. Голованова, Е.В. Жигулин, Н.А. Нехлебаева, М.П. Одесский, В.А. Соболев, М.А. Федотова и др. Вопросы жанровой специфики славянской религиозной драмы XVI–XVIII веков, взаимосвязи духовной драматургии Димитрия Ростовского с памятниками старинной украинской и польской драмы освещались нами ранее на международных конференциях в России (г. Санкт-Петербург, 2023) [5], Армении (г. Ереван, 2023) [6] и др.

Доминирование законов логики в эпоху Средневековья проявилось в такой музыкальной форме как fuga, нарративные стратегии которой, впоследствии, обнаружили на архетипическом уровне в славянской барочной драме. Именно поэтому при исследовании драматургии Димитрия Ростовского, староукраинской и старопольской драмы считаем целесообразным применение компаративистского подхода, актуального для сравнительно-исторического литературоведения. При этом славянская религиозная драма барокко осмысливается в междисциплинарном контексте: в теоретический дискурс включены труды А. Лосева [3], К. Леви-Стросса [2], работы А. Махова [4], Л. Тарапаты [10], В. Суханцевой [9], П. Тончук [11], Б. Астафьева [1], И. Чистюхина [13].

Актуальность. Компаративистский подход позволяет отразить масштабы такого феномена мировой культуры как славянская религиозная драма XVI–XVIII веков и выработать методологию междисциплинарного исследования драматургии и театра барокко. Важной теоретической проблемой является также влияние музыкальной формы фуги на нарративные стратегии драматического произведения. По мнению А. Махова, «... импорт музыкальной формы в текст приводит к его формально-логической сверхмотивированности: помимо словесно смысловой связности в нем появляется еще и связность музыкальная» [4, с. 343]. Обнаружение адаптаций имитационных техник фуги в славянской религиозной драме барокко позволяет охарактеризовать специфику архетипических проявлений «музыкального» в

драматическом тексте, что, в свою очередь, дает возможность проследить жанровый генезис религиозной драмы.

Цель работы – выяснить, как архетипный «оттиск» музыкальной формы определяет нарратив драматического произведения. Одна из главных задач – определить, каким образом имитационная техника фуги реализуется в памятниках славянской религиозной драмы XVI–XVIII веков.

Основная часть. По А.Ф. Лосеву «... эйдос музыкального бытия есть эйдос вне-пространственного бытия» [3, с. 208]. По нашему мнению, жанр фуги, как символическая форма с потенциально запрограммированной нарративной стратегией, является одним из средств демонстрации «эйдоса вне-пространственного бытия» музыкального произведения. В то же время, благодаря своему внутреннему содержанию, своей имманентности, музыка способна раскрыть вневременную сущность бытия, его мифологическое измерение. Как отмечает Клод Леви-Стросс, «фуга достоверно показывает, как работает определенный тип мифов, в которых кульминация главного конфликта демонстрируется как соединение двух начал» [2].

Опираясь на вышеприведенные посылки, а также на тезис Полины Тончук о том, что «функционирование фуги в различных видах искусства – это проявление возможностей распространения концепта в пространстве» [11, с. 8], допускаем, что художественный концепт фуги, посредством своего архетипического выражения, определяет темпоральность славянской религиозной драмы, ее музыкальное интонирование, ритмомелодику и временную протяженность. П. Тончук выделяет такие универсальные характеристики фуги, как «наличие темы», «полифоническое многоголосие», «принцип имитационности» [11, с. 20]. Рассмотрим, каким образом названные характеристики музыкальной формы проявляются в драматическом произведении барокко.

Главная тема религиозной драмы и её развитие. Композиционная техника фуги, определяет бытие музыкального архетипа в славянской религиозной драме. Основную тему в каждом из драматических произведений транслирует образ-символ, который одновременно выступает и смысловой доминантой текста и коррелятом сюжетно-образных парадигм. Такими доминантами являются рождественские и пасхальные образы-символы, генерирующие развернутую систему библейских лейтмотивов: «рождение Христа», «распятие», «воскрешение сына Божьего», «успение Богородицы», «вознесение на небо Девы Марии», «грехопадение человека» и т.п. Как мы уже указывали, «... общекультурный символ перевоплощения, осмысленный в ранней славянской драме сквозь парадигму пасхальной символики, породил новый поэтико-аксиологический нарратив барокко» [6, с. 305–306].

Следует отметить, что пасхальные мотивы проявляются как в староукраинских и старопольских пьесах пасхального цикла, так и в духовных драмах Дмитрия Ростовского, связанных с темами рождества Христова («Рождественская драма (Комедия на рождество Христово)» [7] и успения Богородицы («Успенская драма» («Комедия на успение Богородицы») [8]. Встречаются в драмах Дмитрия Ростовского и традиционные персонажи пасхальных пьес. Так, например, персонифицированная фигура Натуры людской, которая декламирует свой монолог в антипрологе драматического произведения «Рождественская драма», позаимствована Дмитрием Ростовским из старинного украинского пасхального моралите «Царство Натуры людской» [12].

В каждой из барочных драм «проигрывается» под определенным углом зрения тема целостности человеческого бытия. Завершающие «смысловые аккорды» драмы

воспроизводят гармоничную мировоззренческую модель, как, например, в старопольском аллегорическом моралите «Память смерти» («Pamięć Śmierci», польск.), датированном 1578 годом. В этой драме, в назидание грешному человеку, формулируется морально-этическая установка (после цитат из оригинальных текстов курсивом подается перевод автора статьи – Т.П.):

*Ale czujnym potrzeba być
A Bogu się zawżdy modlić.
W poście, a w święty pokucie
Życ potrzeba tu na świecie [16, с. 635–636].*

.....
*Но бдительность надо хранить
И Богу всегда молиться.
В посте и в святом покаянии
Жить нужно на свете (перевод с польск. – Т.П.).*

Отображение полярных точек зрения находим в диалоге двух ангелов в староукраинском моралите «Царство Натуры людской»:

*А г г е л д о б р и
Добрѣ таковой всегда слухати поради,
Котрая в себѣ жадной не имѣет зради!
Внимаем ми глаголом Михайла здравим,
Скланяем и ушеса ко совѣтом правим.
А г г е л п р о т и в н и й.
Яко то не имѣет рада архаггела
Сего челоуѣка садит вижше над аггела
Сего челоуѣка садит вижше над аггела [12, с. 281].*

.....
*А н г е л д о б р ы й
Хорошо всегда такого слушать совета,
Который в себе не имеет извета!
Внимаем мы словам Михаила здравым,
Настроим уши к советам правым.
А н г е л п р о т и в н ы й
Негоже по совету архангела,
Сего челоука ставит выше ангела
(перевод с польск. – Т.П.).*

Одна их ключевых тем религиозной барочной драмы – противоборство добра и зла – «отзеркаливается» в образных парадигмах божественного и дьявольского. Такая стратегия наррации создает диалогическую напряженность драматической жанровой формы. Эта напряженность обусловлена функциональной логикой фуги, поскольку именно «... темпоральность фуги становится сферой синтеза ее разнонаправленных полярностей, чем и обеспечивается напряженность и непрерывность развития» [9, с. 72–73].

Полифоническое многоголосие драмы и техника контрапункта. Архетипические смыслы, порожденные нарративом музыки, определяют темпоральность,

многомерность и полифонизм драматического произведения. Развертывание драматического текста происходит в *замедленном ритме*, обусловленном частым применением повторов, а музыкальный принцип полифонии проявляется во взаимоотношающемся развитии основных сюжетных линий и сквозных лейтмотивов, которые раскрывают концепцию определенного драматического произведения или тематического цикла (рождественского или пасхального). Под термином «лейтмотив» подразумевается ведущий мотив, который передается через конкретный образ или интонацию, пронизывающую драматическое произведение. В религиозных драмах барокко лейтмотивы «дорога», «покаяние», «исповедь», «причастие», «успение» и многие другие воспроизводят религиозную картину мира христианина.

Адаптированная в славянской барочной драме музыкальная техника *контрапункта* обнаруживается в сближении или противопоставлении двух или более сюжетных линий. Так, в старопольской пасхальной драме «Диалог на великую пятницу» («Dialog na wielki piątek», 1663 г.) [14] параллельно разворачиваются две сюжетные линии. Первая подает в развитии библейский лейтмотив «распятие Иисуса Христа», вторая – представляет разработку лейтмотива «муки грешника». В пьесе Димитрия Ростовского «Успенская драма (комедия на Успение Богородицы)» [8] контрапункт реализуется в соединении лейтмотивов «успение Богородицы» и «ожидание грешником смерти». Таким образом, показ земных событий в барочной драме является отражением сакрального сюжета в профанном измерении.

В произведении Димитрия Ростовского «Рождественская драма (комедия на Рождество Христово)» [7] из лейтмотива «рождение Христа от Святого Духа» разворачиваются сюжетные линии – «преследование Христа» и «убийство царем Иродом невинных младенцев». В результате переплетения этих линий сюжета формируется образ божьей кары, который представлен в драме в виде персонифицированной фигуры Отмщения. В произведении Д. Ростовского «Успенская драма (комедия на Успение Богородицы)» из лейтмотива «успение» параллельно разворачиваются сюжетные линии «погребение и воскресение Богородицы» и «грехопадение и покаяние человека». Первая сюжетная линия формирует образ Матери Божьей (церкви), вторая – образ грешного человека.

В драмах пасхального цикла, как, например, в старопольской пьесе «Диалог на великую пятницу» («Dialog na wielki piątek») и пасхальном моралите «Царство Натуры людской» из лейтмотива «грехопадение» тоже разворачиваются две сюжетные линии: в сакральном измерении – линия «распятие Христа», в профанном – «наказание и покаяние грешного человека». Из сакральной линии сюжета выкристаллизовывается образ Христа-спасителя. Сюжетная линия, отражающая земные события, формирует образ человека, покаявшегося и освободившегося от бремени своих грехов.

Поэтика музыкальной имитации. В славянской барочной драме нарратив музыкальной имитации выступает формообразующим фактором. Интересны рассуждения Б. Асафьева об имитационной технике музыкальной формы, о том, что «... простое перемещение тождественных элементов из голоса в голос, помогая поддерживать движение, не оказывает все же на него столь импульсивного воздействия, как имитация. Это понятно. При имитации происходит включение в одну линию мелодического движения другой, ей тождественной; не простое продолжение (повторение) в другом голосе, а именно его включение до того, как движение первой линии замкнется» [1, с. 45]. Такая имитационная наррация порождает различные смысловые вариации при разработке лейтмотивов драматического произведения. Пример ритмического усиления и вариативного раскрытия одного из основных лейтмотивов произведения находим в

третьей сцене старопольской драмы «Диалог на великую пятницу» («Dialog na wielki piątek»), где лейтмотив «предчувствие предательства» разрабатывается в монологах Иисуса Христа трижды.

Первая разработка лейтмотива

J e z u s

*Uczniowie moi mili, śmiertelna godzina
Niezadługo się zbliży. Jednego przyczyna
Z was ucznia, który ze mną rękę w misę kładzie,
Ten ze mną w oczy pięknie, a sercu na
Zdradzie [14, с. 45].*

.....

И и с у с

*Ученики мои милые, смертный час
Скоро приблизится. Одна причина –
Один из вас, со мной к чаше руку приложивший,
В глаза прямо смотрит, но на сердце его –
гредательство (перевод с польск. – Т.П.).*

Вторая разработка лейтмотива

J e z u s z U c z n i a m i w y n i d z i e.

*Smutna jest dusza moja, znać śmierci godzina
Przybliża się. Ta smutku mojego przyczyna.
Wszystki członki drżą we mnie. Serce prorokuje,
Że Judasza na zdradzie na me życie czuje.
Boję się, śmierci boję, a śmierci okrutnej,
Która mię wkrótce potka!
Jak nie tam być smutny? [14, с. 46].*

И и с у с с учениками выходит.

*Печальна душа моя, знать час смерти
приближается. Это печали моей причина.
Все члены дрожат во мне. Сердце пророчествует,
Чую, в моей жизни Иуды измену.
Боюсь смерти, смерти жестокой,
Которая скоро мне встретится!
Как мне не быть в грусти? (перевод с польск. – Т.П.).*

Третья разработка лейтмотива

J e z u s

*Uczniowie moi mili, śpicie, a serce me mdleje;
Pot się krwawy na ziemię z czoła mego leje.
Wstańcie, a czujcie ze mną, niedaleko Męka.
Judasza wojsko prowadzi, serce się me lęka [14, с. 47].*

.....

И и с у с

*Ученики мои милые, спите, и сердце мое млеет;
С чела моего льется кровавый пот.
Встаньте и будьте со мной: близки мучения.*

Иуда войско ведет, сердце мое трепещет (перевод с польск. – Т.П.).

В данном примере анафора (обращение «Ученики, мои милые»), как риторическая фигура, выступает одним из приемов смысловой градации. Благодаря имитационной разработке, лейтмотив «предчувствие предательства» каждый раз звучит в новом варианте «приращённого» смысла. Еще один пример имитационного отражения в драматической наррации уже на звуковом уровне имеем в сцене 9-ой первого действия пасхального моралите «Царство Натуры людской». В монологе Всемогущей силы использован прием «эхо». Мажорными интонациями и особой ритмикой этот монолог напоминает фольклорный жанр заклинания:

Всемогущая сила
 Посем взях персть от землѢ и создах разумну – умну,
 ЧеловѢку Натуру, звѢране безумну – умну.
 МнѢ вожделѢнна еси от персти созданна – зданна –
 Людска Натура, паче тебе несозданна –зданна, –
 Твар благолѢннѢйша по виду моему – **твоему**, –
 По образу як бог украси своему – **твоему**;
 Дух божий оживи тя, много приими ухом – **вчухом!**
 Сила моя укрѢни, се слыши слухом – **духом!**
 Насадих веселие едемскаго сада – **рада!** –
 Ограда ест радости того вертограда – **рада!** –
 Изгнах горда аггела из райского края – **з рая**, –
 В том Натуру Людскую вомѢстити маю **раю**: –
 Хошу, будет царица в ЕдемѢ от поля – **воля**, –
 ВладѢти царством райским ест то ей доля – **воля**.
 Созданна от мене Натура ЧеловѢча! [12].

.....
 Всемогущая сила
 Посему возьму перст от земли и создам разумную – умную,
 Человеческую Натуру, не зверя безумного – умного.
 Вожделею тобой от перста создана – **сдана**
 Тварь благолепная по виду моему – **твоему**,
 По образу Бога украсив своего – **твоего** ,
 Дух божий оживил тебя, всё прими ухом – **слухом**,
 Сила моя, окрепни, услышь это слухом – **духом**.
 Насади веселье эдемского сада – **рада**,
 Ограда есть радость того вертограда – **рада!**
 Изгнав гордого ангела из райского края – **рая**,
 В нём Натуру Людскую помещая – **рая**.
 Захочу, будет царица в Эдеме от поля – **воля**,
 Владеть царством райским – то ее доля – **воля**,
 Создана от меня Натура Человеческая (перевод с польск. – Т.П.).

Антитезой к «мажорному» монологу фигуры Всемогущей силы звучит в «минорной тональности» монолог персонифицированной фигуры Отчаяния. В данном случае в поэтическом тексте использована градация, имитирующая музыкальное крещендо:

Первѣе солнце згаснет, звѣздипотемнѣют,
Первѣе свѣтозарнии небеса истлѣют,
Первѣе вся стихия будут в еднемлѣцѣ.
Неже Людска Натура изийдет з темницѣ [12].

.....
*Скорее солнце погаснет, звезды потемнеют,
Скорее светозарные небеса истлеют,
Скорее вся стихия будет в едином обличии,
Нежели Людская Натура из темницы выйдет*

(перевод с польск. – Т.П.).

Персонифицированная фигура Отчаяния из староукраинского пасхального моралите в духовной драме Димитрия Ростовского «Комедия на успение Богородицы» модифицируется в фигуру Плача, которая входит в парадигму персонифицированных образов славянской религиозной драмы и «... олицетворяет древнейшую жанровую форму, генетически связанную с русской народной обрядовой поэзией – плачем-причитанием» [5, с. 81].

Диалоги и монологи фигур-персонификаций славянской религиозной драмы, разрабатывающие основную тему, имитируют переплетающиеся голоса барочной фуги. Нарратив драмы выражает ритмико-интонационную стратегию целостной трансляции сакральной истории, неразрывное единство музыкального и поэтического начал, стремление к слиянию формы и содержания, обеспечивает синтетическую репрезентацию архетипических смыслов. Такой тип наррации формировал религиозную картину мира зрителя барочного театра, воспитывал человека верующего, помогал ему преодолевать трудности и избавляться от пороков. Как отмечает Лидия Тарапата, «... в музыке объективируется определенный набор страстей, присущих человеку. Создавая своеобразный реестр музыкально-эмоциональных клише, теория аффектов устанавливает аналогии между средствами музыкальной выразительности и типичными человеческими страстями» [10, с. 81–82]. Благодаря таким фигурам старославянской драмы как Любовь, Отчаяние, Плач, Надежда, Вера, Милосердие, Предательство, выступающими персонификациями движений («струн») человеческой души, моделируется внутренний мир человека, показывается взаимодействие двух сторон его сущности – праведной и греховной.

Часто в драматических произведениях встречаются рефрены, выраженные повторением группы слов, строки или нескольких стихотворных строк в строфах. Пример рефрена имеем в пасхальной старопольской драме «Диалог о дереве жизни» («Dialogo Drzewie Żywota»), датированной 1609 годом. Так, в пятой сцене действия первого, в монологе персонифицированного персонажа пьесы Хора, неоднократно повторяется строка «Drzewie Żywota, ochłodo świata» (*Дерево жизни – украшение мира*. перевод с польск. – Т.П.) [15, с. 432–433]. В приведенном ниже отрывке из этой драмы, благодаря рефрену (повторению двухстрочной строфы), акцентируется амбивалентность символики сакральных плодов древа жизни:

Tym sakramentem człek nasycony.
O, jako wiele daje dobrego!
O, jako wile oddala złego!
Tym sakramentem człek nasycony

Ku wiecznym rzeczom bywawz budzony.

О, jako wieledaje dobrego!

О, jako wile oddala złego! [15, с. 432–433]

.....

Этим таинством человек насыщен.

О, как много дает доброго!

О, как хитро отдаляет злое!

Этим таинством человек насыщен,

К вечным вещам он пробуждается.

О, как много дает доброго!

О, как хитро отдаляет злое! (перевод с польск. – Т.П.).

Образ сакрального плода связан с мотивом запрета, который, посредством имитационной техники, становится сквозным лейтмотивом всего пасхального цикла драматических произведений. Например, в пасхальной драме «Диалог на великую пятницу» («Dialog na wielki piątek») лейтмотив «запрета» вначале звучит в назидательном ключе в монологе Бога Отца (антипролог драмы):

Zażywaj cie owoców rozkoszny chbeśpiecznie.

Jednego się wstrzymywać potrzeba koniecznie

Drzewa. Jeśli skusicie jabłka takowego,

Utracicie ozdobę miejsca tutecznego [14, с. 43].

.....

Наслаждайтесь беспечно фруктами.

Одного не касаться лишь нужно древа.

Если вы соблазнитесь яблоками,

Потеряете красоты места этого (перевод с польск. – Т.П.).

Далее тема имитируется в повествовательной форме:

Cilu dzietak się zowią w Raju: Adam, Ewa.

Wszytkie go używają, leczje dnego drzewa

Ani tknąć nie powinni, srogo przykazano [14, с. 45].

.....

Эти люди в раю зовут себя Адам и Ева.

Вкушают все, кроме плодов одного древа.

Не должны к нему прикасаться – сурово раповедано

(перевод с польск. – Т.П.).

Приведенные примеры из текстов славянской драмы XVI–XVIII веков демонстрируют тип драматургического мышления барокко: композиционные структуры старинных религиозных произведений смоделированы посредством жанровой синергии музыкальных, литературных и фольклорных форм.

Заключение. Таким образом, форма фуги рассмотрена нами как выражение типологического музыкального нарратива, системно проявляющегося в семиосфере мировой культуры. Музыкальная форма фуги есть не что иное, как *нарративный архетип*, который в славянской религиозной драме определяет ее диалогические стратегии. Благодаря логике фуги в славянской религиозной драме барокко реализуются принципы со-отражения образов, музыкальной имитации и контрапункта.

При имитационной разработке главной темы в драматическом произведении каждая последующая «вариация» звучит на «смысловом фоне» предыдущей, чем обеспечивается такая же, как и в музыке, напряженность и непрерывность трансляции основного посыла драмы. Архетип фуги, разворачиваясь в драматическом тексте, проявляет как свое логическое развитие, так и алогическое музыкальное содержание, показывая зыбкость смысла – его «музыку». Наррация по принципу фуги позволяет одновременно предьявлять смысл в момент непосредственного зарождения и смысл, уже сформированный в монологах и полилогах драматического произведения.

Славянская религиозная драма XVI–XVIII веков, характеризуемая определенной открытостью, воплощает во времени принцип «контрапункта культуры», который предполагает порождение бесчисленных архетипических инвариантов в ее семиосфере. Наиболее перспективным направлением дальнейших исследований видится выявление сюжетно-образных заимствований, а также художественных адаптаций нарративных стратегий славянской религиозной драмы барокко в современной отечественной и мировой драматургии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс / Б.В. Асафьев [репринт ориг. изд. под ред.: Е.М. Орловой]. – Издательство: ЁЁ Медиа, 2012. – 376 с.
2. Леві-Стросс К. Міт та значення // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. [За ред. М. Зубрицької]. – Львів, 1996. – С. 345–356.
3. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики / А.Ф. Лосев. – М.: Академический проект, 2012. – 205 с.
4. Махов А.Е. Система понятий и терминов музыковедения в истории европейской поэтики: дисс. ... док. филолог. наук; спец.: 10.01.08 / А.Е. Махов. – Москва, 2007. – 415 с.
5. Плахтий Т.П. Жанровые источники пьесы Димитрия Ростовского «Успенская драма» («Комедия на усение Богородицы») / Т.П. Плахтий // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 14–21 марта 2023 года, Санкт-Петербург [сб. тезисов] – Санкт-Петербург, 2023. – С. 81–83. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53825642> (дата обращения: 04.07.2023).
6. Плахтий Т.П. Поэтико-аксиологический аспект славянской религиозной драмы XVI–XVIII веков / Т.П. Плахтий // Русская литература в меняющемся мире 2022. Международная научная конференция (10–11 ноября 2022 г.) / [сб. материалов / отв. ред. Л.С. Меликсетян, А.А. Татевосян]. – Ереван: РАУ, 2023. – С. 304–314.
7. Ростовский Д. Рождественская драма (Комедия на рождество Христово) / Д. Ростовский // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. [под. ред. О.А. Державина, А.С. Демин, В.П. Гребешок]. – Москва: Наука, 1972. – С. 220–274.
8. Ростовский Д. Успенская драма (Комедия на усение Богородицы) / Д. Ростовский // Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. [под. ред. О.А. Державина, А.С. Демина, В.П. Гребешок]. – Москва: Наука, 1972. – С. 172–219.
9. Суханцева В.К. Категория времени в музыкальной культуре: генезис, сущность, процесс функционирования: дисс. ... доктора философских наук; спец. 09.00.04 / В.К. Суханцева. – Луганск, 1990. – 334 с. // Российская Государственная Библиотека. Электронный каталог. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000036482> (дата обращения: 04.07.2023).
10. Тарапата Л.Г. Музыка как модель мироустройства (опыт культурологического исследования): дисс. ... канд. философ. наук; спец. 09.00.04 / Л. Тарапата. – Х., 1997. – 193 с.
11. Тончук П.О. Фуга как универсальный художественный концепт : на примере цикла «Рисунки по шелку» Ф. Бахора : автореферат дисс. ... кандидата искусствоведения; спец: 17.00.02 / П.О. Тончук [Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки]. – Новосибирск, 2016. – 26 с.
12. Царство Натури людской // Драматична література XVII – поч. XVIII ст. – Режим доступа: <http://www.litopys.org.ua/biletso/bilo16.htm> (дата обращения: 04.07.2023).
13. Чистюхин И.Н. Теория драмы: анализ драматического произведения / И.Н. Чистюхин. – Учебное пособие. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2014 – 126 с.
14. Dialog nawielkipiątek // Dramatu staropolskie. Antologia, w 6 t. / Oprac. J. Lewackim. – Т. 4. –

Warszawa, 1959. – S.41–53.

15. Dialogo Drzewie Żywota // Dramatu staropolskie. Antologia, w 6 t. [oprac. J.Lewackim]. – T. 4. – Warszawa, 1959. – S. 421–460.

16. Pamięć Śmierci // Dramatu staropolskie. Antologia, w 6 t. [oprac. J.Lewackim]. – T. 4. – Warszawa, 1959. – S. 625–637.

Поступила в редакцию 18. 02. 2023.

BAROQUE POETICS: ARCHETYPE OF FUGUE IN SLAVIC RELIGIOUS DRAMA OF THE XVIIth–XVIIIth CENTURIES

T.P. Plakhtiy

This article addresses the Old Polish and Old Ukrainian anonymous plays about Easter, as well as the dramatic works "Assumption Drama" ("Comedy for the Assumption of the Virgin") and "Christmas Drama" (Comedy for the Nativity of Christ) by His Holiness Metropolitan Dimitry Rostovsky. The narrative strategies adaptations of the musical form of the fugue in the Slavic religious drama of the XVIth–XVIIIth centuries are considered in particular. The comparative approach applied in the study of the spiritual drama monuments makes it possible to develop a methodology for an interdisciplinary research of the Slavic religious drama of the Baroque. This research is based on works on the theory and philosophy of literary and musical forms, which fully reflects the tradition of interdisciplinary discourse in modern literary studies. The applied significance of this contribution lies in the development of tools for analyzing a dramatic work and clarifying the terminology used in the study of narrative strategies of the Slavic religious drama of the Baroque.

Key words: Slavic religious drama, adaptation of narrative strategies, archetype of fugue, musical form, imitation, leitmotif, moralite, baroque poetics, Dimitry Rostovsky.

Плахтий Татьяна Петровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Старший преподаватель кафедры русского языка

E-mail: t.plakhtiy@donnu.ru

Plakhtiy Tatiana Petrovna

Donetsk National University.

Senior Lecturer of the Russian Language Department

E-mail: t.plakhtiy@donnu.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.97 616.89

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНСТРУКТА «ОБРАЗ ЖИЗНИ» В КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2023 *И.Н. Некрасова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

С целью преодоления существующего интерпретационного схематизма и методологического редукционизма рассмотрены методологические особенности использования понятия «образ жизни» в клинико-психологических исследованиях. На основе интеграции генетического и функционального подходов к пониманию связей в системе «психика↔деятельность↔личность↔болезнь» сформирована структура образа жизни как исследовательского конструкта в контексте синтеза поведенческого, когнитивного и эмоционального компонентов клинического анализа психической реальности. Выделены содержательно-смысловые и эмоционально-динамические характеристики анализа субъективной модели образа жизни пациента, раскрыто содержание основных модусов репрезентации его индивидуальной жизненной модели. В качестве главного механизма трансформации патогенной модели образа жизни пациента предлагается использовать апперцептивный механизм трансформации, проанализированы его содержание и особенности использования. Приведен краткий обзор рекомендованных для исследования образа жизни пациента психодиагностических методик. На основе операционализации понятия «образ жизни» с точки зрения клинического метода исследования выделены его валидные референты. В качестве структурной единицы методологической дескрипции предлагается использовать системную категорию «смысл».

Ключевые слова: апперцептивные установки, внутренняя картина болезни, комплаенс, лояльность пациента, образ жизни, образ мира, психологический преморбид, смысл, тип отношения к болезни.

Введение. Понимание механизмов, лежащих в основе соматических и психических заболеваний, предполагает комплексный подход к диагностике причин расстройств и методов их лечения. Очевидно, что развитие любого заболевания определяется сложным взаимодействием психологических, социальных и биологических факторов, среди которых часто именно социально-психологические причины (устоявшиеся модели жизненных отношений пациента, его образ жизни, индивидуальные привычки и стереотипы питания, общая культура социальных отношений и личная психогигиена) выступают катализаторами манифестации заболевания на фоне определенной биологической предрасположенности человека [3].

Более того, распространенность некоторых общих симптомов того или иного заболевания у пациентов, наблюдаемых в условиях клиники, позволяет предположить, что у них также существуют и некоторые общие социально-психологические, культурные и ментальные характеристики их жизни, которые отвечают за формирование этих групп симптомов. Сопоставление диагностических личностных профилей и клинических картин одного и того же заболевания у разных групп пациентов позволяет заключить, что эффективный подход к психологическому исследованию личности в клинике и формированию индивидуального клинического маршрута лечения всегда начинается с изучения специфики образа жизни пациента до момента диагностируемой манифестации болезни [1; 6, с. 20–35].

Безотносительно к этиологии и патогенезу заболевания, образ жизни пациента рассматривается как сложившийся стереотип его социальных отношений и жизненных ориентаций, определяющих качественное своеобразие межличностных связей, ролевых диспозиций и социального поведения [4, с. 57–64; 7]. Используя образ жизни как конструкт клинико-психологических исследований личности пациента, следует понимать, что это также и субъективно моделируемый способ воспроизводства индивидуальных ценностей и смыслов человеческой жизни, алгоритм реализации интересов и способностей, воплощения заданных культурных норм и правил отношения к другим, к миру предметных вещей и социальных явлений. Это метасистемная характеристика личности, представляющая ее подструктуру «убеждения, мировоззрение, личностные смыслы; интересы», то есть, социальный уровень субъективной организации в контексте личностной самодетерминации.

Рассматривая любую форму патологии как результат сложения социальных, психологических и биологических предпосылок, можно утверждать, что образ жизни как конструкт клинических исследований предстает в виде метасистемной, интегральной социально-психологической характеристики жизни пациента [3]. Именно поэтому образ жизни пациента можно интегрально представить не только как модус жизненной репрезентации «здесь и теперь», но и как переменную, которая в процессе клинико-психологического исследования отражает саму болезнь в форме «прошедшее как заданность» (социально-психологический преморбид заболевания) и позволяет прогнозировать исход болезни в формате «будущее как возможность».

Отметим, что достаточно продуктивной для нужд клинического исследования также оказывается трактовка образа жизни как способа формирования потенциально возможной смысловой реальности жизни индивида [4, с. 57–64]. Именно поэтому на практике клинические психологи предпочитают описывать образа жизни не только как функцию системной детерминации развития личности в онтогенезе, но и как некий результирующий вектор от субъективных апперцептивных установок самого пациента [6, с. 20–35; 7]. При этом, именно апперцептивные установки рассматриваются как своеобразный психологический механизм формирования внутренней картины болезни, без коррекции которой совершенно невозможны как полноценная профилактика, так и выздоровление.

В силу этого, можно обобщить, что в клинической психологии трактовка понятие образа жизни не выходит за рамки сложившегося традиционного общепсихологического контекста и тесно связывается не только с соматическим, но и с ментальным здоровьем личности пациента. По этой причине введение в процедуру клинического исследования конструкта «образ жизни» выглядит достаточно *актуальным*, а правильное понимание его методологических возможностей содержит определенный прикладной инновационный потенциал и обладает несомненной *практической значимостью*.

В качестве *целевой ориентации* исследования отметим, что в соответствии с тезисом о самодвижении и саморазвитии личности пациента как субъекта заболевания, использование конструкта «образ жизни» позволит, во-первых, понять социально-культурные и психологические механизмы развития болезни, а, во-вторых, трансформировать нежелательные модели жизненных отношений пациента, которые сформировали определенные социально-психологические предпосылки (психологический преморбид) его заболевания.

Подобный подход к пониманию *функциональных возможностей* использования конструкта «образ жизни» позволит клиническому психологу организовать эффективное психологическое сопровождение всех этапов лечения с выходом в зону таких важных его

характеристик как лояльность, комплаенс и тип отношения пациента к болезни. Понимание причин отличий содержательных и функциональных характеристик субъективной модели образа жизни пациентов одной клинической группы (в контексте особенностей возникновения и протекания конкретного заболевания) может помочь врачам и клиническим психологам сформировать представление относительно основных механизмов, ведущих к заболеванию, а также определить факторы, влияющие на предрасположенность к патологии и динамику ее проявления.

Базовый эмпирический дискурс. Отметим, что как комплексный конструкт системной клинической диагностики, образ жизни вбирает в себя различные форматы личностной репрезентации пациента (социум, мораль, культура, профессия, этика, этнос, жизненный опыт и т.п.) [7; 8]. Поэтому, использование понятия образа жизни в клинической психодиагностике всегда ориентировано на метасистемный подход психолога к изучению и пониманию индивидуального бытия [1; 5, с. 100–115].

В этой связи, как интегральный показатель здоровья, образ жизни отражает не только осмысленное отношение человека к состоянию собственного соматического благополучия и пониманию здоровья как одной из важнейших ценностей жизни, но и проявляет индивидуальный набор личностных характеристик, отвечающих за приспособление индивида к изменяющимся условиям жизненной среды. В этом смысле, образ жизни в клиническом исследовании чаще соотносится с *набором индивидуально-приспособительных механизмов социального реагирования*, которые или защищают индивида от возникновения соматических сбоев, или же, наоборот, способствуют возникновению патологии [1; 2, с. 650–656; 3].

Отметим, что на формирование субъективной модели образа жизни влияют различные факторы (социальные, экономические, культурные, психические, биологические). Поэтому на практике в качестве его дескрипторов клиническим психологом часто используются такие диагностические маркеры как: стиль жизни, образ мира, жизненный путь, субъективное качество жизни, жизненный опыт, культурные и поведенческие стереотипы, система ценностных ориентаций и смысловых приоритетов, самоотношение, самооценка, Образ «Я» и т.п. [2; 4]. Являясь структурными компонентами анализа и оценки качества и содержания образа жизни пациента, перечисленные переменные клинического исследования в сопоставлении с данными автобиографического анализа позволяют правильно понять ментальные источники возникновения заболевания, эффективно подобрать не только медикаментозную терапию, но и сформировать эффективную психотерапевтическую траекторию сопровождения пациента.

Таким образом, традиционно, в исследованиях используется два подхода: *дескриптивный подход* к исследованию образа жизни как системной личностной характеристики, и *измерительный* – позитивистский, представляющий образ жизни и саму личность пациента как набор разрозненных, однако, измеряемых линейных характеристик. Тем не менее, подобная методологическая сепарация представляется несколько редуцированной, поскольку, порождает необходимость расширить методические рамки использования понятия «образ жизни» с выходом в сферу метасистемной методологии и с последующей ориентацией на комплексное понимание психологических механизмов коррекции образа жизни пациента.

В современных клинко-психологических исследованиях образ жизни понимается достаточно широко и все чаще сведения о нем запрашиваются лечащим врачом как необходимые и сопутствующие лечению условия для выбора наиболее эффективной индивидуально ориентированной терапии, тем не менее, использование

данного конструкта не опирается на объективно обоснованную систему его референтов. Это приводит к разъединению психологом-исследователем позитивистских, феноменологических и синергетических принципов в трактовке результатов изучения личности пациента, когда психолог преимущественно ориентируется в исследовании на использование или структурных, или генетических, или же функциональных характеристик личности пациента, что по отдельности не позволяет в процессе клинического анализа рассмотреть болезнь одновременно как результат социо- и онтогенеза.

Подобная «диагностическая сепарация» не формирует системного видения картины заболевания, когда сама патология рассматривается не столько как набор соматических симптомов, сколько как ментальный сбой личности. В этом смысле особенную значимость приобретает известное утверждение о том, что «все болезни от нервов», а лечить надо не конкретную болезнь, а человека в целом.

Выкладка концепции исследования. С онтологических позиций концепт понятия «образ жизни» разворачивает многогранность бытийных характеристик субъекта [1; 9, с. 103–109; 10].

Поэтому, содержательными компонентами психологического анализа субъективной модели образа жизни пациента выступают следующие содержательные модусы его отношений: субъективное отношение к себе, к окружающим, к миру предметных вещей и социальных явлений (модус отношения), а также субъективная оценка собственных возможностей влиять на жизнь (модус влияния на события жизни). В этой связи отметим, что диагностическая индикация обозначенных выше содержательных модусов образа жизни пациента будет пролегать в плоскости системного подхода к интерпретации и объяснению социально-психологических характеристик его как субъекта болезни.

Так как в неклассической психологии личность позиционируется как нелинейная самоорганизующаяся смысловая система, то и исследование образа жизни также должно пролегать в русле принципа вероятностной детерминации и уровневой представленности (социальный и биологический) психики и соматической сферы с учетом сложного характера их проявлений одновременно на уровне регистрируемых эмоциональных, поведенческих и когнитивных феноменов.

На практике, диагностика данных модусов предполагает использование спектра различных психодиагностических методик общепсихологического профиля (в том числе и клинически адаптированных вариантов) в сочетании с комплексными (междисциплинарными) процедурами контент-анализа, наблюдения, социологического анализа, семейного расспроса, анкетирования, автобиографического метода, методик изучения жизненного пути, смысло-жизненных ориентаций и глубинных ментальных установок.

В этом смысле, психолог в процессе клинической диагностики должен обращать внимание на соответствие признаков расстройств в клинической картине заболевания перечисленным выше четырем основным содержательным модусам психологического анализа субъективной модели образа жизни пациента. Это позволит клиническому психологу сформировать комплексное суждение о причинах заболевания и предоставить профильному врачу комплексный прогноз успешности лечения, предпринять меры для повышения лояльности и комплаенса пациента.

Таким образом, можно обобщить, что образ жизни, являясь свернутой во времени транспективной моделью организации жизнедеятельности пациента, может рассматриваться как зона интеграции *генетического* и *функционального* подходов к

пониманию связей в системе «психика↔деятельность↔личность↔болезнь». При этом, к *функциональным* характеристикам модели образа жизни пациента будут относиться ценностно-смысловые регуляторы поведения и мотивационно-потребностный комплекс личности, эмоционально-динамические характеристики и стереотипы поведения, Образ «Я», самооценка, самосознание, социальная и личностная идентичности.

К *генетическим* характеристикам модели образа жизни можно отнести, например, апперцептивный опыт, исходный афферентирующий образ понимания себя в болезни и своей жизни в целом, копинг-стратегии, базовые установки и глубинные смыслы, стили деятельности, индивидуальную историю жизни пациента, его биологические и конституциональные особенности, то есть, все то, что традиционно определяет внутреннюю картину болезни. Подобный референтный анализ предполагает использование качественных и опросных методов психологического исследования, которые хорошо зарекомендовали себя в целях изучения ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфер личности. Опыт практической реализации подобной референтной диагностики доказывает крайне низкую эффективность традиционно используемых в клиническом исследовании так называемых рейтинговых оценочных шкал.

Отдельно следует остановиться на феномене субъективного отражения в сознании больного человека переживаний и организации своего поведения при соматической болезни. Применительно к пониманию аутопластической картины заболевания, образ жизни в сочетании с образом мира, который выстраивается в сознании пациента как некая модель-алгоритм его жизненных отношений, позволяет приблизиться к пониманию такой важной характеристики пациента как «качество его жизни». Здесь большую роль играет уровень ощущений, которые испытывает человек как субъект болезни, особенности его эмоциональных переживаний, уровень интеллектуальной переработки информации о своем болезненном состоянии, тип реагирования на ситуацию болезни, мотивационные и потребностные переживания.

Именно спектр данных диагностических референтов позволяет непосредственно оценить такую важную качественную характеристику образа жизни пациента как его субъективную удовлетворенность текущей жизненной ситуацией. Субъективная удовлетворенность в данном случае рассматривается клиническим психологом как психологический ментальный ресурс личности пациента, который выступает как своеобразный «психологический плацдарм» для борьбы с заболеванием. При этом анализ стереотипов реагирования как содержательно-функциональных характеристик модели образа жизни пациента покажет механизмы наиболее вероятностной психической адаптации пациента к болезни, а используемые паттерны совладания и защиты будут исходить из того поведенческого репертуара, который пациент наиболее часто использовал в критических ситуациях своей жизни еще до болезни.

Также содержательный анализ различных модусов образа жизни (субъективное отношение к себе, к другим, к миру предметных вещей и социальных явлений) в сопоставлении с картиной образа мира позволит выделить так называемый индивидуальный «бытийный миф» (жизненную легенду) пациента. Данный «бытийный миф» в контексте внутренней картины болезни легко трансформируется в так называемый «миф о болезни», который репрезентирует не столько реальные знания пациента о своем заболевании, сколько уровень его интеллектуального развития, менталитет, общий культурный уровень и социальный статус.

При этом, для каждой модели образа жизни «миф о болезни» сугубо аутентичный, это определенный и уникальный социальный дискурс жизни пациента. Он может

совпадать или нет с официальным мнением медицины относительно заболевания. Соответственно, помогать или вредить пациенту в лечении, однако, при выборе стратегии лечения данный миф обязательно должен учитываться как ментальный ресурс пациента, а сама программа психологического сопровождения пациента будет эффективной только тогда, когда будет учитывать содержание и наиболее эмоционально нагруженные смысловые позиции данного мифа.

Поскольку образ жизни пациента определяет характер отношения пациента к заболеванию (эмоциональную, интеллектуальную, волевою и болевую сторону болезни), то на основании именно этих характеристик у пациента и создается модель заболевания. Модель болезни отражает стержневые функциональные и содержательные характеристики субъективной модели образа жизни, опосредуя индивидуальные представление пациента об этиологии, клинике, характере лечения и прогнозе своего заболевания. Следует понимать, что у пациента между реальным состоянием дел со здоровьем и успехом лечения и его моделью болезни может и не быть знака равенства. В этом случае эмоционально нагруженные смысловые элементы субъективной модели образа жизни помогут понять врачу и психологу что же может рассматриваться как позитивный психологический фактор лечения, а что потребует дополнительной психотерапевтической интервенции.

Таким образом, применительно к вопросам психотерапевтического вмешательства и психологического сопровождения пациента на всех стадиях лечения, репрезентируемая пациентом модель образа жизни, непосредственно зависит от результатов его жизненного опыта. Степень соответствия образа жизни образу мира в сознании пациента может рассматриваться как функциональная основа для формирования субъективной жизненной удовлетворенности и трансформации ценностно-смысловой сферы личности применительно к новым условиям жизненной ситуации в условиях совладания с болезнью. Психологической основой коррекционного процесса при ведении пациента в таком случае выступает его апперцептивный опыт, а механизмом, обеспечивающим коррекцию образа жизни как нежелательной основы для возникновения заболевания и его дальнейшей профилактики – метауровневые переходы в системе «значение-смысл». Именно данные переходы определяют успешность трансформации модели образа жизни и определяют возможность перестройки субъективной модели образа жизни вследствие изменения иерархического статуса ее смысловых компонентов (либо понижения, либо перехода на более высокий, управляющий уровень личностной самоорганизации) [5].

Так как смысловая модель образа жизни отражает специфику социализации индивида и формируется как результирующая от социокультурного дискурса проблемной жизненной ситуации и его глубинных ценностно-смысловых структур, в качестве основных компонентов субъективной модели образа жизни можно выделить, во-первых, апперцептивный опыт как устойчивый или ситуативный опыт апперцепции процессов антиципации и интериоризации, формирующийся в условиях определенной проблемной жизненной ситуации, и, во-вторых, глубинные ценностно-смысловые структуры психики, отражающие субъективно значимый жизненный опыт личности.

В контексте изложенного отметим, что в процессе исследования образа жизни апперцептивный опыт может рассматриваться как динамическое образование, которое в контексте субъективно значимых личностных смыслов и функции антиципации определяет динамику соотношения чувственной ткани индивидуального сознания и принятых социальных значений в контексте функции опережающего психического отражения. Полагаем, что апперцептивный опыт – это та промежуточная смысловая

переменная, через которую в контексте социокультурного онтогенеза личности и антиципирующих функций психики связаны между собой такие структурные образования смысловой сферы личности как смысловые модели образа мира и образа жизни.

В этом смысле апперцептивный опыт, во-первых, в определенной мере, является опытом антиципации на основе использования личностью определенных смысловых моделей видения мира с целью последующей практической проверки в условиях конкретной деятельности выдвигаемых познавательных гипотез посредством которых и происходит становление любого перцептивного образа, во-вторых, может рассматриваться как смысловая основа для формирования содержательных структур субъективной модели образа жизни и применительно к условиям новой проблемной жизненной ситуации является индикатором оценки субъективной конструктивности образа жизни пациента.

Представляется, что апперцептивный опыт может интерпретироваться как результат использования пациентом определенной сформированной ранее на основе совокупного жизненного опыта модели образа мира с целью эффективного переживания актуальной проблемной жизненной ситуации (ситуации болезни). Поэтому необходимым и достаточным условием трансформации субъективной модели образа жизни в процессе психологического коррекционного вмешательства является необходимость формирования нового апперцептивного опыта применительно к изменяющимся условиям жизненных проблемных ситуаций, что осуществляется на основе сопоставления ценностно-смысловых характеристик актуального апперцептивного опыта и субъективной модели образа мира.

Качественный переход в системе «значение↔смысл», вследствие которого значения, как обобществленные смыслы, или новые, заимствованные личностью смысловые ориентиры, интериоризируются, ассимилируются и присваиваются личностью, является психологическим механизмом трансформации субъективной модели образа жизни пациента с выходом в сферу повышения комплаенса и уровня лояльности пациента.

Если апперцептивный опыт субъективно оценивается личностью как успешный, вследствие того, что система используемых индивидуальных смыслов и представлений оказывается конструктивной по отношению к условиям проблемной жизненной ситуации, то, апперцептивный опыт стабилизируется, трансформируясь сначала в ценностно-смысловые структуры образа жизни, а потом и в индивидуальный глубинный ценностно-смысловой формат.

Таким образом, использование конструкта «образ жизни» в клинических исследованиях обладает достаточным прогностическим потенциалом и позволяет приблизиться к пониманию внутренних психологических закономерностей трансформации патогенных моделей образа жизни пациентов в контексте определенных заболеваний.

Однако, диагностика образа жизни как психологического конструкта сопряжена с некоторыми важными методическими особенностями. Так, клиническому психологу при исследовании образа жизни пациента приходится сталкиваться с изучением его жизненной индивидуальной транспективы, которая представлена феноменами двоякого рода: во-первых, теми, которые репрезентируют жизненную ретроспективу личности в форме глубинных (ментальных) ценностно-смысловых образований ее жизненного опыта, и во-вторых, феноменов, отражающих текущую проблемную жизненную ситуацию, субъективное видение себя и своих возможностей функционирования в рамках этой

ситуации (в том числе и ситуации болезни), что интегрально репрезентировано в виде переменных «актуальный дискурс» и априорно «социальный дискурс».

Перечисленные характеристики могут использоваться как диагностические ментальные дескрипторы образа жизни, в системе которых следует выделять блок *содержательно-смысловых* и *эмоционально-динамических* компонентов его анализа.

Как психологические переменные, модус отношения и модус влияния, социальный дискурс и жизненная транспектива в клиническом исследовании должны быть соотнесены с определенными наблюдаемыми и поддающимися объективной регистрации феноменами-референтами. Наиболее продуктивным в этом отношении представляется *принцип системного анализа психической реальности*, в соответствии с которым, любой психический феномен может быть представлен с позиции трех фундаментальных своих составляющих – *эмоций, когниций и поведения* [4, с. 57–64; 8], что предполагает использование комплексных методов исследования. Также отметим, что в процессе проведения комплексной диагностики перечисленные выше элементы анализа образа жизни могут быть репрезентированы через системную категорию «смысл».

Смысл может рассматриваться как базовая *структурная единица* анализа субъективной модели образа жизни. Вследствие этого, в процессе диагностики смысл можно использовать как универсальный системный референт, раскрывающий как актуальные жизненные обстоятельства личности, так и ретроспективные параметры модели ее образа жизни. Поэтому, как психологическая переменная и самостоятельный конструкт исследования жизненная ретроспектива референтно может быть представлена субъективно значимыми потребностями, целями, интересами и ценностями личности, а также функционально-динамическими характеристиками связи ценностей, смыслов и смысловых диспозиций личности, отражающих субъективно значимый жизненный опыт личности. Референтами же социального дискурса могут выступать системы субъективных представлений относительно объективно регистрируемых, в контексте определенных периодов жизни личности, изменений окружающей ее социальной реальности.

Также отметим, что выделенные диагностические дескрипторы субъективной модели образа жизни пациента могут использоваться не только для расширения возможностей клинического исследования, но и как маркеры для построения эффективной программы психокоррекционной интервенции в процессе психотерапии.

Основываясь на опыте клинических исследований, отметим, что в процессе психологической интервенции и психологического сопровождения пациента на различных стадиях оказания ему врачебной помощи наиболее устойчивыми и инертными в отношении коррекции будут те ценностно-смысловые образования модели образа жизни, которые отражают и фиксируют наиболее значимый субъективный опыт переживания критических жизненных ситуаций. Именно эти ценностно-смысловые образования формируют глубинные ментальные структуры психики пациента и в процессе оказания позитивного психологического воздействия могут рассматриваться психологом как, во-первых, ментальные детерминанты субъективной модели образа жизни, а, во-вторых, как основа для нежелательного формирования устойчивых предпосылок заболевания.

Заключение. Единицей структурного анализа субъективной модели образа жизни выступает психологическая категория «смысл», которая может рассматриваться как ее универсальный структурный компонент.

Содержательные дескрипторы образа жизни отражают основные модусы бытия: субъективные представления о себе, о других, о мире предметных вещей и социальных явлений, а также о собственных возможностях влиять на жизнь. Данные дескрипторы

соотносятся с дискурсивными и ретроспективными характеристиками жизнедеятельности личности и являются основными содержательными компонентами системного анализа субъективной модели образа жизни.

Референтами содержательных структурных компонентов выступает система ценностно-смысловых образований личности, представляющая субъективно конструктивный опыт переживания проблемных жизненных ситуаций в контексте перечисленных выше модусов жизнедеятельности.

Основными характеристиками содержательных структурных компонентов субъективной модели образа жизни являются содержательно-смысловые и эмоционально-динамические особенности взаимодействия личности с миром.

Изучение образа жизни должно пролегать в области системных исследований, требует сквозной (в контексте всего жизненного цикла) диагностики личностных и индивидуальных закономерностей развития и не может основываться на изучении разрозненных фрагментов ценностно-смысловой сферы личности вне контекста ее совокупного жизненного опыта. Это позволит избежать интерпретационного схематизма и методологического редуционизма, а также описать образ жизни в контексте синтеза поведенческого, когнитивного и эмоционального компонентов клинического анализа психической реальности.

Использование образа жизни как метасистемного конструкта в клинико-психологических исследованиях позволит:

- с позиций единства когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов репрезентации жизнедеятельности и в контексте единства биологического, социального и психологического уровней детерминации личности как нелинейной неравновесной метасистемы представить личность пациента как конструкт междисциплинарных исследований, раскрывающий основные содержательные модусы его жизненных отношений (к себе, к другим, к миру предметных вещей и социальных явлений);

- даст возможность не только наблюдать, но и выявлять закономерности трансформации социальных и культурных феноменов человеческой жизни в патогенные факторы развития заболевания, понимать психологические закономерности преобразования индивидуального опыта в социально значимый с точки зрения достижения состояния выздоровления и нивелирования симптоматики заболевания;

- выйти на метасистемный уровень объяснения взаимосвязей в системе «личность↔общество↔культура↔здоровье», вследствие чего удастся получить диагностические инструменты комплексной оценки и прогнозирования динамики заболевания в процессе клинико-психологической коррекции и консультирования;

- представить личность пациента как продукт соприкосновения онтогенеза и филогенеза, с точки зрения интеграции культурных признаков тех социальных общностей, к которым она принадлежит, и тех видовых и генетических характеристик, которые присущи ей как представителю сложной истории вида Homo и истории собственного рода одновременно;

- соединить воедино все этажи организации и уровни детерминации личности пациента (его глубинные бессознательные слои психики и актуальные ценностно-смысловые образования, индивидуально-психологические характеристики, обусловленные генотипом, субъективный социокультурный опыт в его взаимосвязи с общественной деятельностью) при объяснении влияния внешне заданных жизненных условий на систему психических и физиологических характеристик его организма;

- привести в соответствие социальные, медицинские и психологические программы коррекции субъективных и объективных факторов, определяющих

различия в содержании преморбиды, а также в структуре и форме проявления одного и того же заболевания у разных людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев В.А. Психология здоровья / В.А. Ананьев. – СПб.: Речь, 2006. – 248 с.
2. Абушенко В.Л. Образ жизни / В.Л. Абушенко // Социология: энциклопедия. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 650–656.
3. Вайнер Э.Н. Валеология: учеб. для вузов / Э.Н. Вайнер. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 416 с.
4. Возьмитель А.А. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа / А.А. Возьмитель, Г.И. Осадчая // Социологические исследования. – 2009. – № 8. – С.57–64.
5. Ганзен В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – М.: Прогресс, 1990. – С. 100–115.
6. Горчак С.И. К вопросу о дефиниции здорового образа жизни / С.И. Горчак // Здоровый образ жизни: социально-философские и медико-биологические проблемы: сб. науч. статей. – Кишинев: Штиница, 1991. – С. 20–35.
7. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева. – М.: Наука, 2006. – 238 с.
8. Зараковский Г.М. Качество жизни населения России / Г.М. Зараковский. – Москва: Смысл, 2009. – 319 с.
9. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии / Н.А. Логинова // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 103–109.
10. Мартинковский М. Здоровье и здоровый образ жизни в ценностных ориентациях молодежи / М. Мартинковский. – Минск, РБ: Технопринт, 2003. – 275 с.

Поступила в редакцию 20.02.2023 г.

METHODOLOGICAL FEATURES OF "LIFE STYLE" CONSTRUCT IN CLINICAL AND PSYCHOLOGICAL STUDIES

I.N. Nekrasova

In order to overcome the existing interpretative schematism and methodological reductionism, the methodological features of the use of the concept of "lifestyle" in clinical and psychological research are considered. Based on the integration of genetic and functional approaches to understanding the connections in the system "psyche ↔ activity ↔ personality ↔ disease", the structure of the lifestyle as a research construct was formed in the context of the synthesis of behavioral, cognitive and emotional components of the clinical analysis of mental reality. The content-semantic and emotional-dynamic characteristics of the analysis of the subjective model of the patient's lifestyle are highlighted, the content of the main modes of representation of his individual life model is revealed. As the main mechanism of transformation of the pathogenic model of the patient's lifestyle, it is proposed to use the apperceptive mechanism of transformation, its content and features of use are analyzed. A brief overview of the psychodiagnostic techniques recommended for the study of the patient's lifestyle is given. Based on the operationalization of the concept of "lifestyle" from the point of view of the clinical research method, its valid referents are identified. It is proposed to use the system category "meaning" as a structural unit of methodological description.

Key words: apperceptive attitudes, internal picture of the disease, compliance, patient loyalty, lifestyle, image of the world, psychological premorbid, meaning, type of attitude to the disease.

Некрасова Илона Николаевна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: inn1769@mail.ru

Nekrasova Iona Nikolaevna.

Candidate of Psychological Sciences, associate professor.
Donetsk National University.
Associate Professor of Psychology Department.
E-mail: inn1769@mail.ru

УДК 159.96

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЛИЧНОСТИ ПРИ СЛОЖНОСТЯХ С ЗАЧАТИЕМ

© 2023 *Е.В. Новикова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрены основные психологические причины сложностей с зачатием у женщин: личностные особенности, психологическая неготовность к материнству, непреодолимое желание иметь детей, стресс, негативные эмоции, негативные убеждения о зачатии, беременности, родах, детях, материнстве в целом, психологические травмы прошлого, негативный опыт детско-родительских отношений, непринятие женской роли, родовые программы, нарушение отношений с мужчинами вообще (как представителями мужского рода) и мужем в частности, неудовлетворенность сексуальной жизнью, вторичные выгоды жизни без ребёнка, место ребёнка уже занято другими «детьми», неблагоприятная обстановка дома и (или) в социуме, нарушение баланса основных сфер личности. Проанализирована теоретико-методологическая основа современного эффективного метода помощи личности – психокатализа. Психокатализ является одним из эффективных методов проработки психологических блокираторов беременности. Метод позволяет запустить саморегуляцию организма, заложенного в нем природой, и повысить шансы женщины на зачатие, вынашивание и рождение здорового ребёнка.

Разработана программа «Буду мамой», целью которой выступает проработка психологических блоков наступления и вынашивания беременности.

Ключевые слова: сложность с зачатием, бесплодие, бесплодие неясного генеза, идиопатическое бесплодие, психогенное бесплодие, психокатализ, психологическая травма, психика.

Введение. Согласно статистике, около 3-ти современных браков являются «бесплодными». 80 % причин бесплодия лежат намного глубже физического здоровья пары. Когда врачи ставят диагноз «бесплодие неясного генеза» («идиопатическое бесплодие» / «психогенное бесплодие»), т.е. бесплодие, возникающее без видимых медицинских причин, имеющее неизвестную причину, мы можем говорить о том, что ключевым в этом случае выступает психологический фактор, психологические блоки.

Человека невозможно свести лишь к физиологическим проявлениям. Важно учитывать особенности отражения психикой окружающей действительности, особенности её проявления и реагирования.

Эмоциональное состояние личности, образ мыслей (картина мира, мировоззрение), отношения с партнером и миром в целом напрямую влияют на способность зачатия.

Основная часть. Анализ проведенных исследований в сфере психогенного бесплодия позволил нам выделить основные психологические причины сложностей с зачатием у женщин.

Личностные особенности женщины. Среди личностных особенностей, препятствующих наступлению беременности, могут быть: личностная незрелость (поведение по типу маленькой девочки), базовая неуверенность в себе, заниженная самооценка, базовое недоверие миру (отношение к миру по типу «мир опасен», «партнеру доверять нельзя», «люди могут подвести» и т.д.), высокий уровень тревожности, депрессивный тип личности и т.д.

Общая психологическая неготовность женщины к материнству (как правило, проявляется на неосознаваемом уровне). В этом случае женщина может заявлять о своем желании родить ребёнка, и на осознаваемом уровне это так и есть. Однако, на

неосознаваемом уровне, женщина может быть еще не готова к рождению ребёнка. И причины здесь могут быть самые разные: желание пожить для себя, страх взять ответственность за жизнь другого человека, отсутствие любимого мужчины рядом, нерешенность жилищного вопроса и т.д.

Непреодолимое желание иметь детей (сверхмотивация / «зацикленность» на желании иметь детей). С одной стороны, существует «закон Гамперсона» – теория, согласно которой вероятность достижения поставленной задачи имеет обратную зависимость от силы желания: чем сильнее человек чего-то хочет, тем меньше у него шансов это получить. Это явление изучил и описал доктор Гамперсон еще в 1938 году. Согласно его исследованиям, все, что нам нужно прямо сейчас, будет находиться далеко или станет недостижимо вообще. С другой стороны, чрезмерное желание вызывает сверхнапряжение и вызывает стресс всего организма. Когда желание забеременеть превращается в навязчивую идею, женщина начинает контролировать весь физиологический процесс. Интимные отношения с супругом начинают напоминать медицинскую процедуру. В итоге во время интимной близости постоянное эмоциональное напряжение работает против зачатия, т.к. выступает стрессовым фактором. Женское тело начинает сопротивляться процессу зачатия, и беременность не наступает.

Стресс. Стресс повышает выработку кортизола (гормона стресса), что приводит к серьезным нарушениям гормональной системы, и, как следствие, заболеваниям репродуктивной системы. Также стресс вызывает мышечные зажимы в теле, в том числе в тазовой области, мышцах маточных труб. Это может приводить к функциональной непроходимости маточных труб. Сверхнапряжение в тазовой области приводит к напряжению в матке. К тому же в женщину «встроен» такой природный механизм: для выживания вида важнее сохранить взрослую репродуктивно-способную особь. Поэтому, если у женщины есть состояние, угрожающее ее жизни (пусть даже не напрямую), беременность либо не наступает, либо отторгается, происходит выкидыш, замирание беременности.

Негативные эмоции. Негативные эмоции (страхи, обиды, разочарования и пр.) вызывают биохимические изменения во всем организме, в том числе, нарушают гормональное равновесие. Это затрудняет процесс зачатия, а порой делает его невозможным. Страхов, связанных с беременностью и родами, у женщины может быть очень много. Они разнообразны: страх физической боли в родах, страх смерти во время родов, страх рождения больного ребёнка, страх смерти ребёнка в родах, страх физического изменения своего тела, страх потери свободы и независимости после рождения ребёнка и т.д. Как правило, эти страхи мало осознаются женщиной, а порой не осознаются вообще.

Негативные убеждения о зачатии, беременности, родах, детях, материнстве в целом. Негативные программы, убеждения, установки, полученные женщиной в детстве или в любой другой период её жизни, являясь, как правило, неосознаваемыми, могут выступать блокираторами зачатия и рождения ребёнка. Примерами негативных убеждений женщины, которые затрудняют зачатие, могут быть следующие: «дети ограничивают свободу», «после рождения ребёнка женщина должна полностью забыть о себе», «жить надо ради детей», «ребенка можно родить только тогда, когда есть свое жилье», «ребенка нужно рожать от идеального мужчины», «ребенка нужно рожать, достигнув определенного уровня дохода: нельзя плодить нищету», «с детьми никогда не высыпаться», «становясь матерью, женщина перестает следить за собой», «женщина с ребенком на руках никому не нужна», «после родов вернуть красивую фигуру невозможно», «роды – это невыносимо болезненный процесс», «во время родов

можно умереть» и т.д. Негативные убеждения дают телу сигнал: «Опасность!». И этот сигнал блокирует наступление беременности.

Психологические травмы прошлого. Психологическая травма вызывается стрессовой жизненной ситуацией, выходящей за пределы обычного, «нормального человеческого опыта», т.е. ситуацией превышающей адаптационные возможности человека на определенном отрезке его жизни. В результате чего происходят нарушения здорового функционирования психики человека, как правило, на нескольких уровнях: познавательном, эмоционально-волевом, поведенческом, мотивационном. Травматичными для человека могут быть как, например, негативное высказывание в свой адрес, так и смерть кого-то из близких, насилие (психическое, физическое, сексуальное) и т.д. Женщина может «застрять» в психологическом возрасте травмы, жить в состоянии раненого «внутреннего ребенка», живя в хроническом стрессе травмы. И это делает зачатие и рождение ребенка невозможным.

Негативный опыт детско-родительских отношений. Отношения к материнству формируются еще в детстве. Опыт отношений «мать – дочь» сказывается на восприятии женщиной самой себя как женщины в целом и как матери в частности. Он влияет на готовность женщины стать мамой. Очень важно, какой пример материнства показала мама в детстве женщине, какие были отношения между мамой и дочкой (насколько теплые, понимающие, принимающие, любящие, доверительные, добрые...). Если у женщины были проблемные отношения с собственной матерью, если она чувствовала свою ненужность, отвержение, не чувствовала нежности и тепла, то это является фактором, который может блокировать наступление её собственной беременности. Негативный опыт отношений «мать – дочь» несет в себе негативную программу материнства. Эта программа на неосознаваемом уровне не позволяет женщине забеременеть и родить ребёнка.

Непринятие женской роли. Это проявляется в том, что у женщины доминирует мужественность (маскулинность), как психологическая характеристика. Она стремится к эмансипации и, как правило, на неосознаваемом уровне, подавляет мужчин, «кастрируя» их. Такой женщине не хватает исконно женских качеств: мягкости, плавности, принятия и т.д. И именно это не позволяет ей довериться мужчине, зачать и родить ребёнка.

Родовые программы. Вариантов деструктивных родовых программ материнства может быть большое количество: аборт, смерть женщины в родах, смерть ребенка на любом из этапов беременности или в родах, рождение больного ребенка и т.д. Эти сценарии могут передаваться и повторяться из поколения в поколение. Иногда достаточно и одной семейной истории, которая глубоко запала в души женщине. Женщина, неосознанно живя по сценарию поколений, также неосознанно сама себе ставит запрет на рождение ребенка.

Нарушение отношений с мужчинами вообще (как представителями мужского рода) и мужем в частности. Рождение и воспитание детей – это весьма трудоемкий процесс, в котором женщина нуждается в защите. Если же нет доверия партнеру, то идти в беременность страшно. Видя плохие отношения матери и отца, девочка на неосознаваемом уровне запечатлевает негативные программы женско-мужских отношений. В её собственной семье, как правило, тоже много непонимания, неприятия, сор. Это не позволяет ей ощущать себя в безопасности. Ощущение небезопасности с партнером приводит к невозможности довериться ему и родить ребёнка. Если отношения женщины со своим отцом в детстве были конфликтными, она неосознанно переносит этот конфликт в свои супружеские отношения. Натянутые отношения супругов, ссоры вызывают у

женщины сильный стресс. В такой ситуации наблюдается сложность зачатия, т.к. организм защищает себя, он экономит силы и ресурсы на случай ухудшения ситуации. Есть еще более глубокий фактор в таких отношениях. Ребенок наполовину состоит из генетики, энергии матери, наполовину – из генетики, энергии отца. Если женщина не принимает своего мужчину, не уважает его, она не сможет принять будущего ребенка ни эмоционально, ни телесно, это чревато ненаступлением беременности или выкидышами, когда тело, следуя за психикой, отторгает плод. Порой женщина может видеть в супруге образ своего «идеального» отца. И, как следствие, завышать свои ожидания от супруга. Это приводит к неоправданным ожиданиям, разочарованию, обидам, стрессам.

Неудовлетворенность сексуальной жизнью. Если сексуальная жизнь женщину не удовлетворяет, она, осознанно или неосознанно, старается избегать ее. И это напрямую связано с возможностью зачатия ребенка.

Вторичные выгоды жизни без ребёнка. Вторичная выгода предполагает, что в жизни женщины есть что-то более «ценное» от чего она пока не готова отказаться. И это «ценное» входит в конфликт с желанием иметь детей. В случае вторичной выгоды женщина, как правило неосознанно, выбирает более «ценное». Примерами вторичных выгод может быть: «что хочу, то и делаю», «не сижу на месте, люблю много путешествовать», «не надо думать о завтрашнем дне» и т.д.

Место ребёнка уже занято другими «детьми». В этом случае место ребёнка (символично) занимает что-то другое или кто-то другой. Это может быть любимая работа, интересный проект или больные родители, младшие братья или сестры, которые еще не самостоятельные и за которыми нужен уход, инфантильный (психологически незрелый) муж и пр.

Неблагоприятная обстановка дома и (или) в социуме. Здесь речь идет об экономических кризисах, нерешенных квартирных вопросах, финансовом неблагополучии семьи. В этом случае у женщины отсутствует базовая уверенность в своем будущем, и организм откладывает зачатие на «потом», «до лучших времен», будучи ориентированным на выживание «здесь и сейчас».

Нарушение баланса (гармонии) основных сфер. Нарушение баланса начинает проявляться в том, что голова перегружена (мыслями, идеями...), доминирует над телом, женщина излишне все интеллектуализирует. Происходит «отрыв» головы от тела (женщина не чувствует, «не слышит» свое тело, нет связи, контакта со своей телесной частью) [1, 5, 6, 7, 8, 9, 10].

Негативные эмоции человека, его чувства, психологические травмы, напряжения, стрессы отражаются на его теле: страх парализует, стресс «сжигает изнутри» и т.д. Человек может даже физически ощущать свои эмоции, как физическую боль.

Для наступления беременности важно, чтобы произошли изменения во внутреннем мире женщин, в её психике, важно, чтобы были проработаны психологические травмы, негативные эмоции и убеждения, установки, необходимо снизить уровень стресса и сформировать позитивную программу материнства.

Психокатализ является одним из современных эффективных методов работы со сложностями с зачатием.

Психокатализ, авторский психотерапевтический метод А.Ф. Ермошина, официально признанный Профессиональной психотерапевтической лигой с 2001 года.

Психокатализ – это метод регуляции психических процессов и восстановления эффективной саморегуляции организма через погружение внимания человека в телесные и пространственные ощущения, связанные с переживаниями. Психокатализ опирается на присущую человеку способность глубоко осознавать своё состояние и

разумно участвовать в его улучшении решениями своей личности, что помогает процессам самоисцеления организма [2].

На рисунке 1 показаны возможные зоны напряжения человека, переживающего негативные эмоциональные состояния.

Рис. 1. Зоны напряжения в теле человека, переживающего негативные эмоциональные состояния

П.К. Анохин и К.С. Судаков подчеркивают, что именно эмоциональная сфера первая включается в стрессовую реакцию при воздействии негативных жизненных факторов. Вследствие этого активируются вегетативные функциональные системы и их специфическое эндокринное обеспечение, регулирующие поведенческие реакции.

Психокатализ, как психотерапевтический метод, позволяет расформировывать эмоциональные напряжения, которые человек получил в процессе жизни, освободиться от последствий травматического опыта.

В своей основе психокатализ является методом запуска саморегуляции организма человека. В целом, с точки зрения психокатализа мы смотрим на человека как на саморегулирующуюся систему, обладающую достаточными ресурсами. Все, в чем он нуждается, – это помощь в использовании ресурсов [2].

Осознанная саморегуляция или активная регуляция по методу психокатализа обеспечивает быстрый доступ к стихийно сложившимся состояниям через присоединение внимания к ощущениям, связанным с переживаниями.

Психокатализ основан на 3-х базовых наблюдениях:

1. Переживания «сидят» в нашем теле. Например, беспокойство проявляется во лбу, раздраженность – в висках, чувство ответственности – на плечах, злость – в груди, страх – в районе живота.

2. Каждая проблема имеет свою форму и свойства. Во время сеанса пациент описывает свои боли и проблемы как «объемные образования». Например, разочарование – осколки в груди, раздражение в висках – шары из металла, страх – тёмный комок в районе живота. Груз проблем – это мешок на плечах. Эмоциональные травмы – копы и стрелы, которые пронзают сердце.

3. Психокатализ помогает освободиться от последствий травмирования и застойных напряжений быстро и эффективно. При этом пациент говорит о

восстановлении целостности, сбалансированности и наполненности: освобождается голова, становится легко на душе, спадает напряжение в животе.

Сущность и уникальность психокатализа в том, что этот метод обращается к внутренним ощущениям человека, что позволяет регулировать психические процессы не только на уровне интеллекта, но и на уровне вегетативной нервной системы, иммунной системы.

В психотерапии по методу психокатализа вовлекаются в работу основные слои психики человека:

- неопсихика (головной мозг, ум, логически-образное сознание);
- палеопсихика (вегетативная нервная система (ганглионарная НС), телесные ощущения, ощущения внутренних органов, до-образное полевое сознание, которое проявляется в потоках и «предметах», ощущаемых в организме человека;
- протопсихика: уровень иммунной системы, память тканей и клеток.

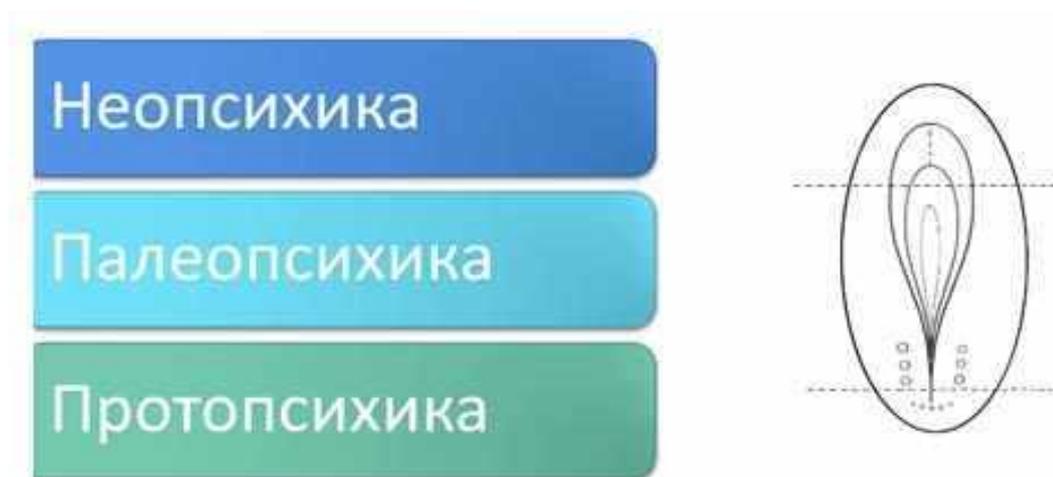

Рис. 2. Уровни психики

Осознание процессов на уровне вегетативной нервной системы дополняет, а не исключает привычное осознание пациентом себя. Сила разума и глубинная мудрость организма действуют вместе в психотерапевтическом процессе.

Задачи, решаемые в психокатализе:

1. Восстановление поврежденной природы (детравматизация) и восстановление нарушенного баланса в природном состоянии (деневротизация) = «медицинская» часть работы, работа с натурой.

2. Помощь в усвоении культуры, знаний, опыта («сопровождение знаний в телесность», «метод тестовых фраз и представлений») = «педагогическая» часть работы, работа с культурой.

3. Помощь в самореализации человека как существа, наделенного уникальной идентичностью и реализующего собственный проект жизни в согласии с велениями «внутреннего Я» и проектами жизни других людей, с учетом знаний, опыта, культуры = «духовная» часть работы, работа с духовным полем.

Психокатализ работает с пространством сознания. Сознание – пространственно организовано с направлениями, по которым формируется опыт по значимым темам: на что надеяться, во что верить, безопасен ли мир, любим ли ты? Векторы сознания в психокатализе: вера сзади, надежда спереди, любовь, поддержка снизу, защита сверху, мудрость внутри. Психотерапевт наблюдает, в каком состоянии находится сознание клиента. Важно, чтобы сознание было в тонусе, чтобы дух был мудрым.

С точки зрения психокатализа, «тело – это контурная карта души»: каждая зона тела является одновременно зоной сознания. В методе подчеркивается связь мышечного напряжения и функционирования психики: эмоциональное напряжение приводит к мышечным напряжениям и зажимам. Переживания человека обнаруживаются в строго определенных частях тела человека. Например: лоб – беспокойство, виски – раздражение, затылок – ответственность, грудь – обида, тревога, злость, тоска, живот, область солнечного сплетения – страх, гнев.

Можно сказать, что в психокатализе терапевт работает с «сознанием тела». «Сознание тела» реализует в себе совокупность «психических предметов» – «хороших», таких как любовь, радость и др., или «плохих», таких как ненависть, страх и др. [2, 3, 4].

Соматопсихотерапевтическая карта ощущений человека, переживающего травму, представлена на рисунке 3.

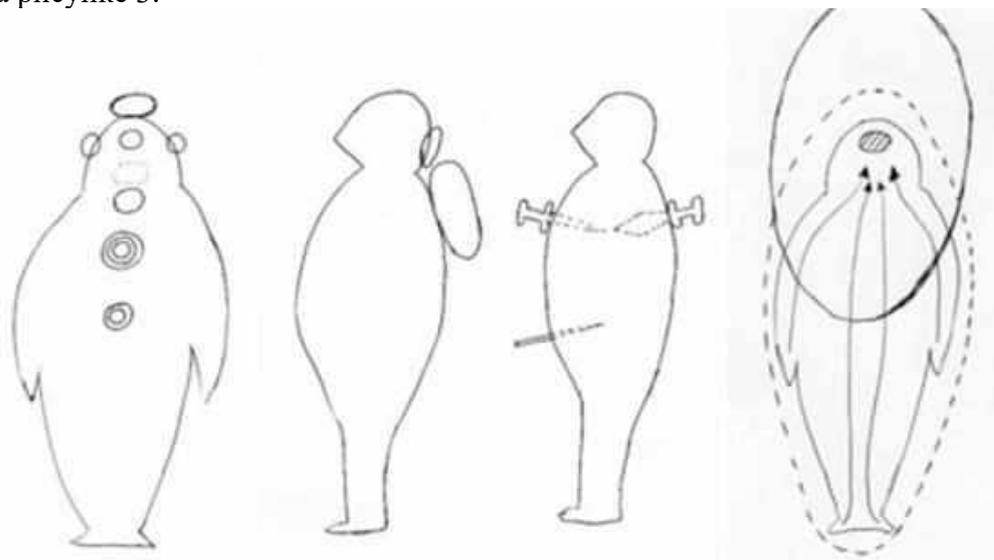

Рис. 3. Соматопсихотерапевтическая карта

С точки зрения психокатализа, психологическая травма представляет собой пораженность человека негативной информацией, которая, будучи для него болезненной, пробивает психологическое поле сознания и запечатлевается в теле участками сверхнапряжения. Эти ощущения сверхнапряжения психики может кодировать в виде негативных внутренних психических образов (нож, ком, камень, плита, топор, клубок и пр.). Например, когда человек говорит: «у меня камень на душе». Психологическое убирание (выведение) из организма этих негативно окрашенных (заряженных) образов приводит к освобождению психической энергии, успокоению нервной системы, психики человека.

Механизм формирования психологической травмы, согласно психокатализу, можно описать формулой: «ФАКТОР – СИГНАЛ – РЕАКЦИЯ». Фактор – это внешние события, травмирующие воздействия на человека (слово, поступок...). Сигнал – это, по сути, впечатление от события травматичного для человека. Этот могут быть фразы другого человека, которые как бы «попадают» в организм и пробивают его в момент уязвимости человека от внешних обстоятельств (в силу возраста, неопытности и т.д.). По ощущениям человека, это впечатление находится внутри как «вещь в теле» (камень, черная точка...). Это первопричина образовавшихся реакций на внешнюю травматизацию. Реакция – реакция организма человека, его психики на травматичный сигнал. Реакция проявляется в виде страхов, напряжения и прочего [2, 3, 4].

А.Ф. Ермошин выделяет следующие виды травм.

Травма разочарования / «обрушение» надежд, привычного уклада жизни (был мир, наступила война).

Травма потери, утраты / травма «отрыва» (что-то уходит из жизни человека: потеря конечностей, переезд, смерть и пр.).

Травма обрушения чувства безопасности, обрушения планов – испуг (потеря равновесия, растерянность в момент «встреч» с какими-то событиями, не вписывающимися в ожидания).

Травма подрыва веры в справедливость мира, доверия людям / травма предательства – чувство обрушившейся веры (веры в отдельного человека или всего человечества).

Травма испуга в момент встречи с травматическим событием жизни.

Травма потери опоры, поддержки.

А.Ф. Ермошин подчеркивает, что травма может быть получена по разным векторам поля сознания человека:

Сверху – вниз (вертикальная ось): вектор «Опасно – Безопасно» (потеря безопасности). Возникает при испуге. Сигнал попадает в живот.

Передне-задняя ось («прошло»): вектор «Надежда, Мечта, Вера» (разочарование, отвержение, оскорбление).

Задне-передняя ось («пробило»): вектор «Доверие» (предательство). Предательство чувствуется как удар.

Низ – «Прошлое» (Родовые истории, социально-родовые истории, чувствительность к прошлому). Это ощущения, связанные с судьбой твоего Рода [2, 3, 4].

Зоны поражения при психологических травмах показаны на рисунке 4.

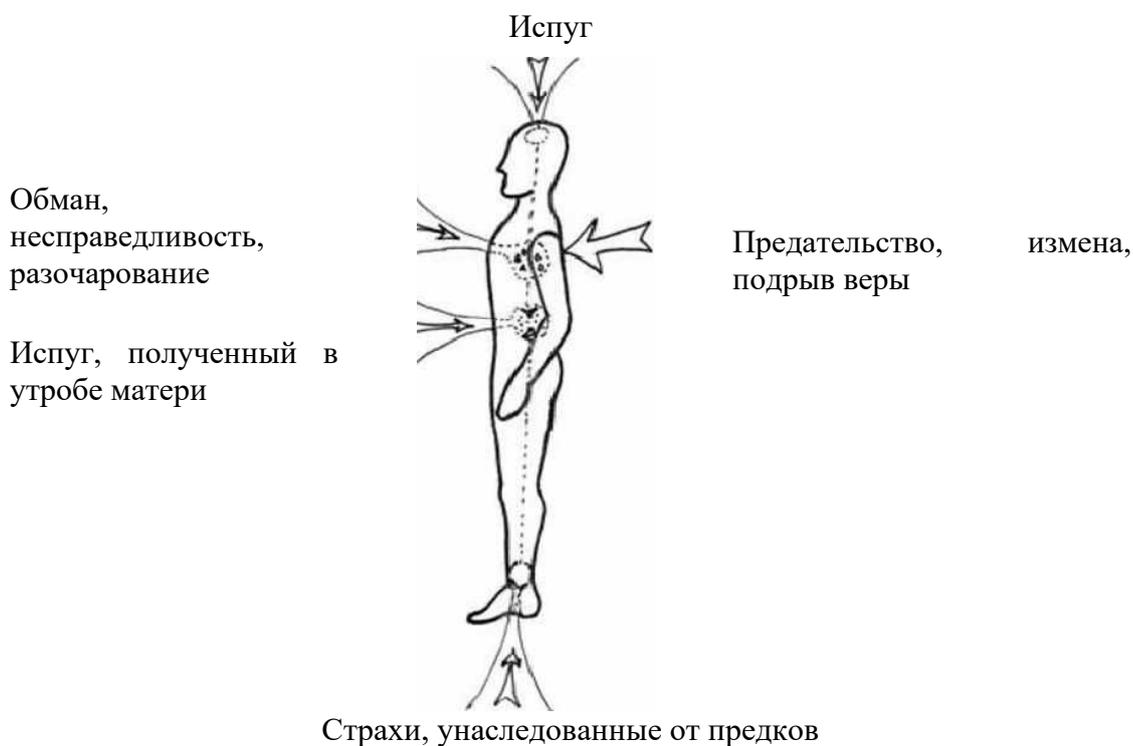

Рис.4.Зоны поражения при психологических травмах

Уровни поражения при психологических травмах показаны на рисунке 5.

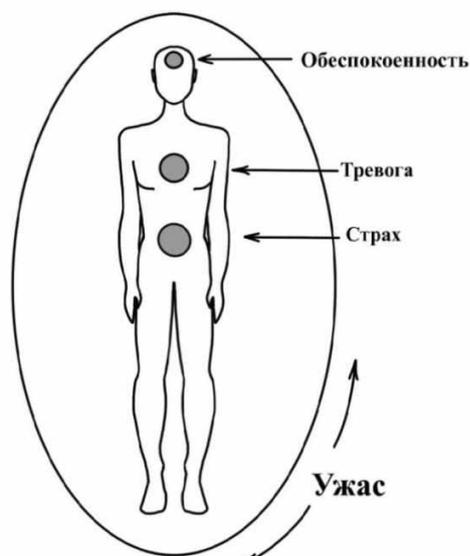

Рис. 5. Уровни поражения при психологических травмах

А.Ф. Ермошин подчеркивает, что «...не так важны обстоятельства человека, важно, как он в них «стоит» [2, с. 44].

Психотерапия по методу психокатализа проходит через осознание телесных ощущений, задаются вопросы о телесных ощущениях, происходит «опредмечивание ощущений». Важнейший вопрос в психокатализе: что человек «испытывает на уровне тела» в результате того, что случилось? Два простых вопроса «Где?» и «Что?» заданные по отношению к переживаниям, приводят к тому, что ... душа выявляет свое тело». Эти вопросы помогают «опредмечиваться» напряжению, существующему на уровне психики [2, с. 12].

Ощущения могут быть на разных уровнях сознания организма. Это показано на рисунке 6.

Рис. 6. Ощущения на уровнях сознания организма

В диагностической фазе отыскивается заряд, расстраивающий сознание пациента, фокусирующий на себе энергию организма. Вопрос, который помогает выйти на этот «заряд»: где ощущение, связанное с тем или иным эпизодом жизни человека. Этот «заряд» (сверхнапряжение) может находиться на уровне головы, груди, живота, ног и т.д. Он может ощущаться как большой или маленький, светлый или темный и т.д.

Относительно психологической травмы важным является вопрос: куда дошел (добыл) сигнал-впечатление, связанный с травматическим событием?

Как правило, стресс, травма запечатлевается в теле человека как ощущение темноты, энергия уходит и остается холод. Достижение пациентом состояния, когда «приятное тепло доходит до кончиков пальцев рук и ног...», считается целительным само по себе оно же является тем фоном, на котором пациент принимает себя, ситуацию и настраивается на успешный выход из трудностей [2, с. 40].

Фаза оценки и принятия решения: служит ли это ощущение (камень и пр.) жизни / помогает ли жить? Продолжать ли это носить в себе или хватит, и пора дать состоянию обновиться? Нормальный ответ: нет, не стоит! Принятое решение очень существенно. Вслед за ним наступает собственно успокоение.

Решающим моментом считается промежуточная фаза: решения личности пациента по поводу стихийно сложившихся компонентов его состояния с последующим наблюдением за обновлением его [2, 3, 4].

Фактически психокатализ предлагает пациенту «задуматься» как распределены в теле его ощущения, относительно проблемы, есть ли что-то, что сбивает оптимальное распределение ощущений в организме, чего не хватает, чтобы чувствовать себя хорошо.

В психокатализе для пациента важно наблюдать, что происходит с его внутренними ощущениями, осознанно относиться к ним. Пациенты присоединяются к своим телесным ощущениям, впадают в своеобразный транс и проходят серию трансформаций. «Камни переживаний» могут обнаруживаться и распадаться, ощущения могут двигаться активно из одной зоны тела (переполненной) в другую (обездоленную), могут формироваться совершенно новые, оптимальные контуры ощущений [2, с. 40].

Инструментом проработки психологических травм личности в психокатализе выступают специально разработанные А.Ф. Ермошиным алгоритмы.

Общий алгоритм психотерапевтической работы по методу психокатализа включает в себя 5 основных фаз:

1. Диагностика. Где негативные ощущения? Что это собой напоминает?
2. Принятие решения: служит ли жизни?
3. Психотерапия. Очищение тела от сверхнапряжения, негатива, стрессов, страхов и пр., обновление, уравнивание психоэнергетического баланса в организме.
4. Освоение знаний. Приглашение знаний, мудрости, ресурсов в организм.
5. Моделирование нового опыта [2, 3, 4].

Психологическая проработка вопроса сложностей с зачатием может быть реализована благодаря нашей авторской программе «Буду мамой». Программа включает в себя 9 основных модулей.

Модуль 1. Диагностика психологических причин бесплодия, мотивации рождения ребёнка.

Модуль 2. Работа с перинатальными потерями (при необходимости).

Модуль 3. Психосоматика женского здоровья.

Модуль 4. Работа с негативными эмоциями (страх, обида, вина, стрессовые состояния и пр.). Проработка страхов материнства. Снижение уровня стресса и наполнение ресурсами.

Модуль 5. Работа с деструктивными установками (убеждения).

Модуль 6. Психологические травмы прошлого. Травма детско-родительских отношений.

Модуль 7. Работа с Родом, семейными историями.

Модуль 8. Гармонизация отношения в пространстве пары.

Модуль 9. Позитивная программа материнства.

Заключение. Нами были выделены основные психологические причины сложностей с зачатием у женщин: личностные особенности, психологическая неготовность женщины к материнству, непреодолимое желание иметь детей (сверхмотивация), стресс, негативные эмоции (страхи, обиды, разочарования и пр.), негативные убеждения о зачатии, беременности, родах, детях, материнстве в целом, психологические травмы прошлого, негативный опыт детско-родительских отношений, неприятие женской роли, родовые программы, нарушение отношений с мужчинами вообще (как представителями мужского рода) и мужем в частности, неудовлетворенность сексуальной жизнью, вторичные выгоды жизни без ребёнка, место ребёнка уже занято другими «детьми», неблагоприятная обстановка дома и (или) в социуме, нарушение баланса основных сфер личности.

Для наступления беременности важна проработка психологических блокираторов беременности. Психокатализ является одним из эффективных методов проработки психологических блокираторов беременности. Метод позволяет запустить саморегуляцию организма и повысить шансы женщины на зачатие, вынашивание и рождение здорового ребёнка.

Была разработана программа «Буду мамой», целью которой выступает проработка психологических блоков наступления и вынашивания беременности. Программа включает в себя 9 шагов проработки основных психологических причин сложностей с зачатием у женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добряков И.В. Перинатальная психология / И.В. Добряков. – СПб.: Питер, 2010. – 234 с.
2. Ермошин А.Ф. Загадочный синдром: панические атаки и как их лечить / А.Ф. Ермошин. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2017. – 352 с.
3. Ермошин А.Ф. Вещи в теле. Психотерапевтический метод работы с ощущениями. / А.Ф. Ермошин. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2017. – 272 с.
4. Ермошин А.Ф. Фобии, утраты, разочарования: как исцелиться от психологических травм / А.Ф. Ермошин. – М.: Неолит, 2017. – 224 с.
5. Кавер О.Д. Ты будешь мамой! / О.Д. Кавер. – СПб.: Весь, 2021. – 384 с.
6. Кавер О.Д. Хочу ребенка: как быть, когда малыш не торопится? / О.Д. Кавер. – СПб.: Весь, 2020. – 240 с.
7. Маркова Н.Д. Ошибка аиста / Н.Д. Маркова. – СПб.: Весь, 2020. – 192 с.
8. Семина И.К. Как мамочка за чудом ходила / И.К. Семина. – СПб.: Речь, 2015. – 107 с.
9. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие / Г.Г. Филиппова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.
10. Фоменко Ю.Г. Психологические проблемы женского бесплодия в контексте личностных противоречий (экзистенциальные аспекты) / Ю.Г. Фоменко // Человек. Общество. Управление. – 2008. – № 4. – С. 17–29.

Поступила в редакцию 17.02.2023 г.

PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO PERSON WITH IMPREGNATION DIFFICULTIES

E.V. Novikova

The article addresses the main psychological causes of difficulties concerning women's impregnation, among which are personality traits, psychological unpreparedness for motherhood, an irresistible desire to have children (overmotivation), stress, negative emotions (fear, resentment, disappointment, etc.), negative beliefs about impregnation, pregnancy, childbirth, children, motherhood in general, psychological trauma of the past, negative experience of child-parent relationships, rejection of the female role, birth programmes, violation of relations with men in general (as representatives of the masculine gender) and the husband in particular, dissatisfaction with sexual life, secondary benefits of childfree life, the place of the child is already occupied by other "children", unfavorable situation at home and (or) in society, imbalance in the personality main areas.

The importance of working out psychological blockers for the pregnancy onset is pointed out. The theoretical and methodological basis of psychocatalysis as a modern effective method of helping a person is analyzed. Psychocatalysis is treated as one of the effective methods of working out psychological blockers of pregnancy. The method allows starting body self-regulation, inherent in it by nature, increasing woman's chances to conceive, bear and give birth to a healthy child.

The program "I will be a mother" has been developed, aimed at working out the psychological blocks of pregnancy onset and gestation. The program includes 9 steps to work out the main psychological causes of difficulties with impregnation.

Key words: difficulty of impregnation, infertility, infertility of unknown origin, idiopathic infertility, psychogenic infertility, psychocatalysis.

Новикова Елена Владимировна.

Кандидат психологических наук.

Доцент кафедры психологии.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: novikova80@mail.ru

Novikova Elena Vladimirovna.

Candidate of Psychology.

Associate Professor of Psychology Department.

Donetsk National University.

E-mail: novikova80@mail.ru

УДК 159.923

ДИНАМИКА ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

© 2023 С.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена изучению динамики временной перспективы личности. Показана актуальность заявленной проблематики в контексте сложных и нестабильных военно-политических условий жизни. Раскрыта сущность феномена временной перспективы в современной психологии, преимущественно понимаемого как система представлений личности о своем психологическом прошлом и будущем времени, существующем в конкретный момент времени. Рассмотрены и проанализированы основные подходы к изучению временной перспективы в отечественной и зарубежной психологии. Выделены три аспекта временной перспективы, традиционно рассматриваемые как взаимосвязанные друг с другом: прошлое, настоящее и будущее. Изучение особенностей временной перспективы проведено с использованием современных психодиагностических методов. Представлен анализ результатов эмпирического исследования особенностей и динамики временной перспективы в условиях нестабильной военно-политической ситуации.

Ключевые слова: нестабильная ситуация, временная перспектива личности, динамика временной перспективы, негативное прошлое, гедонистическое настоящее, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, будущее.

Введение. Нестабильность, неопределенность окружающей обстановки для человека, как правило, выступает одним из стрессообразующих факторов. Сама по себе неопределенность обстановки предполагает затруднение работы сенсорных систем (неопределенность физической среды), усложняет обработку информации на когнитивном уровне, может вносить путаницу в коммуникацию ввиду неоднозначности поступающей информации, ее недостатка или избытка (неопределенность социально-психологической среды). На протяжении девяти лет жители Донецкой Народной Республики находились к крайне неопределенной ситуации. И если с 30 сентября 2022 г. вопрос политической неопределенности, как бы «подвешенности», для жителей Республики был снят, то военная обстановка остается крайне нестабильной и по сей день. Мы можем предположить, что пережитые этапы относительного затишья и интенсивные обстрелы, лавина разнообразнейшей, во многом противоречивой и травмирующей информации, накапливающиеся бытовые, материальные и социальные неразрешенные проблемы будут сказываться на особенностях временной перспективы личности. Особенно интересным становится изучение данного феномена на протяжении некоторого времени, в течение которого произошли значимые военно-политические изменения, и возрос уровень, по крайней мере, политической стабильности. Вышесказанное обусловило выделение динамики временной перспективы в условиях нестабильной военно-политической ситуации в качестве предмета исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Основная часть. Изучение феномена временной перспективы традиционно связывают с именем Л. Франка. Исследователь применял его для обозначения взаимосвязи и взаимообуславливания настоящего, прошлого и будущего в сознании и поведении субъекта. Под временной перспективой понимается система представлений личности о своём психологическом прошлом и психологическом будущем, существующих в конкретный момент времени. Такой способ восприятия мира отражается в наших интерпретациях настоящего, прошлого и будущего. Автор

подчеркивает влияние социума и окружающей обстановки, что находит отражение и в наших предположениях [2, 7].

К изучению проблематики временной перспективы в разное время обращались такие исследователи, как Ж. Нюттен, К. Левин, Ф. Зимбардо, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Д.А. Леонтьев и др. Как считает К. Левин, временная перспектива включает прошлое и будущее, идеальный и реальный план жизни в план конкретного момента. Данный феномен, на его взгляд, включает в себя изучение личности во временном контексте. Ж. Нюттен представляет мотивационный подход к анализу заявленной проблемы. Временная перспектива личности им понимается как временное измерение поведенческого мира, описывающее способность человека ставить и осуществлять отдаленные во времени цели. Временная перспектива или, другими словами, перспектива будущего, представляется автору как пространство формирования когнитивно переработанной мотивации деятельности человека. Будущее Ж. Нюттен представляет как «пространство мотивации» [7, 8, 9]. Временная перспектива с точки зрения Ф. Зимбардо, – это часто неосознанное отношение человека ко времени. При этом временная перспектива – это и процесс, с помощью которого течение жизни интегрируется в категории времени, что придает ей смысл, структурирует и систематизирует ее. Анализируя феномен временной перспективы, автор выделяет ряд ее аспектов: негативное прошлое, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, гедонистическое настоящее, будущее. Указанные компоненты являются независимыми друг от друга [6]. Проблемы изучения временной перспективы фигурируют также в работах Е.И. Головахи и А.А. Кроника [4]. Авторы анализировали субъективное чувство возраста человека с точки зрения событийного подхода. У каждого человека данное чувство может быть представлено в разной степени. Чувство возраста рассматривалось с точки зрения субъективной наполненности событиями. Так, когда большинство воспоминаний человека связаны с прошедшими событиями, он живет в основном прошлым, в отношении своего возраста он будет ощущать себя более молодым. В случае же ориентированности человека в будущее, его психологический возраст будет увеличиваться. При этом между событиями устанавливаются связи, которые могут характеризовать человека в целом или же отдельный временной локус. Феномену временной перспективы уделяет внимание и К.А. Абульханова-Славская. Временной перспективой она называет способность чувственно-деятельного освоения человеком времени. Данная способность связана с тем, что субъект прогнозирует, как предвосхищает и организует события, рассматривая их с точки зрения будущего. Во временной перспективе, по ее мнению, отражается взаимосвязь ретроспективных и перспективных моментов индивидуального бытия, особенности «сквозного видения» из настоящего в прошлое и будущее [1, 3, 5, 10].

Теоретический анализ проблемы временной перспективы личности в современной психологии позволяет нам выделить ее наиболее общую структуру. Это три временных локуса: прошлое, настоящее и будущее. Традиционно она рассматриваются как взаимообуславливающие друг друга. Указанные временные локусы оказывают влияние на развитие личности в каждый текущий момент ее жизни [2, 7, 10].

Мы предполагаем, что нынешняя нестабильная военно-политическая ситуация одновременно будет находить свое отражение как в специфике, так и в динамике временной перспективы личности. Это обусловило выделение цели данного исследования, которой стала изучение динамики временной перспективы в условиях нестабильной военно-политической ситуации.

Выборку исследования составили 202 студента 2-3 курсов, осваивающих программу бакалавриата/специалитета по отдельным направлениям ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк. Среди них 93 психолога, 35 специалистов в сфере психологии служебной деятельности, 74 филолога (профиль: Зарубежная филология) и лингвиста (профиль: Перевод и переводоведение). Исследование проводилось на протяжении 2019-2023 гг. В данной работе представлены результаты сопоставления данных, полученных в 2019 и 2023 годах соответственно. Изучение особенностей временной перспективы проводилось с использованием методики изучения временной перспективы Ф. Зимбардо и методики «Семантический дифференциал времени» Л.И. Вассермана, Е.А. Трифионовой, К.Р. Червинской. Опросник Ф. Зимбардо позволяет диагностировать ряд факторов: восприятие негативного прошлого (НП), восприятие гедонистического настоящего (ГН), ориентацию на будущее (Б), восприятие позитивного прошлого (ПП) и восприятие фаталистического настоящего (ФН). Семантический дифференциал времени дает возможность выявить когнитивный и эмоциональный аспекты субъективного восприятия времени. В методике реализован психосемантический подход, предполагающий субъективное оценивание своего восприятия времени по нескольким факторам: активность времени, эмоциональная окраска времени, величина времени, структура времени и осязаемость времени. Ценным является шкалирование данных показателей применительно к прошедшему времени, настоящему и будущему, что позволяет уточнить особенности восприятия субъектом временной перспективы.

Полученные данные затем обрабатывались с помощью как первичной статистики, так и непараметрического критерия Т-Вилкоксона. Забегая вперед, отметим, что указанный критерий не показал значимых различий между показателями, полученными в разные годы. Поэтому на настоящий момент мы можем говорить лишь о намечающихся тенденциях к изменению восприятия временной перспективы, основываясь на данных первичной статистики.

Остановимся на наиболее значимых результатах исследования.

Особенности временной перспективы студентов, выявленные с помощью методики Ф. Зимбардо, представлены в Табл. 1 и на Рис.1.

Таблица 1.
Результаты обследования с применением методики изучения временной перспективы Ф. Зимбардо

	Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Будущее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
ФИЯ 2019	3,14	3,62	3,58	3,54	2,77
ФИЯ 2023	2,93	3,33	3,24	3,22	2,42
ПСД 2019	2,98	3,61	3,61	3,35	2,63
ПСД 2023	2,23	3,12	3,37	3,09	2,37
Психология 2019	2,93	3,49	3,40	3,49	2,78
Психология 2023	2,78	3,09	3,29	3,16	2,57

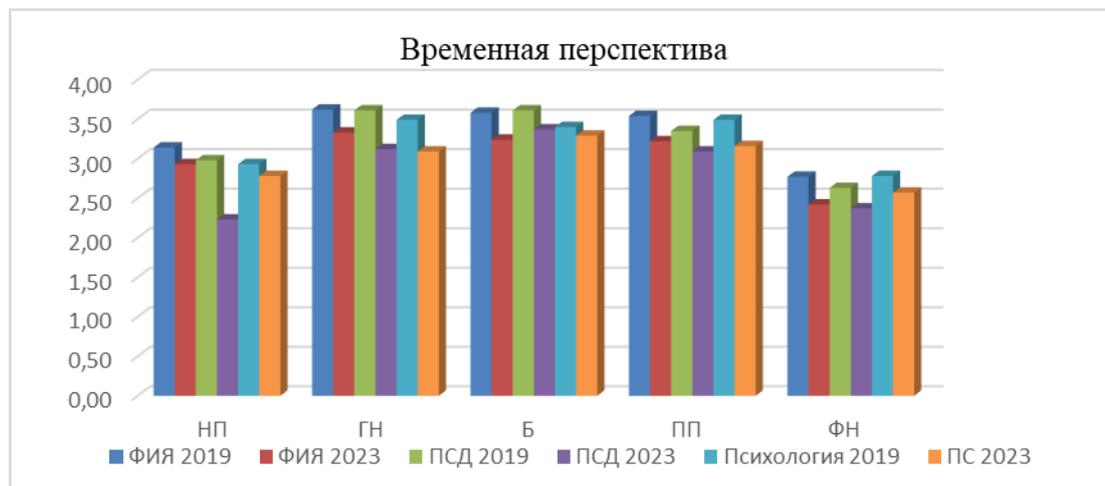

Рис.1. Особенности временной перспективы студентов, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо

В сравнении с результатами прошлых лет (см. Рис. 1, а также по [10]), мы можем видеть некоторое снижение практически всех показателей временной перспективы. Данное снижение не является статистически значимым, по результатам применения Т-критерия Вилкоксона, однако позволяет говорить о некоторых общих тенденциях. В целом графики временной перспективы студентов, вне зависимости от направления подготовки/специальности, показывают сходную картину. Так, находясь в пределах средних, показатели гедонистического настоящего, будущего и позитивного прошлого несколько превышают аналогичные данные по показателям фаталистического настоящего и негативного прошлого. Отмечается общая тенденция, включающая наличие у обследуемых выраженных целей и планов на будущее; достаточный уровень принятия собственного прошлого, при котором любой опыт рассматривается как способствующий развитию и приведший к нынешнему состоянию; восприятие настоящего с гедонистической позиции, позиции удовольствия. Последняя тенденция несколько тревожит, поскольку при таком восприятии личностью настоящего оно видится оторванным от прошлого и будущего. Возможно, такой взгляд как раз обусловлен нынешней нестабильной обстановкой и отражает стремление человека жить «здесь и теперь», наслаждаться настоящим моментом, ценить его неповторимость. При этом показатели по указанным шкалам не выходят за пределы средне-высоких. Что же касается оставшихся шкал, то по ним результаты, также оставаясь в пределах средних, несколько ниже. Обследуемые преимущественно не склонны воспринимать свое настоящее фаталистически, изначально предопределенным. Напротив, данное время видится в значительной степени зависящим от воли субъекта. Прошлое же рассматривается с позиции принятия и в целом положительного отношения к пережитым моментам жизни.

При общей близкой картине результатов, необходимо отметить и некоторые отличия. Так, у студентов-филологов и лингвистов в целом более высокие показатели, нежели у психологов и специалистов в сфере психологии служебной деятельности. При этом у последней указанной категории лиц показатели в целом также несколько выше, чем у психологов широкого профиля подготовки. Поскольку все данные находятся в пределах средних значений, а также отсутствуют статистически значимые различия по результатам между группами обследуемых (все различия находятся в пределах менее 1 балла), мы можем считать данные отличия несущественными.

Перейдем к результатам применения методики семантического дифференциала времени Л.И. Вассермана, Е.А. Трифионовой, К.Р. Червинской, представленным в Табл. 2 и на Рис. 2.

Таблица 2.

Результаты обследования с применением методики семантического дифференциала времени
Л.И. Вассермана, Е.А. Трифионовой и К.Р. Червинской

	Настоящее					Прошедшее					Будущее				
	А В	ЭВ	ВВ	СВ	ОВ	АВ	ЭВ	ВВ	СВ	ОВ	АВ	ЭВ	ВВ	СВ	ОВ
ФИ Я 2019	9,64	7,24	6,45	4,08	8,32	9,78	9,64	9,93	7,03	9,41	9,28	12,73	9,64	8,88	9,02
ФИ Я 2023	9,42	7,02	6,42	3,98	8,11	9,53	9,6	9,74	6,84	9,32	9,24	12,24	9,52	8,23	8,76
ПС Д 2019	8,56	7,04	6,32	4,02	8,26	9,74	9,58	9,86	6,94	9,34	9,22	12,46	9,52	8,74	8,94
ПС Д 2023	6,33	5,33	4,67	3,33	6	7,33	7,33	7	5,33	7	7,67	8,33	7,33	6	7,33
ПС 2019	4,52	2,86	4,02	3,64	3,82	4,56	6,86	5,44	4,02	4,02	6,14	9,72	8,96	5,94	6,02
ПС 2023	3,81	2,21	3,56	2,37	3,42	4,91	6,51	5,32	2,25	3,81	5,23	8,91	8,63	5,53	5,25

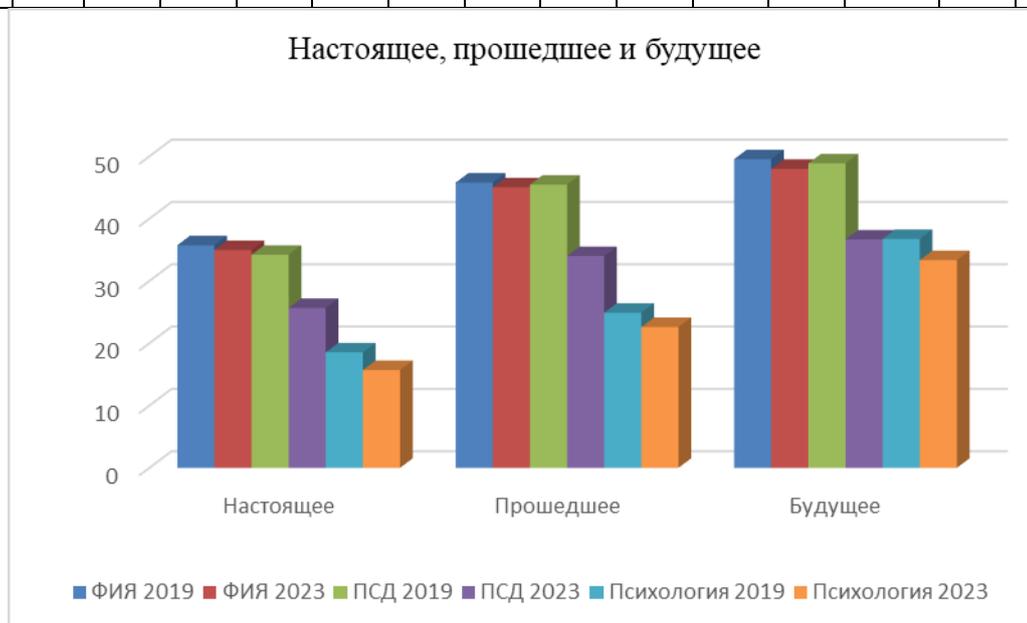

Рис.2. Субъективное оценивание времени студентами по результатам методики семантического дифференциала времени

При сохранении уже обозначенной тенденции к снижению показателей (см. сопоставление 2019 и 2023 гг.), данный график показывает ряд особенностей

восприятия прошлого, настоящего и будущего студентами разных направлений подготовки в динамике.

Так, показатели восприятия настоящего времени у студентов-филологов, лингвистов (2019 и 2023 гг.) и специалистов в области психологии служебной деятельности (2019 г.) находятся в пределах средне-высоких, показатели же остальных групп обследуемых существенно ниже, особенно это касается студентов-психологов. Если же обратимся к отдельным факторам восприятия настоящего времени, получим следующую картину. Низкие результаты по фактору структуры времени могут характеризовать восприятие студентами настоящего времени как непонятного, неритмичного, прерывистого и необратимого. В сравнении с данным фактором, результаты по факторам ощущения времени и активности времени существенно выше. Это может свидетельствовать о том, что настоящее время воспринимается обследуемыми реалистичным, открытым и близким; при этом указанный аспект временной перспективы характеризуется напряженностью, активностью, плотностью, стремительностью и изменчивостью времени. Показатели по факторам эмоциональной окраски времени и величины времени получили средние значения. Отмечается некоторая тревожность, печаль и относительно пессимистическое отношение к настоящему времени. На наш взгляд, описанное представление студентов о своем настоящем может быть отражением и следствием нынешней нестабильной военной обстановки.

Показатели восприятия обследуемыми прошедшего времени существенно выше; общая же тенденция распределения результатов по группам студентов аналогична рассмотренной выше: самые высокие показатели у филологов и лингвистов (2019 и 2023 гг.) и психологов служебной деятельности (2019 г.); у остальных групп – ниже. Анализируя отдельные факторы восприятия времени, отметим следующее. Фактор структуры времени, оставаясь достаточно выраженным, набрал меньше всего баллов по сравнению с другими факторами. Соответственно, как и настоящее время, свое прошлое студенты в целом склонны воспринимать как малопонятное, прерывистое, необратимое и неритмичное. На наш взгляд, это вполне может быть обусловлено нестабильностью и непредсказуемостью не только нынешней, но и имеющей место быть ранее военной обстановки. Показатели же по остальным факторам более высоки и примерно находятся на одном уровне. Это позволяет говорить о восприятии студентами прошедшего времени как достаточно напряженного, плотного, активного, стремительного и изменчивого. При этом интересно, что прошлое расценивается преимущественно достаточно оптимистично, как светлое, пёстрое и яркое. Здесь представляется необходимым уточнить, что, в данном случае, под прошлым подразумевалось время до начала военных действий в 2014 г. (выявлено посредством беседы в ходе обследования). Довольно высокие показатели фактора величины времени позволяют характеризовать его как длительное, широкое, глубокое, объемное. Наконец, прошедшее время преимущественно воспринимается студентами как реальное, близкое и открытое.

Обратимся к анализу восприятия студентами будущего времени. Это максимальные данные, полученные в сравнении с оценкой настоящего и прошедшего времени, соответствуют высоким показателям. Также это служит подтверждением результатов, полученных нами с помощью методики оценки временной перспективы Ф. Зимбардо, описанных выше. Устремленность в будущее, наличие целей и планов, позитивное восприятие и высокая значимость будущего характеризуют практически

всех обследуемых. При этом данная тенденция традиционно более выражена у студентов-лингвистов и филологов (2019 и 2023 гг.), а также у будущих специалистов в сфере психологии служебной деятельности (2019 г.). При оценке будущего времени максимально выраженными стали показатели эмоциональной окраски. Согласно полученным данным, будущее время расценивается обследуемыми как преимущественно яркое, радостное, светлое и спокойное. В этом находит свое отражение оптимистичный настрой и надежда на преодоление негативных переживаний. На наш взгляд, это может свидетельствовать о высокой поведенческой активности и мотивации жизнедеятельности студентов. Остальные же показатели факторов восприятия будущего времени также достаточно высоки, хотя и несколько ниже, чем фактор эмоциональной окраски. Так, данные по фактору активности свидетельствуют о восприятии студентами своего будущего как преимущественно стремительного, активного, насыщенного событиями. Субъективное переживание величины будущего времени характеризует последнее как длительное, объемное, широкое и глубокое. Будущее выступает как достаточно реальное и близкое, о чем можно судить по показателям фактора осязаемости времени. Наконец, фактор структуры времени позволяет нам говорить о том, что у обследуемых имеются достаточно определенные планы в отношении будущего. Последнее, несомненно, внушает оптимизм и позволяет косвенно говорить о серьезном общем мотивационном потенциале и положительном эмоциональном настрое на будущее.

Заключение. Результаты исследования позволяют нам отметить следующее. Временная перспектива рассматривается в психологии как система представлений человека о своём психологическом прошлом и психологическом будущем, существующих в данный момент времени. Традиционно выделяют прошлое, настоящее и будущее в качестве основных взаимосвязанных структурных компонентов временной перспективы. Динамика временной перспективы студентов в условиях нестабильной военно-политической ситуации обнаруживает общую тенденцию к снижению показателей. Существенных различий в оценке временной перспективы студентами разных направлений подготовки и в разные годы не выявлено. Однако отмечены в целом несколько более высокие показатели у студентов-филологов и лингвистов (2019-2023 гг.), а также специалистов в области психологии служебной деятельности (2019 г.). Настоящее и прошедшее время преимущественно оценивается студентами как во многом непонятное, неритмичное, прерывистое и необратимое. При этом настоящее время характеризуется напряженностью, активностью, плотностью, стремительностью и изменчивостью времени; воспринимается как реалистичное, открытое и близкое. Следует отметить наличие у студентов целей и планов, устремленность в будущее, его позитивное восприятие и высокую значимость. Характеризуя восприятие будущего студентами, можно говорить о наличии у них надежды на преодоление негативных переживаний, положительном эмоциональном настрое, высокой поведенческой активности и мотивации жизнедеятельности.

Полученные нами результаты носят предварительный характер. Перспективой дальнейшей работы в данном направлении является усовершенствование теоретико-методологической базы, существенное увеличение выборки обследуемых и охват большего количества временных промежутков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – Москва: Мысль, 1991. – 299 с.

2. Андреева Г.М. Психология социального познания / Г.М. Андреева // 3-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Аспект Пресс, 2009. – 303 с.
3. Болотова А.К. Человек и время в познании, деятельности, общении / А.К. Болотова. – Москва: Изд. Дом ВШЭ, 2007. – 283 с.
4. Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Смысл, 2008. – 267 с.
5. Гринева О.А. Исследования временной перспективы и транспективы в психологии / О.А. Гринева // Седьмая волна психологии. – 2010. – Вып. 1. – С. 152–156.
6. Зимбардо Ф. Парадокс времени: новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. – Москва: Речь, 2010. – 352 с.
7. Купчигина И.М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях / И.М. Купчигина, К.М. Недбаева // Молодой ученый. – 2017. – № 48. – С. 156–158.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев // 2-е, исправленное издание. – Москва: Смысл, 2003. – 487 с.
9. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен, под ред. Д.А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2004. – 608 с.
10. Руденко С.В. Особенности временной перспективы студенческой молодежи в контексте социальной идентичности / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 1. – С. 89–95.

Поступила в редакцию 14.02.2023 г.

DYNAMICS OF TIME PERSPECTIVE IN UNSTABLE MILITARY AND POLITICAL SITUATION

S.V. Rudenko

This article deals with the study of individual's time perspective dynamics. Addressing the stated problems in complex and unstable military and political conditions of life is relevant. The time perspective phenomenon essence in modern psychology is revealed, which is treated as a system of person's ideas about his or her psychological past and future at a particular moment of time. The main approaches to the study of time perspective in domestic and foreign psychology are considered and analyzed. Three aspects of time perspective, i.e. the past, the present and the future, traditionally considered as interconnected with each other, are singled out. Modern psychodiagnostic methods have been applied to investigate the time perspective features. The results of the empirical study of time perspective features and dynamics in an unstable military and political situation are presented.

Key words: unstable situation, personality temporal perspective, temporal perspective dynamics, negative past, hedonistic present, positive past, fatalistic present, future.

Руденко Светлана Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

Rudenko Svetlana Viktorovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of Psychology.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

УДК 159.96

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВИНЫ И СТЫДА

© 2023 Ю.Н. Фархутдинова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы основные авторские подходы к детерминантам формирования вины и стыда в онтогенезе личности в рамках отечественной и зарубежной психологии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью более структурированного описания психогенеза вины и стыда, влияния сформированных чувств вины и стыда на самосознание, самооценку, поведение личности, взаимоотношения с другими людьми. Показано, что актуальным направлением является четкая дифференциация вины и стыда с одной стороны, и более углубленное выявление их взаимосвязей – с другой. В работе описаны результаты эмпирического исследования детекции взаимосвязей вины и стыда, анализ влияния родительских установок на формирование деструктивного переживания субъектами чувств вины и стыда. Сделаны выводы о роли родительских установок на формирование фрустрирующего чувства вины и чувства стыда.

Ключевые слова: стыд, вина, психогенез стыда и вины, родительские установки.

Введение. Вина и стыд являются неотъемлемой частью жизни человека. Известно, что формирование способности у субъекта переживать стыд и вину обусловлено его включенностью в социальное взаимодействие. Данные феномены обладают уникальными мотивационными и эмпирическими характеристиками, имеющими значение, как для индивида, так и для социума в целом. Следует также учитывать изменения общества на различных исторических этапах, что влечет за собой реформы в подходах к изучению природы вины и стыда, формированию новых концепций. И пока существует и изменяется общество, а вина и стыд выступают индикаторами социального контроля, данная тема будет актуальна.

В зарубежной психологии генезису вины и стыда уделялось достаточно много внимания в рамках психоанализа (А. Адлер, М. Кляйн, Э. Нойман, В. Райх, Ф. Тайсон, Р. Тайсон, А. Фрейд, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон, К. Г. Юнг, М. Якоби), экзистенциального подхода (Р. Мэй, В. Франкл, И. Ялом,), гештальт-терапии (П. Вейс, Б. Мюллер, Ф. Перлз, Л. Перлз, Р. Поттер-Эфрон, Э. Шапиро), а также в работах Э. Берна, Э. Изарда, Дж.П. Тангнее и др. В отечественной психологии феномены вины и стыда исследовали ученые П.С. Гуревич, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, Г.Г. Матюшин, В.И. Мясичев, Ю.М. Орлов, С.Л. Рубинштейн, В.Г. Щур и др.

Однако, несмотря на широкий охват исследователями данной темы, остается еще много спорных вопросов. Например, теоретический и практический интерес вызывает необходимость более структурированного описания психогенеза вины и стыда, акцентирования внимания на позитивном значении данных переживаний, а также на границе, когда феномены приобретают иррациональный характер и становятся проблемой личности, негативно влияющей на ее самосознание, самооценку, поведение, взаимоотношения с другими людьми.

Основное содержание исследования. Объектом нашего исследования явились стыд и вина как психологические феномены. Предметом – психологические особенности вины и стыда. Цель исследования заключалась в теоретическом и эмпирическом изучении психологических особенностей вины и стыда. Также были сформулированы гипотезы исследования. Согласно основной гипотезе исследования,

главным фактором иррациональных переживаний чувства вины и стыда является интернализация деструктивных родительских установок, запретов и интервенций в процессе онтогенеза личности. Согласно статистической гипотезе, показатели по шкалам стыда и вины будут идентичны: высокий показатель по шкале стыда предполагает наличие у личности высоких показателей по шкале вины и наоборот.

Вина и стыд являются социальными эмоциями, которые выступают регуляторами поведения индивида. Это есть механизмы адаптации и социализации, способствующие приспособлению личности к условиям общественной жизни.

По мнению отечественных исследований вина играет ключевую роль в процессе развития личностной и социальной ответственности (И.А. Белик, О.С. Васильева, Е.П. Ильин, Е.В. Короткова, А. Кемпинский). Так, И.А. Белик констатирует, что вина есть комплексное образование, которое включает в себя эмоциональную, когнитивную, мотивационную и психосоматическую составляющие. А. Кемпинский рассматривает вину как наказание за нарушение системы моральных ценностей человека. Продолжая данную точку зрения, О.С. Васильева и Е.В. Короткова считают личностной чертой переживание вины, которое тесно связано с эмоциональной лабильностью, чувствительностью, склонностью к эмпатии и способностью к самоуправлению [2, с. 28].

В рамках отечественных исследований феномен стыда рассматривается в контексте изучения самосознания и самоощущения (Е.П. Ильин, Ю.М. Орлов, С.Р. Пантелеев, В.В. Столин). Так, В.В. Столин, изучая аспекты самоотношения, констатировал негативные специфические модальности переживания стыда, связанные с внутренней конфликтностью и тревогой. В представлении Е.П. Ильина стыд понимается как социокультурный феномен и связывается с самосознанием индивида и его самоотношением [2, с. 26].

Авторы психоаналитического направления (А. Адлер, Д.В. Винникотт, М. Кляйн, М. Малер, З. Фрейд, Р. Шпиц, Э. Эриксон, М. Якоби др.) и гештальт-подхода (П. Вейс, Б. Мюллер, Ф. Перлз, Л. Перлз, Р. Поттер-Эфрон, Э. Шапиро и др.) соотносят психогенез стыда и вины с этапами развития личности, подчеркивая важность влияния родительских установок.

З. Фрейд трактовал стыд и вину как аффективную реакцию, в основе которой лежит взаимоотношение структурных компонентов психического аппарата («Ид», «Я», «Сверх-Я»), при этом последнее является интроектом значимых взрослых [7; 11]. В подходе Э. Эриксона вопросы «Супер-Эго» и внутреннего конфликта менее значимы, а исключительное влияние на становление личности имеет ранний опыт взаимоотношений с ближайшим окружением [13]. По мнению А. Адлера структура личности едина и включает три врожденных бессознательных чувства: чувство общности, чувство неполноценности и стремление к превосходству. Субъект стремится найти способы для преодоления чувства неполноценности, которое связано с беспокойством и стыдом [1].

Сторонники теории объектных отношений (О. Кернберг, М. Кляйн, М. Малер, Р.А. Шпиц и др.) рассматривали психику и личность как результат связей людей с внешним миром, которые интернализуются разумом в виде «объектных отношений». Так, по мнению О. Кернберга [5] личность формируется из стойких моделей отношений с другими. Р. Шпиц [10] рассматривал отношения и созданные условия со стороны родителей, особенно матери, к ребенку как основной фактор формирования чувств вины и стыда и степени их интенсивности.

Представители гештальт-подхода (Г. Вилер, Р. Поттер-Эфрон, Р. Резник) выделяют следующие значимые варианты поведения родителей, которые приводят к формированию чрезмерного и разрушающего переживания стыда у ребенка: стыжение, отвержение, помещение в ситуацию неуспешности, травматическую сепарацию [2; 7; 12].

Таким образом, можно подытожить, что ведущей детерминантой формирования феноменов вины и стыда в научных подходах выступает интернализация родительских посланий, установок и паттернов поведения в процессе онтогенеза личности.

В рамках эмпирического исследования принимали участие 60 человек – 40 женщин и 20 мужчин. Возраст участников – от 21 года до 55 лет (представители ранней и средней зрелости). В исследовании принимали участие 34 человека (30 женщин 4 мужчины) из Муниципального дошкольного образовательного учреждения «Ясли-сад комбинированного типа № 125 города Донецка (возраст – от 30 до 55 лет); 16 человек (8 мужчин) из Государственного унитарного предприятия «Донецкая энергопоставляющая компания» (возраст – от 26 лет до 43 лет); 10 человек (10 женщин) из Центра подологии и ногтевого сервиса «ProfiClub» (возраст – от 21 года до 46 лет).

Эмпирическое исследование, согласно гипотезам, включало в себя 2 этапа: 1) исследование детекции возможных взаимосвязей вины и стыда; 2) анализ влияния родительских установок на формирование деструктивного переживания субъектами чувств стыда и вины.

Диагностика проводилась с помощью следующих методик: для исследования особенностей эмоционального состояния и выявления доминирующих эмоций использовался тест «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда [4]; для измерения когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов вины и стыда – тест «Измерение чувства вины и стыда» Дж. П. Тангней [13]. Для выявления доминирующих посланий родителей, порождающих стыд и вину у индивида была использована «Анкета идентификации посланий и поведения, порождающих стыд и вину в семье» Р. Поттер-Эфрона [8].

На этапе исследования детекции возможных взаимосвязей вины и стыда результаты по тесту «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда показали, что по шкале вины 40% испытуемых имеют низкие показатели, 43% считают, что переживание вины выражено умеренно, 17% указывают, что часто испытывают чувство сожаления, раскаяния и вины.

По шкале стыда 46% испытуемых имеют низкие показатели, у 43% переживания застенчивости, робости и стыда выражены умеренно и 10% демонстрируют высокий уровень стыда, утверждая, что испытывают стыд практически постоянно, с ощущением того, что они не соответствуют определенным стандартам или требованиям. Представители данной группы указывают, что переживание стыда мешает им выполнять деятельность разного рода и препятствуют установлению близких отношений с другими людьми.

Соотношение показателей по шкалам стыда и вины наглядно представлено на диаграмме (см. рис. 1).

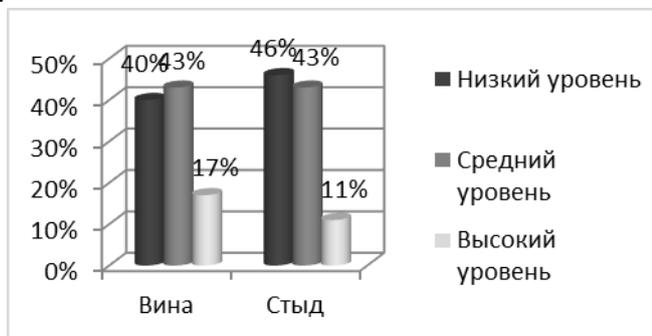

Рис.1. Соотношение показателей по шкалам стыда и вины по тесту «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда

Следует отметить, что с целью получения объективных и валидных результатов после диагностики проводились личные опросы и индивидуальные беседы по результатам тестирования.

Анализ диагностики по методике «Измерение чувства вины и стыда» Дж. П. Тангnea показал, что испытуемые имеют высокие баллы по подшкалам вины «Сожалеющий» (70%) и «Виноватый» (55%). Согласно опросу, участники в большей степени сожалеют о том, что не успели что-то сделать в своей жизни (например, получить образование, попутешествовать); чувствуют вину в ситуациях смерти близких из-за невозможности исправить положение; описывают ситуации рабочего характера, когда испытывали вину за собственные вспышки гнева или отказ в помощи другим. Среди высоких показателей стыда выделяются подшкалы «Робкий» (65%) и «Стыдливый» (54%). Часть обследуемых признались, что испытывают робость перед общественными мероприятиями, у нескольких участников присутствуют иррационально выраженные переживания стыда.

Общие результаты средних показателей по методике «Измерение чувства вины и стыда» Дж. П. Тангnea наглядно представлены на диаграмме (см. рис. 2).

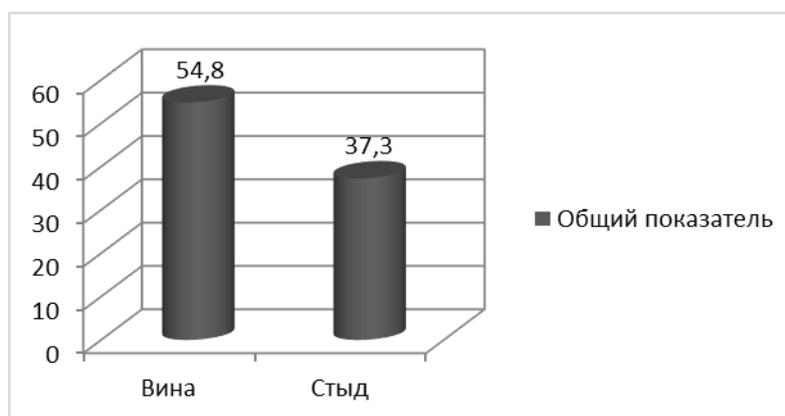

Рис. 2. Результаты средних показателей по шкалам стыда и вины по методике «Измерение чувства вины и стыда» Дж. П. Тангnea

Следует отметить, что в одних и тех же ситуациях обследуемые могли испытывать вину и не испытывать стыд и наоборот. Так, например, в ситуации № 2 «Находясь на своем рабочем месте, вы сломали ценный прибор или оборудование и, боясь показаться некомпетентным или неловким, вы пытаетесь скрыть это» практически вся выборка максимально оценила ответ А, который предполагал тревогу по поводу испорченной вещи и желание исправить ситуацию (мотивационный компонент вины), в то время как показатели по шкале стыда по данному вопросу были низкими (максимальная оценка ответа Б «Вы начинаете думать об увольнении» у 15% из выборки).

В ситуации № 12 «Вы и ваши коллеги завершили весьма трудную для всех работу над проектом. Результат оценен крайне высоко, но руководство почему-то решает поощрить денежной премией только вас» большинство испытуемых (80%) продемонстрировали высокие показатели по шкале вины, и лишь 20 % были склонны стыдиться такой ситуации, испытывать одиночество и оторванность от коллектива.

В ситуации № 8 «Во время отдыха на пляже вы играете в волейбол. Подаете мяч и попадаете в лицо товарищу по игре» показания по шкале стыда, наоборот, у большей части (63%) были более высокими, чем по шкале вины.

Необходимо отметить, что были испытуемые, которые склонны в одних и тех же ситуациях испытывать как чувство вины, так и переживание стыда. Например, в ситуации № 9 «Вы решили начать самостоятельную жизнь. К счастью, окружающие вас люди были добры и готовы помочь вам. Несколько раз вы вынуждены были брать деньги в долг и всякий раз при первой же возможности возвращали долг» был выбор одновременно ответа «Вы испытываете неловкость за себя из-за отсутствия жизненного опыта и неумения самостоятельно решать жизненные проблемы» (шкала стыда) и ответа «Вы одержимы идеей о возвращении долга в кратчайшие сроки» (шкала вины). Испытуемые, склонные к деструктивным чувствам вины и стыда практически в каждой ситуации выбирали для оценки примерно одинаковое количество баллов.

Следует отметить, что те же 10% испытуемых имеют высокие показатели измерения когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов вины и стыда по методике «Измерение чувства вины и стыда» Дж. П. Тангней, что и по шкалам стыда и вины по тесту «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда.

Анализ установления взаимосвязи показателей вины и стыда при помощи коэффициента линейной корреляции Пирсона показал, что результаты математической статистики попали в зону значимости ($R=0,62$ и $R=0,61$), что свидетельствует о наличии умеренной связи между изучаемыми феноменами.

На этапе анализа влияния родительских установок на формирование деструктивного переживания субъектами чувств стыда и вины принимали участие 10% (6 человек с наибольшими показателями по шкалам вины и стыда). Анкетирование показало, что наиболее распространенными родительскими посланиями, которые испытуемые слышали в детстве являются послания неполноценности «Ты не хорош» (100%), «Ты недостаточно хорош» (100%), «Тебя нельзя любить» (100%). По результатам родители в процессе воспитания часто использовали контроль посредством стыда (83%), контроль посредством угрозы лишения любви (100%), а также побуждение для ребенка быть совершенным (83%).

Относительно поведения родителей, порождающих вину, частыми сообщениями в семьях испытуемых были послания о неполноценности: «Ты постоянно делаешь плохо» (83%), «Ты неблагодарный» (100%), «Ты неспособный» (100%), «Ты не самостоятельный» (100%), а также контроль посредством угрозы лишения любви (100%) и контроль посредством обвинения (100%).

Результаты показателей по методике «Анкета идентификации посланий и поведения, порождающих стыд и вину в семье» Р. Поттер-Эфрона представлены в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты по анкете Р. Поттер-Эфрона

Идентификация посланий и поведения, порождающих стыд			Идентификация посланий и поведения, порождающих вину		
Послания	Кол-во	%	Послания	Кол-во	%
Послание о неполноценности: «Ты не хорош»	6	100%	Послание о неполноценности: «Ты постоянно делаешь плохо»	5	83%
Послание о неполноценности: «Ты недостаточно хорош»	6	100%	Послание о неполноценности: «Ты неблагодарный», «Ты неспособный», «Ты не самостоятельный»	6	100%
Послание о неполноценности: «Ты не наш»	4	66%	Физический/сексуальный абюз	3	50%
Послание о неполноценности: «Тебя нельзя любить»	6	100%	Акцент на семейном имидже	4	66%

Физический/сексуальный абьюз	4	66%	Контроль посредством угрозы лишения любви	6	100%
Родительское пренебрежение или незаинтересованность	4	66%	Контроль посредством обвинений	6	100%
Акцент на семейном имидже	4	66%			
Сохранение секрета	2	33%			
Темы оставления и предательства	4	66%			
Контроль посредством угрозы лишения любви	6	100%			
Контроль посредством стыда	5	83%			
Побуждение быть совершенным	5	83%			
Глубоко стыдящиеся родители	3	50%			

Из результатов видно, что формирование чувств вины и стыда значительным образом зависит от характера родительских предписаний, идущих из детского возраста. Ещё Э. Эриксон указывал, что дети зависят от помощи своих родителей в развитии. Прежде всего, родитель помогает своему ребенку развить адекватное чувство гордости собой, базирующееся на прочном знании о своей принадлежности к семье и сообществу. Такие дети могут ощущать стыд и вину, если не достигают интернализированных целей. Конструктивные чувства стыда и вины служат сигналом о том, что что-то не так, и побуждают их достичь более удовлетворительного уровня. Когда ребенок (или, позже, взрослый) достигает своих целей, он восстанавливает чувство собственного достоинства. Если родители не способны поддержать ребенка (по различным причинам), то своим поведением, установками, отношением к ребенку они способствуют возникновению фрустрирующего стыда и вины [11].

Следует отметить, что токсичные переживания вины и стыда могут быть проработаны в процессе психотерапии, которая на современном этапе развития вмещает различные техники работы с данными чувствами. Широкий арсенал творческих методов работы с фрустрирующими стыдом и виной представлен в работах П. Вейса, Б Мюллера, Жан-Мари Робина, Р. Поттер-Эфрона и др.

Выводы. В ходе эмпирического исследования была выявлена взаимосвязь между феноменами стыда и вины, однако высокий показатель по шкале стыда не всегда предполагал наличие у личности высоких показателей по шкале вины и наоборот. Исследовано, что одним из главных факторов формирования иррациональных переживаний чувства вины и стыда является интернализация деструктивных родительских посланий, установок, запретов и интервенций в процессе онтогенеза личности.

Таким образом, формирование фрустрирующего чувства вины и чувства стыда во многом зависит от негативных родительских установок, которые не являются адаптивными и вредят психологическому здоровью детей, разрушая их аутентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер; пер. с нем. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.
2. Бухтиярова М.Л. Психологический анализ феноменов вины и стыда / М.Л. Бухтиярова // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». – Донецк: ДОННУ, 2022. – Вып. 14, том 2: Социально-гуманитарные науки (Филология), часть 2. – С. 25–29.
3. Гергилов Р.Е. Стыд как множественный феномен: теоретико-методологический обзор / Р.Е. Гергилов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2016. – № 4. – С. 1–19.
4. Изард К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб.: Питер, 2012. – 464 с.
5. Кернберг О. Ф. Отношения любви: норма и патология / О. Ф. Кернберг; пер. с англ. М.Н. Георгиевой. – М.: Класс, 2000. – 256 с.

6. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – 992 с.
7. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра: радость. Печаль. Хаос. Мудрость / Ф. Перлз; пер. с англ. – М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2002. – 224 с.
8. Поттер-Эфрон Р.Т. Стыд вина и алкоголизм: клиническая практика / Р.Т. Поттер-Эфрон. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 416 с.
9. Фрейд З. Я и Оно. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд; пер. с нем. – СПб.: «Азбука-классика», 2010. – 256 с.
10. Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста / Р. Шпиц. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 159 с.
11. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон; пер. с англ. – СПб.: Речь, 2000. – 328 с.
12. Julien A. Deonna, Raffaele Rodogno and Fabrice Teroni In Defense of Shame: The Faces of an Emotion // Oxford: Oxford University Press, 2012, 268 pp.
13. Tangney J.P. Conceptual and methodological issues in the assessment of shame and guilt // Behav. Res. Ther. – 1996. – Vol. 34. – No. 9. – P. 741-754.

Поступила в редакцию 07.02.2023 г.

STUDY OF GUILT AND SHAME PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS

Y.N. Farkhutdinova

The article deals with the main approaches to the determinants of the formation of guilt and shame in the personality ontogenesis within the framework of domestic and foreign psychology. The relevance of the study is accounted for by the need for a better structured description of the guilt and shame psychogenesis, the influence of the formed feelings of guilt and shame on self-awareness, self-esteem, personality behaviour, relationships with other people. It is pointed out that the fruitful approach is a clear differentiation of guilt and shame on the one hand, and a more in-depth identification of their interrelationships on the other hand. The paper describes the results of the empirical study of the detection of guilt and shame interrelationships, the analysis of the influence of parental attitudes on the formation of the subjects' destructive experiencing guilt and shame. Conclusions are drawn about the role of parental attitudes in the guilt and shame frustrating feelings formation.

Key words: shame, guilt, psychogenesis of shame and guilt, parental attitudes.

Фархутдинова Юлия Низамутдиновна.

Кандидат психологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Доцент кафедры психологии.

E-mail: julia82.06@mail.ru

Farkhutdinova Yulia Nizamutdinovna.

Candidate of Psychological Sciences.

Donetsk National University.

Associate Professor at Department of Psychology.

E-mail: julia82.06@mail.ru

УДК 159.92

РОЛЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕБЕ И ИДЕАЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ДРУГА СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

© 2023 С. В. Набатова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты формирования картины мира личности в подростковом возрасте, а именно – особенности знаний и отношения к себе и к другим людям. Выполнен краткий теоретический обзор существующих в психологической науке представлений о картине мира личности, описаны границы и психологические особенности подросткового возраста, а также отмечены специфические условия, в которых происходит личностное развитие подростков Донбасса. Для проверки гипотезы о роли представлений о себе и идеальном человеке в формировании образа друга у подростков использована методика «Личностный дифференциал» в рамках психосемантического подхода в исследовании многослойной конструкции картины мира личности. Экспериментальным путём получены данные об особенностях представления современных подростков, длительно проживающих в условиях проведения военных действий, о категориях «друг», «Я» и «идеальный человек». С использованием инструментов математической статистики выявлены значимые корреляционные связи различных личностных черт, которые присущи образу Я, образу друга и образу идеального человека. Произведена интерпретация полученных данных и сформулированы выводы о близости исследуемых образов в процессе активного формирования картины мира личности.

Ключевые слова: картина мира, подростковый возраст, образ, личностный дифференциал.

Введение. В различные периоды развития психологической науки были введены в научный оборот разные термины для обозначения совокупности представлений человека о себе, о других людях и взаимодействии с ними, об окружающем мире и своём месте в нём. Среди них можно назвать «внутренний мир человека» (Б.Г. Ананьев), «структуру субъективного опыта» (Е.Ю. Артемьева), «модель мира» (Дж. Брунер), «систему личностных конструктов» (Дж. Келли), «образ мира» (А.Н. Леонтьев), «семантическое пространство» (Ч. Осгуд), «картину сознания» (Ж. Пиаже) [4].

Согласно А.Н. Леонтьеву, образ мира – это категория, служащая для описания системы значений человека и отражающая единство индивидуального и социального опыта. По мнению Е.Ю. Артемьевой, картина мира – это сложный синтез комплексов – образов, отражающих актуальную ситуацию. Содержанием картины мира, по её мнению, является эмоционально-оценочное выражение отношения к образам объектов внешнего мира [1; 2].

Таким образом, картина мира – это многослойная конструкция, хранящая в себе все знания об устройстве окружающего мира в виде представлений и/или образов, «уложенных» в соответствии с определённой «архитектурой» [3].

Картина мира развивается в процессе деятельности человека, возникает на стыке внутренних и внешних впечатлений, т.е. характеризуется социальной и деятельностной природой [7]. Так, картина мира личности обладает диалектичностью и динамичностью и не является неизменным и застывшим образованием. Следовательно, целесообразно рассматривать картину мира в процессе развития и становления личности с учётом внешних и внутренних условий.

Научный интерес представляет проблема формирования картины мира у подростков. Подростковый возраст (11-17 лет) является сложным, противоречивым и одним из наиболее конфликтных. В течение этого периода ломаются и

перестраиваются все прежние отношения ребёнка с миром и с самим собой (первая фаза подросткового возраста – 12-15 лет), а также развиваются процессы самосознания и самоопределения, приводящие, в конечном счёте, к той жизненной позиции, с которой молодой человек начинает свою самостоятельную жизнь (вторая фаза подросткового возраста – 15-17 лет).

Личностное формирование подростков Донбасса происходит в экстремальных и экономически нестабильных условиях. Так, например, уже существуют исследования того, как нынешняя обстановка способствует выделению новых аспектов Я личности [6]. Т.е. сложившаяся ситуация оказывает сильное влияние на развитие представлений юных людей об окружающем мире. Данные представления становятся важным аспектом адаптации подростков в обществе, опосредствующим звеном в их взаимодействии с окружающей действительностью.

Таким образом, целью данного исследования является получение данных о связи образов Я и идеального человека с отношением и знаниями о других людях, на примере категории «друг», как составляющей картины мира современных подростков.

Объект исследования: картина мира личности. *Предмет исследования:* образы друга, идеального человека и себя в структуре картины мира личности современных подростков.

Основная часть. В настоящее время набирает обороты исследование структур картины мира (систем значений и смыслов), которое активно осуществляется в рамках психосемантического подхода (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелев) и психологии субъективной семантики (Е.Ю. Артемьева, Ю.К. Стрелков, В.П. Серкин). Поэтому для изучения различных образов в картине мира личности была использована методика «Личностный дифференциал» (в адаптации сотрудников Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева) [8]. С целью проверки значимости полученных взаимосвязей образов был использован корреляционный анализ Пирсона.

В исследовании приняли участие 34 человека старшего подросткового возраста (14-15 лет), проживающие в Донецкой народной республике (г. Горловка).

В результате проведения «Личностного дифференциала» были получены основные черты, которыми подростки наделяют друзей, идеального человека и себя (рис. 1).

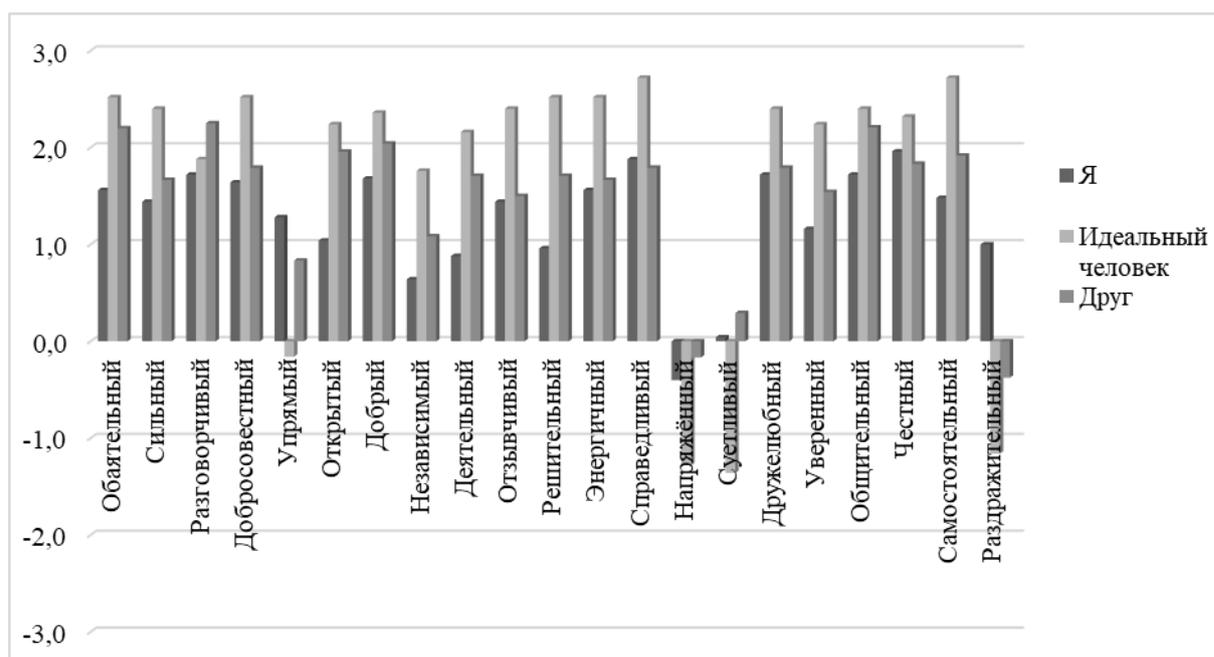

Рис. 1. Средние значения испытуемых при оценке образов «Я», «Идеальный человек», «Друг»

Был произведён подсчёт баллов по шкалам «Оценка», «Сила» и «Активность» (рис. 2). Средний уровень значений по факторам указывает на склонность испытуемых критически оценивать собственные личностные черты (в особенности те, что характеризуют уровень доминирования в общении).

Более позитивно подростки описывают друга, воспринимая дружеские отношения как основанные на равноправии и взаимном принятии. Интересно, что образ друга предполагает более выраженную экстраверсию, чем образ идеала.

Идеальный человек, по мнению подростков, также обладает средним уровнем общительности и доминирования в общении (средние значения по факторам силы и активности). При этом образ идеального человека вызывает выраженную симпатию (высокие значения по фактору оценки). Это может свидетельствовать о ведущей роли эмоционально-оценочного компонента в формировании образа идеального человека.

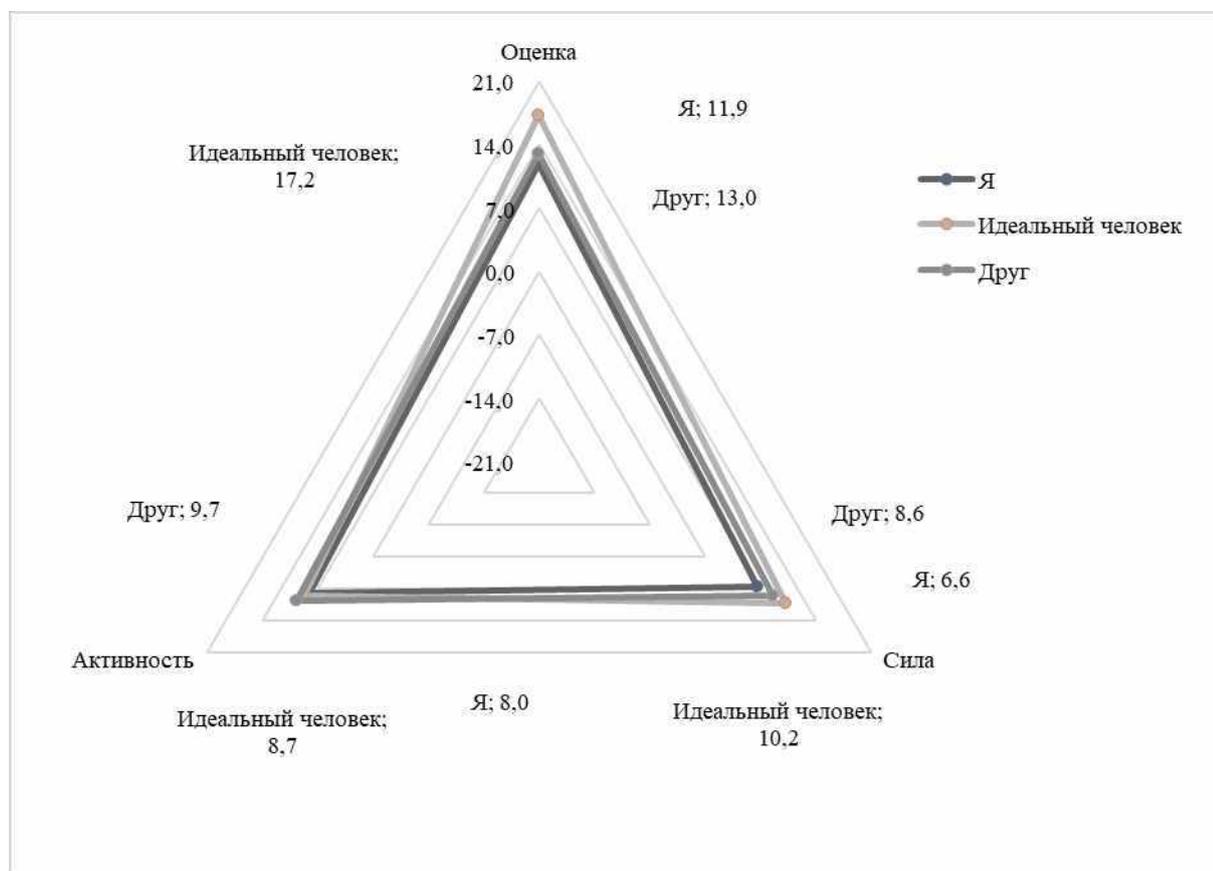

Рис. 2. Факторы личностного дифференциала, отображающие особенности исследуемых образов

В результате проведения корреляционного анализа был выявлен ряд значимых на 1% уровне статистической значимости связей между личностными чертами, входящими в образ друга, и чертами, включёнными в образ Я и образ идеального человека.

Так, были обнаружены значимые взаимосвязи между такой чертой друга как «открытый» и следующими чертами идеала: «открытый» ($r=0,66$), «добросовестный» ($r=0,66$), «честный» ($r=0,58$), «разговорчивый» ($r=0,58$), «уверенный» ($r=0,57$), «сильный» ($r=0,51$) и такими характеристиками образа Я: «отзывчивый» ($r=0,58$), «обаятельный» ($r=0,48$), «энергичный» ($r=0,47$), «добрый» ($r=0,47$). Это свидетельствует о том, что чем более важна для подростка открытость в дружеских

отношениях, тем более привлекательным он себя ощущает, и тем более важны для него волевые черты характера в человеке (рис. 3).

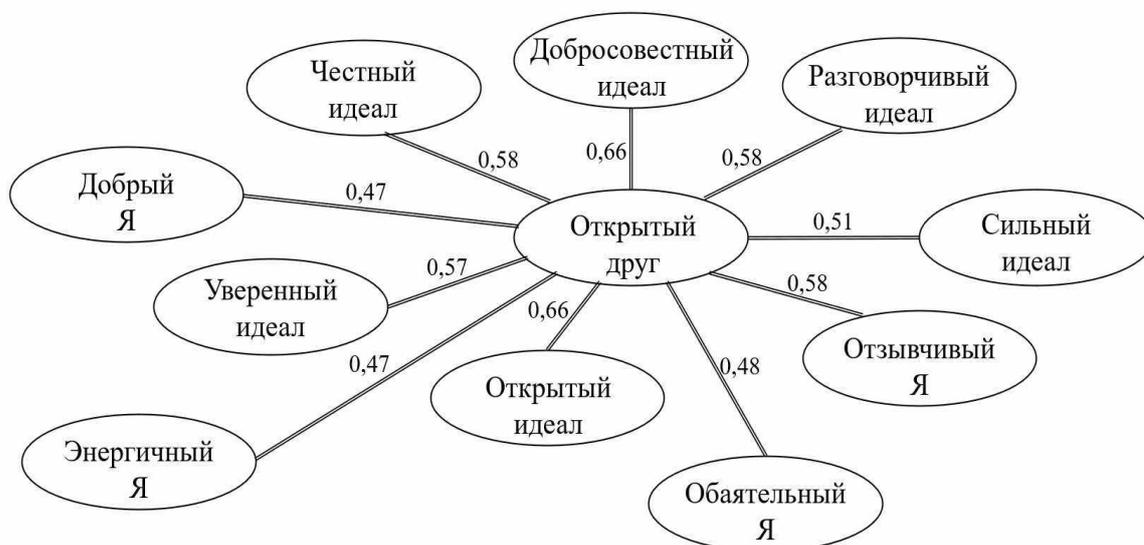

Рис. 3. Корреляционная плеяда черты друга «открытый» с характеристиками образа Я и образа идеального человека (прямые значимые на 1% уровне связи)

Были выявлены значимые связи между такой характеристикой образа друга как «справедливый» и описаниями идеала «честный» ($r=0,62$), «деятельный» ($r=0,62$), «добросовестный» ($r=0,52$), «сильный» ($r=0,51$), а также такими описаниями себя, как «справедливый» ($r=0,58$) и «решительный» ($r=0,54$). Так, подростки, ценящие в людях сильную волю, и считающие себя справедливыми, ожидают того же от друзей (рис. 4).

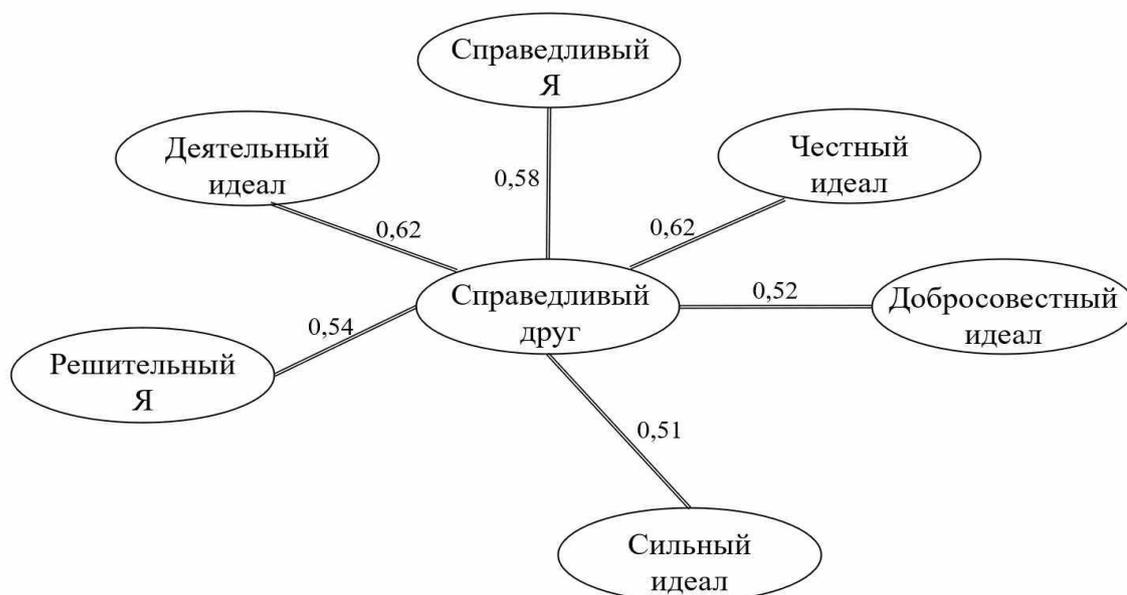

Рис. 4. Корреляционная плеяда черты друга «справедливый» с характеристиками образа Я и образа идеального человека (прямые значимые на 1% уровне связи)

Также обнаружены значимые связи между чертой друга «уверенный» и следующими характеристиками Я: «отзывчивый» ($r=0,66$), «энергичный» ($r=0,54$), «открытый» ($r=0,53$),

«обаятельный» ($r=0,52$), «добрый» ($r=0,49$), и с характеристикой идеального человека «сильный» ($r=0,55$). Это может говорить о том, что подросток, открытый к общению, обладающий положительными эмоциональными и моральными качествами, ценит в людях силу и комфортно себя чувствует рядом с уверенным в себе товарищем (рис. 5).

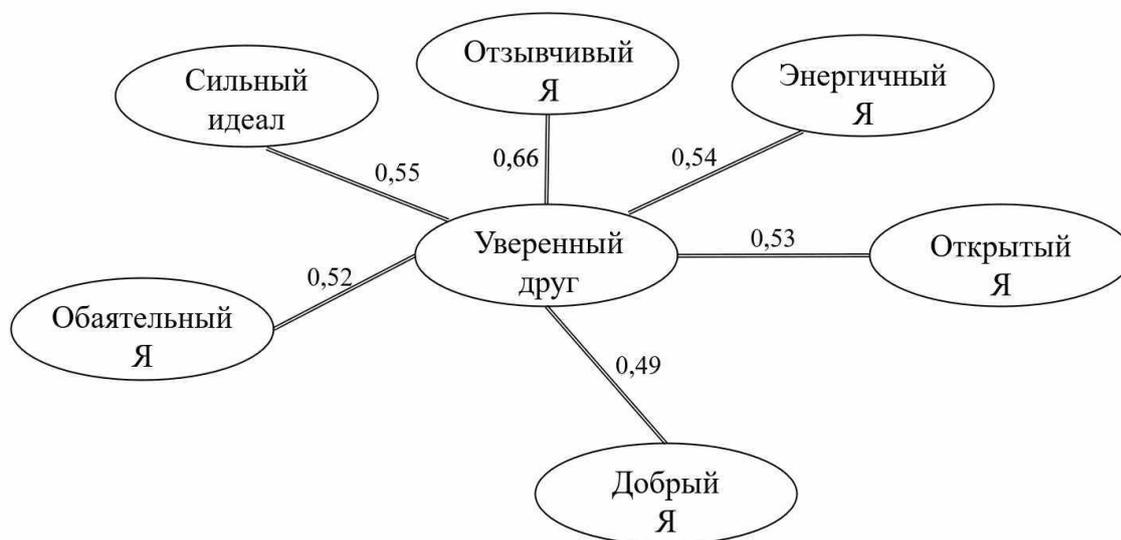

Рис. 5. Корреляционная плеяда черты друга «уверенный» с характеристиками образа Я и образа идеального человека (прямые значимые на 1% уровне связи)

Установлено, что существуют значимые связи между чертой друга «добросовестный» и следующими характеристиками идеального человека: «добросовестный» ($r=0,69$), «честный» ($r=0,62$), «открытый» ($r=0,62$), «разговорчивый» ($r=0,55$), «уверенный» ($r=0,52$), а также присущей образу Я чертой «добросовестный» ($r=0,58$). Таким образом, желание и способность прилежно исполнять обязанности и обещания является ценным качеством человека (и друга в том числе) для подростков, которые сами им обладают (рис. 6).

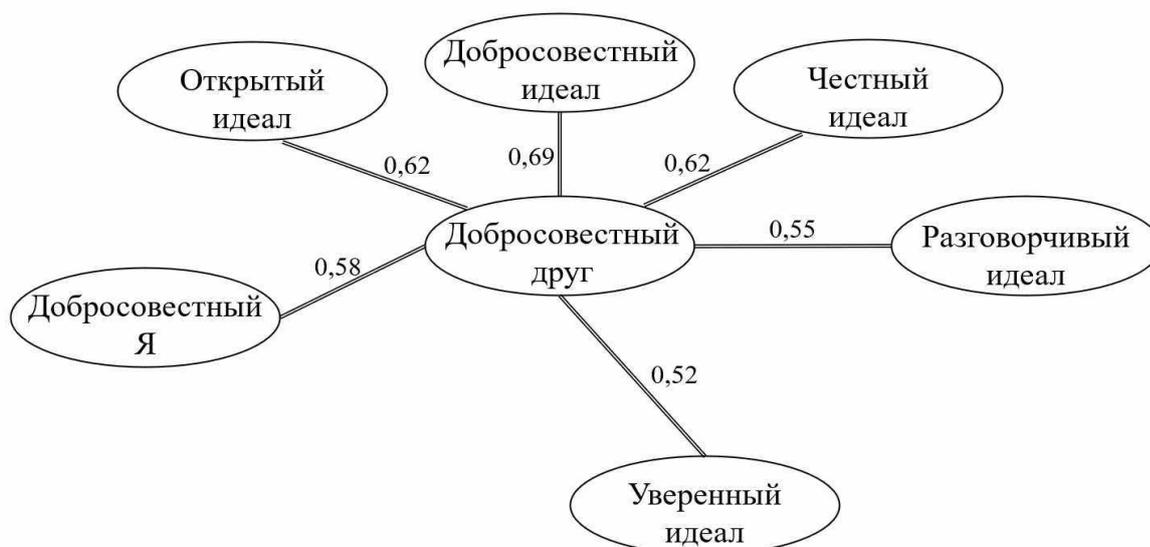

Рис. 6. Корреляционная плеяда черты друга «добросовестный» с характеристиками образа Я и образа идеального человека (прямые значимые на 1% уровне связи)

Выявлены значимые связи между личностной чертой друга «добрый» и описаниями идеального человека «добрый» ($r=0,71$), «энергичный» ($r=0,47$) и такими описаниями себя, как «добрый» ($r=0,60$), «добросовестный» ($r=0,54$), «сильный» ($r=0,53$). Можно сделать вывод, что подростки, для которых высока ценность доброты, считают её проявлением силы личности (рис. 7).

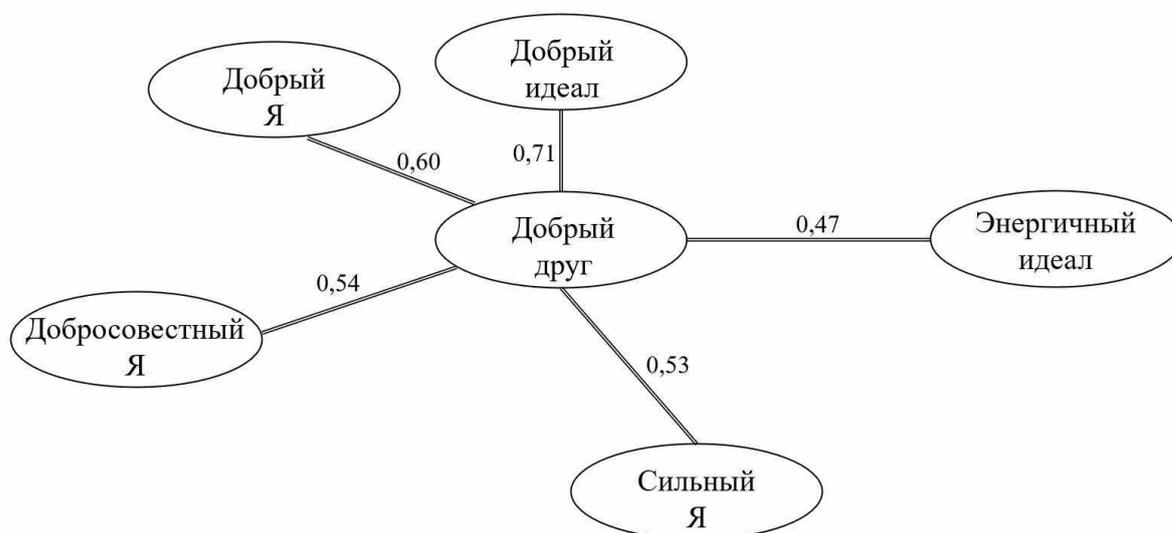

Рис. 7. Корреляционная плеяда черты друга «добрый» с характеристиками образа Я и образа идеального человека (прямые значимые на 1% уровне связи)

Будучи добрыми людьми, того же они ожидают от близких людей. Полученную корреляционную связь можно проиллюстрировать цитатой Блеза Паскаля: «Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях».

Также было обнаружено, что личностная черта друга «разговорчивый» имеет значимые прямые связи с описательными характеристиками идеального человека «добросовестный» ($r=0,61$), «разговорчивый» ($r=0,58$), «открытый» ($r=0,55$), «честный» ($r=0,53$) и чертой образа Я «добросовестный» ($r=0,47$). Т.е. подросток, ценящий в друге словоохотливость, будет считать это качество желательным и признаком хорошего открытого и искреннего человека (рис. 8).

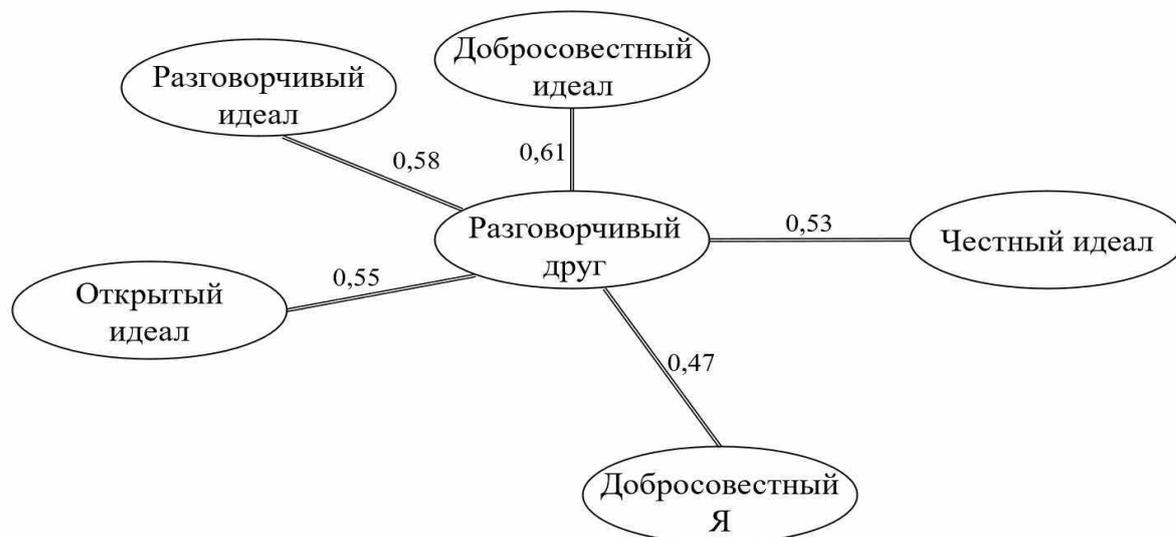

Рис. 8. Корреляционная плеяда черты друга «разговорчивый» с характеристиками образа Я и образа идеального человека (прямые значимые на 1% уровне связи)

Были выявлены значимые корреляционные связи между чертой друга «деятельный» и характеристиками идеала «сильный» ($r=0,52$), «решительный» ($r=0,50$) и образа Я «отзывчивый» ($r=0,55$), «обаятельный» ($r=0,50$). Следовательно, подростки, которые ценят в окружающих силу и решительность, заводят дружбу с инициативными и активными людьми, имеют привлекательный и поддерживающий образ (рис. 9).

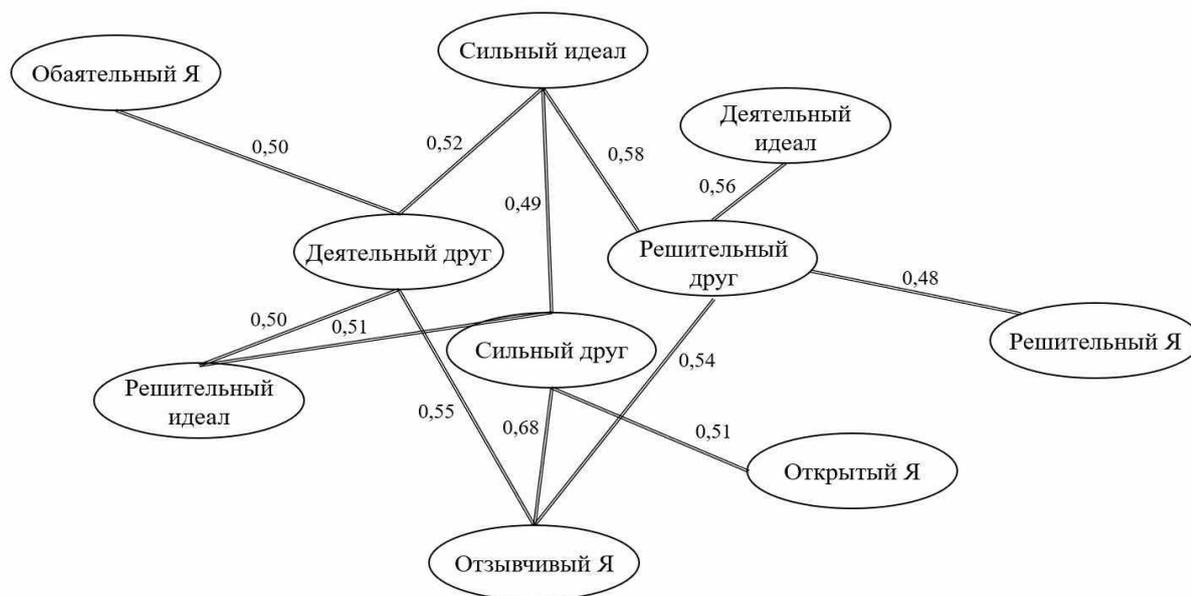

Рис. 9. Корреляционные плеяды черт друга «деятельный», «решительный» и «сильный» с характеристиками образа Я и образа идеального человека (прямые значимые на 1% уровне связи)

Это также подтверждается обнаруженными значимыми связями между решительностью друга и отзывчивостью в образе Я ($r=0,58$), силой ($r=0,58$) и деятельностью ($r=0,56$) идеала, а также корреляционными связями между понятиями сильный друг и решительный ($r=0,51$), сильный ($r=0,49$) идеал, и отзывчивым ($r=0,68$), открытым ($r=0,51$) Я (рис. 9). Интересно, что подобное взаимодополнение подростков и их друзей отображается и в существующей значимой обратной взаимосвязи напряжённости друга и энергичности Я ($r= -0,50$). Т.е. чем более энергичными себя оценивают испытуемые, тем более расслабленным они представляют своего друга.

Заключение. Таким образом, цели данного исследования были достигнуты, данные об особенностях представлений и отношения подростков к себе и к другим людям (на примере категорий «друг» и «идеальный человек») были получены. Так, с помощью методики «Личностный дифференциал» удалось выяснить, что образы идеального человека и друга у современных подростков являются в некоторой степени более целостными и дифференцированными, в то время как при анализе качеств собственного Я у них преобладают нейтральные, средние оценки. Также существуют значимые прямые взаимосвязи между положительными моральными и эмоциональными чертами, которые подростки приписывают идеалу, другу и собственному Я. Т.е. представления о дружеских отношениях и система духовных ценностей являются одним из источников формирования позитивного самовосприятия подростка. А существование значимых обратных связей между собственными волевыми чертами и подобными чертами личности друга иллюстрирует поговорку

«противоположности притягиваются» (стоит указать, что это справедливо только для тех сторон личности, которые касаются уровня активности). Таким образом, результаты исследования свидетельствуют об активном и неравномерном формировании различных образов в системе картины мира личности в подростковом возрасте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяков С.И. Психосемантическое моделирование субъектной самоорганизации личности. Методика исследования / С.И. Дьяков // Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (33). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihosemanticheskoe-modelirovanie-subektnoy-samoorganizatsii-lichnosti-metodika-issledovaniya> (дата обращения: 06.11.2022).
  2. Кожевникова О.В. Проблемы психосемантики в современной психологии (введение к тематическому выпуску) / О.В. Кожевникова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2022. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-psihosemantiki-v-sovremennoy-psihologii-vvedenie-k-tematicheskomu-vypusku> (дата обращения: 16.07.2023).
  3. Леонтьев А.Н. Образ мира: в 2 т. / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. М.: Изд-во «Педагогика», 1983. – С. 251–261.
  4. Леонтьев Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2008. – 488 с.
  5. Обухова Л.Ф. Возрастная психология / Л.Ф. Обухова. – М.: Юрайт, 2019. – 460 с.
  6. Руденко С.В. Структура социальной идентичности студентов / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2022. – № 1. – С. 106–113.
  7. Серкин В.П. Пять определений понятия «образ мира» / В.П. Серкин // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. – 2006. – № 1. – С. 11–19.
- Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. 2-е изд., доп. / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Психотерапия, 2009. – 544 с.

Поступила в редакцию 10.02.2023 г.

CONCEPTS OF ONESELF AND OF IDEAL PERSON IN FORMING IMAGE OF MODERN TEENAGERS' FRIEND

S. V. Nabatova

This article discusses some aspects of the formation of person's worldview in adolescence, namely, the peculiarities of knowledge and attitudes towards oneself and other people. A brief theoretical review of the ideas existing in psychological science about person's worldview is carried out. The boundaries and psychological features of adolescence are described. The specific conditions in which the personal development of Donbass adolescents takes place are pointed out. To test the hypothesis about images of self and of an ideal person in forming the image of modern adolescents' friend, the «Personality differential» technique has been used within the framework of a psychosemantic approach in the study of a multi-level construction of the personality worldview. The data on the peculiarities of modern adolescents long living in the conditions of military operations, on the categories of «friend», «Me» and «ideal person» have been experimentally obtained. Using the tools of mathematical statistics, significant correlations of various personality traits that are inherent in the image of the Self, the image of a friend and the image of an ideal person have been revealed. The interpretation of the data obtained has been provided. The conclusions about the proximity of the studied images in the process of active formation of person's worldview are made.

Key words: worldview, adolescence, image, personality differential.

Набатова Софья Вадимовна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Старший преподаватель кафедры психологии.

E-mail: sofya.nabatova@yandex.ru .

Nabatova Sofya Vadimovna.

Donetsk National University.

Senior lecturer at Department of Psychology.

E-mail: sofya.nabatova@yandex.ru .

УДК 159.9

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2023 *Е.В. Чуканов*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Проблема становления идентичности носит междисциплинарный характер. Однако, до сих пор отмечается терминологическая неопределенность, что приводит к размытию границ понятия. На основе анализа источников, отмечается эволюция взглядов на проблему идентичности. Идентичность изначально рассматривается как атрибут сознания, затем происходит переход к изучению психологических механизмов, лежащих в основе идентичности. Классический психоанализ считал таким механизмом процесс идентификации. Э. Эриксон указывает, что основой идентичности является самовосприятие непрерывности и тождественности в историческом времени, стремление к личностной целостности, пониманию своей солидарности с идентичностью группы и ее идеалами. Идентичность является итогом интеграции множества идентификаций ребенка и носит динамический характер. На современном этапе наблюдается дифференциация видов идентичности. Наряду с личностной и социальной идентичностью выделяются экзистенциальная, нарративная и др. Основой изменения идентичности является трансформация социальных условий, как внешнее условие, и рефлексия, как внутреннее.

Ключевые слова: идентичность, личностная идентичность, социальная идентичность, нарративная идентичность, социальные трансформации, самотождественность, социальное познание, рефлексия.

Проблема становления идентичности носит междисциплинарный характер и может рассматриваться с точки зрения философии, политологии, социологии и других наук об обществе. Привнесение в решение данной проблемы психологического компонента происходит намного реже, однако, не вызывает сомнения, что идентичность носит индивидуально-психологический характер. Возникая в процессе субъективного отражения, она позволяет активно воздействовать на социальную реальность, через систему представлений о принадлежности к общности и ее структурам. Воплощаясь в итоге в сознательной и добровольной самоидентификации личности.

Теоретический базис исследования проблемы идентичности можно обнаружить в работах У. Джеймса. В основе идентичности лежит ощущение тождества и целостности. Самосознанию присуща двойственность познающего и познаваемого элементов. В структуре познаваемого элемента выделяется физическая, социальная и духовная личности. Телесная организация, одежда, семья, дом составляют физическую личность. Основой социальной личности являются социальные представления о человеке. Социальная личность оценивается по степени соответствия выполнения социальных ролей. Духовная личность позволяет интегрировать отдельные состояния сознания и является источником активности личности. Выделенные компоненты между собой взаимосвязаны иерархично, где высшие подчиняют себе низшие. На высшем уровне иерархии находится духовная личность, на низшем – физическая, социальные личности занимают промежуточный уровень [8].

К. Ясперс рассматривает идентичность во времени, как один из атрибутов сознания. Субъективная реальность личности носит исторический характер и не существует вне контекста социальных и общественных отношений, а механизм осознания собственной личности является рефлексия. Осознание неповторимости собственной личности включает, наряду с самооценкой, понимание неповторимости бытия [26].

Раскрытие содержательных и процессуальных аспектов становления идентичности обнаруживаются в работах представителей психоаналитического направления. Основоположник психоанализа, З. Фрейд, идентичность рассматривает как результат процесса идентификации – отождествления со значимым другим. Данный процесс изначально является нейтральным и развивается естественным путем, начиная с раннего детства, что в дальнейшем создает предпосылки для психологического роста и изменений [13, 23].

Исследования идентификационных процессов и их вершинной точки – идентичности, продолжил Э. Эриксон, рассматривающий вклад личного опыта в ее становление. Основой идентичности он выделяет самовосприятие непрерывности и тождественности в историческом времени, стремление к личностной целостности, пониманию своей солидарности с идентичностью группы и ее идеалами. Идентичность, согласно Э. Эриксону, является итогом интеграции множества идентификаций ребенка и носит динамический характер. Являясь процессом, идентичность позволяет интегрировать личный опыт в индивидуальное «Я» [25].

В структуре идентичности выделяется ряд уровней: индивидный, личностный, социальный. На индивидном уровне происходит осмысление темпоральных характеристик. Возникает понимание стабильности физического «Я», осознание существования прошлого и будущего. На личностном уровне возникает ощущение уникальности жизненного пути, а на социальном – усвоение социальных норм и стандартов. Базисом для построения идентичности является культура, что предполагает взаимосвязь между идентичностью и социокультурной средой. Развитие идентичности происходит в процессе взаимодействия личности со средой, в основе которого лежит процесс социального сравнения [19].

В процессе становления происходит осознание непрерывности самоидентичности во временных параметрах – между собственным прошлым, настоящим и будущим. Во временные параметры также включены социальные ожидания со стороны референтной группы. В юношеском возрасте возникает кризис, итогом которого является осознание идентичности, в которой синтезируется ряд ее отдельных видов (семейная, гражданская, этническая и др.).

В статусной теории Дж. Марсиа идентичность включается в структуру Эго и определяется как внутренне самодетерминируемая, динамическая организация мотивационно-потребностной сферы. В основе идентичности находятся способы решения проблемных ситуаций, к которым прибегает человек. Продуктивное решение возникшей проблемы постепенно формирует идентичность. Чем шире диапазон способов решения, тем выше уровень самопонимания и целеполагания, что благоприятно отражается в структуре идентичности. На формирование идентичности оказывают влияние две сферы жизни: профессиональная и идеологическая [30].

Идентичность развивается путем постепенного усложнения процессов самопонимания и самостоятельности принятия решений, имеющих личностную значимость.

Процесс формирования идентичности предполагает сочетание двух критериев: сформированность структурных компонентов идентичности (цели, ценности, убеждения) и наличие кризисного состояния (как состояния поиска идентичности) [16].

А. Ватерман рассматривает ценностно-волевой аспект формирования идентичности. В основе идентичности заложен механизм самоопределения. Элементами идентичности являются цели, ценности и убеждения, которые формируются в результате выбора из множества альтернатив в период протекания

кризиса. В дальнейшем осознанный выбор становится основой для формирования смысла жизни и определения вектора жизненного пути [33].

Процесс формирования и развития идентичности основывается на механизме идентификации, а также способов, к которым прибегает личность в процессе оценки и отбора ценностей, целей и убеждений.

А. Тэшфел идентичность рассматривает как результат процесса социальной идентификации. Под идентичностью подразумевается часть Я-концепции, которая возникает в результате понимания своего членства в группе, имеющего ценностное и эмоциональное значение. Выделяют личностную и социальную идентичности. Личностная идентичность воплощается в личностном самоопределении и самооценке индивидуальных качеств, а социальная является результатом множественных социальных идентификаций, используемых для социального самоопределения. Потребность в позитивной социальной идентификации обусловлена позитивной эмоциональной окраской приобщения к ингруппе, по сравнению с аутогруппой [32].

Дж. Тернер вводит понятие самокатегоризации, понимая под этим процессом когнитивное группирование объектов по определенным классам, которое происходит на трех уровнях. Первый уровень – человеческая идентичность, протекающая на уровне понимания принадлежности к человеческому роду. Второй – групповая или социальная. Третий – личностная самокатегоризация. Тем не менее, между уровнями самокатегоризации существует функциональный антагонизм, заключающийся в том, что с позиции личностной идентичности человек не видит схожест социальных групп, а с позиции социальной – не различает характеристики отдельных представителей этих групп. Осознание себя как представителя определенной группы вызывает деперсонализацию, которая приводит к тому, что люди начинают воспринимать себя и окружающих, как взаимозаменяемых. Деперсонализация позволяет сформировать релевантный для данной ситуации стиль взаимодействия и рассматривается как приобретение, либо улучшение качественных характеристик идентичности [18].

Центральным понятием в теории Дж. Г. Мида является «Self act», подразумевающее активность «Я», в котором сочетается индивидуальные и социальные уровни организации. Сознание и самосознание возникает в обществе через социальные действия. Под социальным действием понимается активность индивида по отношению к внешней среде. В процессе социализации ребенок взаимодействует с Другим, под которым понимается не только социальное окружение, но и предметы материальной культуры, которыми оперирует ребенок [4]. В итоге взаимодействия возникает обобщенный Другой – установки и действия общества, которые разделяются всеми его представителями. В процессе трансформации социальных отношений возникает «Я». Ребенок начинает относиться к себе, как к Другому. Основу этого отношения составляют его представления об отношении к нему со стороны окружающих. «Я» изменчиво и зависит от контекста социальной ситуации и особенностей протекания коммуникативного процесса. Вне социокультурной среды достижение индивидуальности, через активные действия человека, затруднительно [14].

И. Гофман раскрывает понятие идентичности через понятие стигмы. Стигма является определенным барьером между явной и желанной идентичностями, который индивид намеревается скрыть в силу ее социальной нежелательности. В основе развития стигмы лежат социальные ожидания, которым стремится соответствовать личность. При несовпадении виртуальной и реальной идентичностей возникает конфликт, оказывающий негативное воздействие на социальную идентичность. Ожидания от социальной идентичности связаны с набором ролевых репертуаров, а от

индивидуальной идентичности – доступного типа информационного контроля. Связь между личностной и социальной идентичностями прослеживается в следующем: построение личностной идентичности требует обращения к социальной сфере, а именно к памяти как ее основе [6].

Р. Джекинс указывает, что на данный момент фиксируется неопределенность идентичности, которая связана с интенсификацией межкультурного взаимодействия, миграцией, социально-политическими трансформациями. В связи с этим идентичность стоит разделять на номинальную и виртуальную. Номинальная идентичность отражает различные символические атрибуты, которые связаны с принадлежностью человека к конкретной этнической группе (традиции, обычаи и др.). Виртуальная идентичность отражает индивидуальность человека, как представителя определенной группы [29].

В целом, в рамках символического интеракционизма, в идентичности обнаруживается объединение социального и личностного, которые формируются путем взаимодействия с социальной средой, а также в результате освоения социальных ролей. Внутреннее противоречие в структуре идентичности обнаруживается в утверждении собственной неповторимости и стремлении к принятию референтной группой. Основой развития идентичности является рефлексия, когнитивная оценка и переработка результатов социального взаимодействия. В процессе социализации и социального взаимодействия личность приобретает определенные символы, которые влияют на формирование личности и определяют ее социальные действия и поведение. Итогом взаимодействия является формирование и изменение идентичности.

Как указывает Е.П. Белинская, на современном этапе наблюдается отсутствие единого подхода к пониманию идентичности, в силу рассмотрения ее отдельных компонентов, а не в целом. Оппозиция субъекта и социального контекста снимается путем понимания взаимосвязи идентичности и коммуникативной ситуации. Ориентация на ее особенности позволяет рассматривать самокатегоризацию в динамическом ключе, как постоянно обновляющуюся для достижения наибольшей эффективности [5].

В данный момент актуальной является нарративная концепция, понимающая существование идентичности в форме «жизненной истории» [10]. Именно в ней происходит формирование и становление идентичности путем понимания жизненного опыта. Постоянное обновление связей с внешним миром, их качественные трансформации приводят к изменению идентичности. К основным элементам идентичности относятся: понимание аутентичности жизненного пути и его рефлексия, принятие ответственности жизненного выбора, интеграция жизненного выбора. Основным механизмом построения идентичности является Я-нарратив, то есть внутренняя схема понимания жизненного опыта [31].

Р. Нампак определяет идентичность как мировоззрение, проявляющееся в личном нарративе, конструируемом и реконструируемом на протяжении всей жизни в процессе социального взаимодействия. Особенностью идентичности является связь между «Я» и обществом. Доминирующий и личный нарративы взаимосвязаны между собой. Личные нарративы идентичности развиваются и фиксируются в когнитивных сферах. В дальнейшем они включаются в систему доминирующих нарративов. Переживание угрозы идентичности и экзистенциальной незащищенности влияют на процессы социального обновления. Потеря коллективной идентичности усиливает связь между доминирующей и личной идентичностью [28].

R. Galliger под идентичностью понимает интегрированное, контекстуализированное, целостное самоощущение, которое включает в себя множественные аспекты «Я» [27].

Е.И. Рассказова и А.Ш. Тхостов рассматривают идентичность как основу самоидентичности личности. В процессе формирования идентичности отмечается неравномерный вклад личных и социальных факторов. К механизмам формирования относятся:

1. Эмоциональное заражение – эмоциональное переживание общности с другими. В результате чего идентичность приобретает недифференцированный характер.

2. Идентификация – соотнесение себя с определенным объектом.

3. Скрытая идентификация – истинная идентичность скрывается от других, в силу доминирования аффективных процессов. Объектом идентификации становится образ, который создается на основе опасений, без учета социального контекста.

4. Слияние идентичности – объединение социальной и личной идентичностей. Активность направлена на сохранение целостности группы.

5. Когнитивная и аффективная переработка – трансформация задаваемых извне объектов идентификации, с учетом внутренней направленности личности [22].

Э.М. Думнова рассматривает в основе идентичности механизм идентификации, который позволяет личности соотнести себя со значимыми объектами и сформировать определенный тип идентичности. Изменение идентичности связано с нарушением связей с объектом [9].

Исходя из того, что в личности объединяются несколько идентичностей, можно выделить определенные закономерности перехода. Идентичность актуализируется в конкретной ситуации. В ситуации противопоставления гражданских представлений необходимо обострение гражданской идентичности, однако, если она не сформирована необходимо проявление идентичности согласно контексту ситуации. Исходя из этого, можно выделить ситуативную идентичность. Еще одна закономерность, которую можно выделить – влияние социокультурного контекста. С изменением иерархии происходит смена доминирующей идентичности. Освоение социокультурного пространства позволяет расширить ролевой диапазон, что позволяет сформировать новые виды идентичности.

Н.В. Антонова и В.В. Белоусова разработали динамическую модель идентичности. Самоопределение является центральным компонентом данной модели, а к механизмам формирования идентичности относятся: идентификация, интериоризация, самоопределение [3].

В структуре идентичности выделяют: содержание (самоописание в терминах социальной и личностной идентичностей); оценка отдельных компонентов на основе критериев соответствия; временные параметры, которые позволяют обеспечить самоидентичность личности путем интеграции прошлого, настоящего и будущего.

Динамичность идентичности заключается в смене ее статусов. На основе сочетания параметров определяется статус идентичности. К параметрам относятся: «сила» идентичности – описывает наличное состояние достигнутой идентичности; открытость – характеризует стремление к изменениям. Сочетание параметров позволяет выделить типы идентичностей: открытая нестабильная идентичность (конструктивный кризис); открытая стабильная идентичность; закрытая нестабильная идентичность (деструктивный кризис); закрытая стабильная идентичность.

Начальным этапом является наличие диффузной идентичности. Предполагается, что данная стадия длится до 3-х лет и сменяется преждевременной. Тем не менее, она

возникает каждый раз, когда возникает кризисное состояние. В дальнейшем, при помощи механизмов идентификации и интериоризации возникает преждевременная идентичность. Последней стадией является достигнутая идентичность, которая заключается в склонности к открытости и самоизменениям.

Формирование идентичности, может протекать путем перестройки отдельных ее компонентов, либо в целом. Сензитивным периодом становления идентичности является подростковый возраст, однако внутренние трансформационные процессы, могут обострять данный процесс и после. Исходя из этого, идентичность – процесс, который является составным элементом в построении жизненного пути и проявляющийся в выборе индивидуальных векторов объектов идентификации.

А.Н. Кимберг идентичность также рассматривает через самоопределение и выделяет личностную, отношенческую и коллективную идентичности. Личностная идентичность формируется на индивидуальном уровне и включает ценностно-мотивационную, образную, поведенческую сферы. Отношенческая идентичность раскрывается через систему отношений по отношению к другим на основе анализа ролевых моделей поведения. В процессе идентификации с группами формируется коллективная идентичность. Становление идентичности протекает на бессознательном уровне и включает собственную оценку индивидом себя и агрегации оценок референтной группы.

Идентичности присущи следующие характеристики:

1. Целостность. В процессе деятельности личность включена в различные сферы социальных практик, которые выдвигают определенные требования к статусно-ролевым характеристикам личности и критериям успешности их реализации. Исходя из этого, можно выделить частную идентичность, как набор имеющихся качеств и свойств личности, которые объединяются в актуальной идентичности. Актуальная идентичность образует целостность качеств, воплощающихся в модели самопрезентации и способствующих преобразовательной активности. Типы идентичности актуализируются и изменяются в зависимости от социального контекста и позволяют обеспечивать адаптивность и динамичность системы «Я – Мир».

2. Процессуальность. Изменение системы отношений предполагает качественную трансформацию параметров идентичности. Механизмом, обеспечивающим трансформацию, является рефлексия.

3. Многоуровневость осознания. Идентичность репрезентуется в системе представлений о себе на когнитивном уровне.

4. Ситуативность. Взаимодействие с внешним миром позволяет актуализировать различные типы идентичности заданные контекстом деятельности. Идентичность отображает систему отношений внутри которой находится человек [12].

Идентичность можно также рассматривать с точки зрения процесса достижения определенности для дальнейших целенаправленных действий. Определение стиля идентичности, как индивидуально-типичного стиля преодоления трудных жизненных ситуаций, позволяет рассматривать идентичность как динамический процесс преобразования «Я». Функционирование идентичности может характеризоваться определенным стилем. Информационный стиль проявляется в активном информационном поиске, пластичности образа Я, направленности на познание нового. Для нормативного стиля характерна ригидность «Я-концепции», интолерантность к неопределенности, конформизм [17].

Идентичность также можно рассматривать, как механизм саморегуляции в системе индивидуального и общественного. Общество обеспечивает развитие

когнитивных и психосоциальных навыков, а индивид обеспечивает функционирование и развитие общества. Таким образом, развитие индивида обеспечивает развитие общества.

С точки зрения субъектно-бытийного подхода идентичность является полисистемным феноменом и может рассматриваться в нескольких аспектах. Первый, акцентирует внимание на том, что личностная идентичность отражает стабильность и устойчивость личностной организации. Неустойчивость личностной организации является предпосылкой формирования диффузной идентичности. Второй, предполагает социальную основу личностной идентичности. Идентифицируясь с группой, личность становится носителем норм и правил определенной социальной группы и стремится к подтверждению своего социального статуса со стороны этих групп. Распад группы приводит к нарушению системы идентификаций и самоидентифицирования [20].

Личность интегрирует социальную и личностную идентичность, что позволяет сформировать единую «Я-концепцию» и синтезирует многомерные идентификации. Механизмом интеграции и активации идентичностей является личностный смысл [15]. Л.Б. Шнейдер понимает термин «идентичность» на трех уровнях: рационалистическом, понятийном и иррациональном. Идентичность необходимо рассматривать как интегративный феномен, куда включена эмоциональная, поведенческая и когнитивная сферы. Она является сочетанием тождественности, целостности и определенности образующих динамическое структурное единство. Наряду с классическими статусами идентичности, описанными Дж. Марсиа, автор добавляет псевдоидентичность. Под псевдоидентичностью понимается отрицание, либо преувеличение собственной идентичности, что сопровождается нарушением идентификации, рефлексивности, временной перспективы [24].

Как указывает К.А. Абульханова, выделение «Я» достигается путем интерпретации, которая подтверждает идентичность на сознательном и бессознательном уровнях. Задача идентичности заключается в интеграции в действительность. Самовыражение, в сочетании с художественно-эстетическими потребностями обеспечивают стабильность идентичности и ее протяженность во времени [1].

Н.В. Гришина, наряду с социальной и личностной идентичностями, выделяет экзистенциальную идентичность. Она связана с бытийным пространством и раскрывается в процессе удовлетворения мета-потребностей. Агентом формирования является экзистенциальный опыт [7].

Г.М. Андреева терминологически разделяет личностную и социальную идентичности следующим образом: личностная является индивидуальной характеристикой, а социальная – результат соотносительности индивида с определенной социальной группой.

Личностная идентичность раскрывается в физических, нравственных, интеллектуальных характеристиках, которые можно включить в «Я-концепцию». Для изучения социальной идентичности возникает необходимость рассмотрения личности с позиции ее включенности в группу, анализа «социального Я» [2].

Можно выделить определенные закономерности процесса социального самоопределения:

1. Направленность на сохранения позитивной идентичности, что позволяет сформировать сбалансированную систему между внутренними переживаниями и восприятием внешней среды.

2. В основе позитивной идентичности лежит процесс социального сравнения.

3. Для сравнения – необходимо наличие четких характеристик для аутогрупп и ингруппы.

4. Положительная идентификация с ингруппой, в дальнейшем создает предпосылки для дифференциации аутогрупп.

Структура идентичности является многоуровневой и включает в себя эго-идентичность, личностную и социальную идентичность. Компоненты структуры могут дополнять друг друга и актуализируются в зависимости от социального контекста. Эго-идентичность является рефлексивной составляющей Эго, способствующей переживанию осмысленности жизненного пути. Личностная идентичность – компонента целеполагания в контексте социального взаимодействия. Социальная идентичность интегрирует индивида в социальную группу [21].

Н.Л. Иванова определяет социальную идентичность как личностное образование, включающее содержательные и формально-динамические характеристики, функционирующее в рамках системы социальных конструктов. Процесс идентификации протекает на нескольких уровнях. Базовым является индивидуальный, в дальнейшем на субъектном и завершается личностным [11].

Рассматривая процессы социального познания в нестабильные периоды общественного развития, Г.М. Андреева выделяет ряд показателей, которые наиболее ярко характеризуют спорность исторического процесса на этапе радикальных изменений. Среди них важное место занимает кризис социальной идентичности, которая обозначается как особенное состояние сознания, когда большинство социальных категорий, при помощи которых человек обозначает себя и свое место в мире, воспринимаются утратившими свои границы и ценность [2].

Изменения идентичности происходят, когда человек оказывается в новых для него социальных условиях. В связи с этим представления личности о себе, других, среде подвергаются трансформации и возникает новая иерархия социальной идентичности. Для системы идентичности характерна стабильность, которая достигается путем интеграции различных аспектов идентичности. Если в результате изменения социального окружения доминирует и становится ведущей ранее не актуализированная идентичность, происходит перестройка всей системы идентичностей. Если на первый план выходит одна из базовых идентичностей, то наблюдается минимальные изменения, потому что связь внутри базисных идентичностей более стабильна и прочнее. Если доминирующей становится одна из временных идентичностей, то наблюдается дестабилизация системы и необходима перестройка системы идентичностей для достижения стабильности. Достижение устойчивости может продолжаться длительное время. Таким образом, можно констатировать сложность, многоуровневость, целостность системы идентичностей, которая содержит базисные и локальные идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Время личности и время жизни : Науч. изд. / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина; [Рос. акад. наук. Ин-т психологии]. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – 299 с.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Г.М. Андреева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 301 с.
3. Антонова Н.В. Самоопределение как механизм развития идентичности / Н.В. Антонова, В.В. Белоусова // Педагогика и психология образования. – 2011. – №. 2. – С. 79–92.
4. Белик А.А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология / А.А. Белик // Социальная психология и общество. – 2011. – Т. 2, № 1. – С. 31–43.

5. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности / Е.П. Белинская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8, Вып. 1. – С. 6–15.
6. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность. Ч. 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3-6). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.HSE.ru/Data2011/11/15 (дата обращения: 12.03.2023).
7. Гришина Н.В. Идентичность как экзистенциальное понятие / Н.В. Гришина // Личностная идентичность: вызовы современности : материалы Всероссийской психологической научно-практической конференции (с иностранным участием), Майкоп, 03–04 октября 2014 года / Редакционная коллегия: В.В. Знаков (отв. ред), А.Н. Кимберг, Н.В. Ковалева, С.Д. Некрасова, Л.Н. Ожигова, З.И. Рябикина (отв. ред). Г.Ю. Фоменко. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2014. – С. 6–8.
8. Джеймс У. Психология [Текст] : [пер. с англ. И. Лапшина, М. Гринвальд; вступит. ст. А. Лызлова]. – М. : РИПОЛ классик, 2020. – 616 с.
9. Думнова Э.М. Механизмы формирования идентичности в транзитивном обществе / Э.М. Думнова // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – № 2 (24). – С. 104–111.
10. Зайцева Ю.Е. Модель нарративного анализа стиля идентичности / Ю.Е. Зайцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – № 4. – С. 6–22.
11. Иванова Н.Л. Психологическая структура социальной идентичности : дисс. ... доктора психол. наук : спец. 19.00.05 «Социальная психология» / Н.Л. Иванова. – Ярославль, 2003. – 408 с.
12. Кимберг А.Н. Личностная идентичность и отношения с близкими людьми / А.Н. Кимберг, А.А. Таганова // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – № 3. – С. 26–40.
13. Мак-Вильямс Н.М. Психологическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе [Текст] / Нэнси Мак-Вильямс – М.: Независимая фирма «Класс», 2001. – 480 с.
14. Мид Дж. Интернализированные другие и самость / Джордж Мид // Американская социологическая мысль : Тексты : [Перевод] / Сост. Е.И. Кравченко; Под ред. В.И. Добренкова. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 495 с.
15. Ожигова Л.Н. Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтнической среде : монография / Л.Н. Ожигова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Кубанский гос. ун-т. - Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2009. – 192 с.
16. Ондар А.А. О проблеме исследования идентичности в зарубежной психологии / А.А. Ондар // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 86–90.
17. Полева Н.С. От идентификации к идентичности / Н.С. Полева // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11. – № 58. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1549-pole-va58.html> (дата обращения: 11.04.2023).
18. Руденко С.В. Особенности временной перспективы студенческой молодежи в контексте социальной идентичности / С.В. Руденко // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2019. – № 1. – С. 89–96.
19. Руденко С.В. Структура социальной идентичности студентов / С.В. Руденко // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2022. – № 1. – С. 106–114.
20. Рябикина З.И. Личностная идентичность в ситуации изменения системы идентификаций (социо-психологические эффекты украинского разлома) / З.И. Рябикина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Т. 3. – №. 3. – С. 263–267.
21. Тучина О.Р. Идентичность и самопонимание личности / О.Р. Тучина // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 2 (78) – С. 47–53.
22. Тхостов А.Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода / А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5. – № 26. – С. 2.
23. Фрейд З. Психология бессознательного : Сб. произведений : [Перевод] / З. Фрейд; Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М. : Просвещение, 1989. – 447 с.
24. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л.Б. Шнейдер. – Москва : Московский психолого-социальный университет, 2007. – 128 с.
25. Эриксон Э. Детство и общество / Эрик Г. Эриксон ; Пер. [с англ.] и науч. ред.: А.А. Алексеев. – 2. изд., перераб. и доп. – СПб. : Лет. сад, 2000. – 415 с.
26. Ясперс К. Общая психопатология [Текст] / Карл Ясперс ; перевод с нем. Л. Акопяна. – М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020. – 1055 с.

27. Gallihier R.V., McLean K.C., Syed M. An integrated developmental model for studying identity content in context / R.V. Gallihier, K.C. McLean, M. Syed // *Developmental Psychology*. – 2017. – № 53. – Pp. 2011-2022.
28. Hammack P. L. Narrative and the cultural psychology of identity / P.L. Hammack // *Personality and social psychology review*. – 2008. – Vol. 12. – №. 3. – Pp. 222–247.
29. Jenkins R. *Social identity* / R. Jenkins. – London : Routledge, 1996. – 206 p.
30. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood / J.E. Marcia // *Identity: An international journal of theory and research*. – 2002. – Vol. 2. – №. 1. – Pp. 7–28.
31. McAdams D.P. Narrative identity / D.P. McAdams // *Handbook of Identity Theory and Research* / ed. by S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. – New York: Springer, 2011. – Pp. 99–115.
32. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J.C. Turner // *Psychology of intergroup relations*. – 1986. – №. 1. – P. 7–24.
33. Waterman A.S. Identity as an Aspect of Optimal Psychological Functioning / A.S. Waterman // *Adolescent Identity Formation*, Sage Publications, Inc., 1992. – Pp. 50–72.

Поступила в редакцию 15.02.2023 г.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE PROBLEM OF IDENTITY

E.V. Chukanov

The problem of identity formation is interdisciplinary. However, there is still terminological uncertainty, which leads to the blurring of the boundaries of the concept. Based on the analysis of sources, the evolution of views on the problem of identity is noted. Initially considered as an attribute of consciousness, there is a transition to the study of the psychological mechanisms underlying identity. Classical psychoanalysis considers the identification process as the main mechanism. As points out E. Erickson The basis of identity is the self-perception of continuity and identity in historical time. Striving for personal integrity, understanding one's solidarity with the identity of the group and its ideals. Identity is the result of the integration of multiple child identifications and is dynamic in nature. At the present stage, there is a differentiation of types of identity. Along with personal and social, existential, narrative, etc. are distinguished. The basis of identity change is the transformation of social conditions as an external condition and reflection as an internal one.

Key words: identity, personal identity, social identity, narrative identity, social transformations, identity, social cognition, reflection.

Чуканов Евгений Валериевич.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Старший преподаватель кафедры психологии.

E-mail: chukanove.v@gmail.com

Chukanov Evgeniy Valerievich.

Donetsk National University.

Senior lecturer of the Psychology Department.

E-mail: chukanove.v@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в следующих отраслях наук:

5.9. Филология:

- 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;
- 5.9.3 Теория литературы;
- 5.9.5 Русский язык. Языки народов России;
- 5.9.6 Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;
- 5.9.9 Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен выходить за пределы диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков), включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (v.terkulov@donnu.ru, v.korobova-latyntseva@donnu.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора) статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то строки разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. **Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

Образец оформления начала статьи:

УДК 81:112

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2021 *Т.А. Дьякова*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке

оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристражные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е.С.]. – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).

- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна. Кандидат филологических наук, доцент. ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского». Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. E-mail: diako122@rambler.ru	Diakova Tatiana Alekseevna. Candidate of Philology, Associate Professor. State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky. Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines. E-mail: diako122@rambler.ru
---	--

4. Отдельными файлами после рецензирования и получения информации о приёме статьи к публикации автором подаются подписанные им Лицензионный договор и Согласие на обработку данных.

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: v.terkulov@donnu.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (E-mail: v.korobova-latyntseva@donnu.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2023. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 03.04.2023
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 10,12
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.